

- Если теория или концепция никогда никем не излагалась, ее попросту нет. Изложение есть наличное бытие теоретической системы.
- Нечто может выступать в качестве объекта лишь в том случае, если есть субъект познания и преобразования; это соотносительные понятия. НО:
- Познаваемый объект существует по собственным законам и не определяется тем, что есть субъект⁴⁸¹.

И сегодня, с точки зрения всеобщих характеристик сознания, наука по-прежнему определяется как рационально-предметная деятельность, причем предметом философско-научного мышления таки объявляется теория, ее идеальные объекты, ее методы и высказывания. Согласно Фреге, одни логические предложения рассматриваются как аксиомы и не требуют доказательства ввиду очевидности содержащейся в них мысли; все другие предложения рассматриваются как следствия исходных. Технология, или механизм-метод получения следствий должен быть настолько эффективным, чтобы позволить получить из базисных предпосылок все содержание науки. Он может быть – и даже должен быть! – исследован независимо от любой теории и сам может и должен быть представлен в виде теории.

«Теория» с точки зрения эпистемологии есть «развитая форма организации научного знания, в идеальном случае предполагающая дедуктивный метод построения и выведения знания – логических следствий, получаемых с необходимостью из системы аксиом или достоверных посылок»⁴⁸². Главное требование: хотя бы один элемент теории (в целом состоящей из взаимно логически согласованных, «когерентных» элементов) должен иметь самостоятельное основание своей достоверности.

Надо еще раз подчеркнуть, что в отечественной литературе образ философии науки по-прежнему тесно связан с эпистемологией или, по крайней мере, с научно-теоретической системой, той или иной, а не только с практической, технической деятельностью ученого в лаборатории. Хорошо или плохо, это – так. В итоге мы ошибаемся в своей оценке деятельности так называемых постпозитивистов, они же историки и философы науки, полагая, что их критика неопозитивизма, он же логический синтаксис и логическая семантика, сближает наши с ними позиции⁴⁸³. В действительности, философской платформой «нашей» эпистемологии было и осталось гегельянство, а

⁴⁸¹ Демичев В.А. Проблема систематизации философского знания. Спецкурс. – ИПК МГУ, сент. 1986 г.

⁴⁸² Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы. – М.: «Прогресс-Традиция», 2002. – С. 31.

⁴⁸³ Лекции по философии науки: Учебное пособие / Ред. В.И. Пржиленский/ – Серия «Учебный курс», с. 3-4. – М.: ИКЦ «МарТ» – Ростов н/Д.: Изд. Центр «МарТ». – 2008.

философии науки и в ее рамках позитивизма, *всего позитивизма* – кантианство. Эти основания совпасть не могут. Хотя Кант был классическим рационалистом, а позитивизм – это в сущности эмпиризм, однако кантианская основа развития философии позитивизма, в частности – постпозитивистской философии науки, несомненна. Гегелевская философия – это наука о тождестве предельных основ бытия и познания (так было и у Философа, только совершенным состоянием Аристотель считал покой, а Гегель – движение); а кантианская и любая неокантианская философия – это учение о «распадении», о драматическом обособлении разума и «вещи-в-себе».

Что характерно: если отечественный философ, перешедший с позиций гегельянства/марксизма на позиции (нео)кантианства, одновременно вместо принципа единства основ бытия и познания принимает принцип прямо противоположный, то эффект получается неоднозначный. Как уже не раз подчеркнuto, теория познания (гносеология) приводится к теории *научного* познания (эпистемологии) и методологии с усекновением метафизической (мировоззренческой) проблематики; те, в свою очередь, к логике и методологии науки = философии науки; та – к позитивистской «лингвистической философии»... Далее обнаруживается «потеря субъекта»: его социокультурного генезиса, смысложизненных позывов, верований, ритуалов, извинительных ошибок и необходимых заблуждений, – как и все прочие потери и «смерти»: «автор», «трансцензус», «теория»; «истинное», «рациональное», «объективное», «социальное», «персональное»... «неповседневное»... Изгнанная в дверь, мировоззренческая, социокультурная и пр. гуманитарная проблематика довольно патетически появляется в окнах, возвращаясь «на круги своя, за други своя»... спрашивается, стоило ли доводить дело до «смерти философии», чтобы потом, сожалея о сопутствующей тотальной гибели «больших» концептов, заняться их гальванизацией, начиная с воскрешения субъекта? Стоило ли ставить крест на гносеологии? Отпочковываясь от нее и обретая специфические предметы, все упомянутые отдельные дисциплины не в состоянии исчерпать ее или отменить, точно так же, как рождение физики, химии, лингвистики или социологии *из философии* не отменяет ее первородного могущества и эвристической силы.

Теперь наше *credo*. Философия, «Мать всех наук», не может не быть наукой: *Mother-of-pearls cannot but be akin to all pearls*. Естественно, что и наука не может не быть наукой. *A pearl cannot but be a pearl*. Философия науки также не может не быть философией и не может не быть наукой. *Hence philosophy of science cannot be but philosophy – and science*. Она пока больше ориентирована на естественнонаучное знание; это не очень правильно. Философия

изначально формировалась как гуманитарная наука (И.Т. Касавин). Человек **теоретически**, философски доказывает, обоснованно принимает мировоззрение. Философия науки, как сказано, изучает отношение человека науки к миру науки. *Наука предстает как предмет философского осмысления.*

Я выражаю убежденность, что наука, в том числе гуманитарная, как и сама философия, способна давать объективную истину, в том числе абсолютную. В этом состоит ее прерогатива и ее когнитивная, познавательная функция, объединяющая описание, объяснение и прогноз.

Теперь еще хотелось бы утвердиться во мнении относительно того, *что такое наука с точки зрения философии.*

Можно сказать так: наука – это социальная система, состоящая из профессиональных сообществ, основной целью которых является получение, распространение и применение *научного знания*. Некоторые учебные пособия так и говорят. Круг в таких определениях очевиден. Можно и без тавтологии: наука – это форма общественного сознания; это мировоззренческая, производительная и социальная сила. Собственно, и философия тоже. И искусство. И даже религия, производящая самые разнообразные отношения, действия и тексты. Налицо ошибка слишком широкого определения.

Современная литература, посвященная философии науки, часто ее характерной чертой предлагает считать рефлексивность, самоотражение: «... направленность на себя, исследование самого процесса познания, его форм, приемов, методов, понятийного аппарата»⁴⁸⁴. Однако вряд ли и этот признак можно считать дефинитивным: ведь рефлексия присуща всему философскому мировоззрению; рефлегирует искусство; идеальное, становясь сознанием, именно предполагает рефлексия, точнее говоря, рефлексия – механизм осуществления *сознания вообще*. Или так: цель науки – построение мысленных моделей предметов и их оценка на основе внешнего опыта [thanks a lot! Так происходит любое познание, так действует сознание вообще]. То же касается «рационально-предметной деятельности», к которой, за неимением лучшего, приводятся социологически ориентированные дефиниции науки: та предстает как занятие организованных в соответствующие профессиональные сообщества людей, занятых распространением научного знания в разных формах: книгах, статьях, компьютерных программах. Но разве, допустим, практически-политическая деятельность не подпадает под это определение?..

Словари также дают разные дефиниции; например, такую: «Наука – процесс построения систематизированного образа части реальности,

⁴⁸⁴ Дзегуганов Б., Стрельченко В., Балахонский В., Хон Г. История и философия науки. – М., СПб., Нижний Новгород, Ростов-на-Дону, Екатеринбург и др. «Питер», 2006. – С. 242.

ориентированный на выявление ее общих свойств»⁴⁸⁵. Было бы неплохо, если бы это определение нельзя было отнести ни к чему, кроме науки...

В высоко ценимой нами «Философии науки» Статиса Псиллоса ни дефиниции философии, ни дефиниции науки, ни дефиниции философии науки мудро не дается. Вернее, они приводятся в соответствии с установлением авторства. Что же, нам следует отказаться от применения первой, базовой, почтенной операции, с которой логика и начиналась как наука, *в логике и методологии науки*? От операции по выяснению и оправданию содержания понятий («а именно в этом дело философии»? Понятно, что не все можно и нужно определять; что самые фундаментальные понятия метафизики, категории, неопределимы через род и видовое отличие (но только все через все, это герменевтический круг); что хотя бы один, базовый, элемент теории должен иметь самообоснование. (Последнее касается аксиом, а не понятий). Однако это не относится к таким абстракциям как «человек», «знание», «знак», «значение», «язык», «общество», «природа», «наука». Это высокие абстракции, но не категории⁴⁸⁶, в отношении них реальное определение не только возможно, но и необходимо. Если сами представители соответствующих специальных наук, интуитивно или осознанно действуя на основе теорем Геделя о неполноте, от определений базового элемента теории отказываются, то таковое вполне возможно при выходе за рамки данной специальной науки на более высокий, общенаучный уровень, а с него – на философский. (И для самой философии найдется метаязык!) Разве отсутствие взаимопонимания между самими философами науки ввиду отсутствия общеприемлемого, хотя бы т.наз. рабочего, определения их объекта не искажает, не блокирует все дискуссии относительно природы, сущности, основных характеристик и роли науки? Если так, дискуссия «сваливается» либо в полемику, неуступчивую и «актуально бесконечную» войну, либо в диспут наподобие религиозного, в ходе которого оппоненты лишь предъявляют свои позиции без надежды на взаимопонимание и конструктивную работу. Такова логика спора!

Исследования должны быть продолжены.

Науку можно понимать как систему взаимосвязанных экспериментов и теорий. Самый первый и верный подход к ней – чисто философский, *гносеологический*. Она предстает как сфера совершенного (насколько это доступно и вместе с тем необходимо человеку), наиболее важного, трудами тысяч лет добытого, объективно-истинного по содержанию и формально-правильно выстроенного знания.

⁴⁸⁵ Словарь философских терминов / ред. В.Г. Кузнецов. – М.: ИНФРА-М. – 2005. – С. 347.

⁴⁸⁶ Их **объявляют** категориями в частных отраслях знания: антропологии, лингвистике, социологии, семиотике, информатике и пр.

Известный специалист в области логики, методологии, истории и философии науки, создатель социальной эпистемологии академик И.Т. Касавин полагает, что задача науки изначально состояла в обосновании силы человеческого разума. Он указывает, например, что «социально-гуманитарное познание оформилось в систему задолго до естественных наук, как скоро оно должно было регулировать политические, правовые, экономические, личностные отношения»⁴⁸⁷.

Этот философ подчеркивает, что социально-гуманитарное познание существовало в двух лицах: сакральном (магия) и профанном (технология), причем этому разделению служили прообразами небо и земля. Отсюда возникли бинарные оппозиции *порядка* и хаоса.

Убедительным представляется, что натурфилософия и возникшее из нее естествознание действительно сложились из магических технологий ради использования скрытых сил природы. И.Т. Касавин разъясняет: «Противоположность небесного (регулярного, совершенного, самодостаточного) и земного (стихийного) миров легла в основу противоположностей порядка и хаоса, причины и следствия, сущности и видимости, закона и факта, истины и заблуждения, точного и приблизительного.

Небо с совершенными движениями светил стало онтологическим прообразом *научной теории*, к возникновению которой привела философско-научная ориентация на рационализацию познавательного процесса. Земля с ее многообразием и несовершенством послужила прообразом эмпирического познания. Прототипом соотношения теории и эмпирии явилось все то же соотношение сакрального и профанного».⁴⁸⁸ Предложенная познавательная модель многое объясняет в отношении структуры научного знания. В известном смысле она перекликается со следующей двоякоориентированной оценкой специфики науки – *два отличительных признака* науки суть таковы: 1) исследование законов преобразования объектов; отсюда предметность и объективность научного знания; 2) выход науки за рамки предметных структур и производственного освоения. (Отсюда следует радующая философа независимость познания объектов от сегодняшних возможностей их немедленного использования. Вспоминается Лунь-юй: благородный муж научен истиной, малый человек научен пользой...).

С течением времени философы, отойдя от мифологии на достаточное для критики расстояние, исходят уже из дилеммы наблюдаемого и

⁴⁸⁷ Касавин И.Т. Традиции и интерпретации: фрагменты исторической эпистемологии. – М. – СПб: Изд-во РХГИ, 2000, с. 24.

⁴⁸⁸ Касавин И.Т. Там же, с. 24-25.

ненаблюдаемого. Так, Платон устами Сократа в диалоге «Федон» говорит: «Ведь эти вещи ты можешь ощупать, или увидеть, или ощутить с помощью какого-нибудь из чувств, а неизменные [сущности] можно постигнуть только лишь с помощью размышления...» (Федон. 79а). А Эпикур в письме Пифоклу делает акцент на чувственно-воспринимаемом: «...Не на основании пустых [недоказанных] предположений должно исследовать природу, но так, как того требуют видимые явления. ...Если кто одно оставляет, а другое, в такой же степени согласное с видимыми явлениями, отбрасывает, тот, очевидно, оставляет область всякого научного исследования природы и спускается в область мифов»⁴⁸⁹.

Первым научным методом была «феория», рассмотрение, которое осуществляется и теми глазами, «что во лбу», и очами разума.

Неоценимые услуги эпистемологии оказали схоласты. О создании Боэцием языка науки как особого функционального стиля уже говорилось. А классификацию видов знания в направлении к все большему уточнению, от общегносеологического понимания к собственно философско-научному, как уже упоминалось в предыдущих главах, построил в своей «Эпистемологии» Уильям Оккам:⁴⁹⁰ Наука:

1)...есть несомненное знание какой-либо истины. И в данном случае некоторые [истины] познаются нами только на основании веры {sic sciuntur aliqua per fidum tantum}: (Рим – большой город...) Поскольку мы без тени сомнения придерживаемся истинности такового, мы говорим, что знаем это;

2)...есть очевидное знание. ...Непосредственно или опосредованно признаем определенную истину на основании несоставного знания неких терминов, даже если никто не говорит о ней;

3)...есть очевидное знание чего-либо необходимого. И в данном случае познаются не контингентные [факты], но начала {principia} и выводимые из них следствия;

4)...есть очевидное знание необходимой истины, полученное в результате силлогистического рассуждения из очевидного знания необходимых предпосылок.

Только этот последний вид знания и есть наука, proprie vocatur.

Заслуги великого схоласта перед эпистемологией невозможно переоценить. Остановимся лишь на нескольких сюжетах. Вот как кодифицировал Оккам статус научного знания: это научение, обладание разумной души, или ее внутренняя форма.

⁴⁸⁹ Письма и фрагменты Эпикура // Материалисты Древней Греции. – С. 198.

⁴⁹⁰ Оккам. Избранное. Эпистемология. – С. 73-75.

...Scientia vel est quadem qualitas existens subiective in anima, vel est collectio aliquarum talium qualitatem animam informatium. (2.1. С.70). {Наука есть либо некое качество, субъективно существующее в душе, либо совокупность таких качеств, образующих внутреннюю форму души. –Э.Т.} Quia impossibile est contradictoria successive verificari de aliquo, nisi sit alicubi mutatio, scilicet acquisitio aliquis rei vel deperditio vel productio vel destructio vel motus localis {Поскольку невозможно без противоречий доказать обратное, разве что где-нибудь произошло... изменение, т.е. приобретение, или утрата, или производство, или разрушение, или локальное движение}; sed nulla tali mutatione existente in aliquo alio ab animi rationali; potest anima aliquid intelligere, quod non prius intelligebat {но никаких таких изменений не происходит в разумной душе: <а поэтому> душа может познавать то, что прежде не знала}, per hoc {благодаря тому} quod vult intelligere aliquid, quod non prius intellexit {что желает знать то, что прежде не знала}; ergo anima habet aliquid quod prius non habuit {обладает тем, чем раньше не обладала}. (С.70) <Вспомним ядовитые расспросы киника: «Что ты ищешь, что ты ищешь, Сократ?! Истину?! А как ты ее надеешься найти? Ведь либо ты ею обладаешь, тогда напрасно ищешь; либо не обладаешь, а тогда ты ее не признаешь, а значит, и не присвоишь...» – Сократ: «Я не обладаю истиной. Но когда найду – я признаю ее, потому что душа способна обладать тем, чем ранее не обладала!» Примерно так. –Э.Т.>

Et per consequens eadem ratione habitus scientiae est talis qualitas, vel aggregans tales qualitates. {И, следовательно, на том же основании обладание знанием есть таковое качество или собрание качеств}. (Там же). Кроме того: способность, которая обладает только тем, что имела ранее, способна к действию не в большей степени, нежели прежде. Но наш опыт ясно свидетельствует, что если кто много размышлял, то он впоследствии более способен к сходным рассуждениям, нежели прежде; следовательно, теперь он обладает тем, чего не имел ранее (habet nunc quod prius non habuit). Но это может быть только обладанием; следовательно, обладание является качеством (habitus est qualitas). И, следовательно, еще пуще обладание, которое есть знание, есть качество души. (С.72).

В плане обсуждения основной синтагмы гносеологии Оккам, как некий новый Протагор, афористически формулирует настоящий перл: «знание абстрагированное есть то, в силу которого относительно не-необходимой вещи не может быть с очевидностью познано, есть она или нет. И **таким образом абстрагированное знание абстрагируется от существования или несуществования**, ибо посредством него, **в противоположность интуитивному знанию**, не может быть с очевидностью познано **относительно**

существующей вещи, что она существует, и относительно несуществующей, что *она не существует*. (С. 101). (Выделено мною. –Э.Т.)

Экстраполируя на науку учение Аристотеля о четырех видах причин, Оккам указывал: «...Научное знание обладает только двумя причинами, поскольку не имеет формальной и материальной причин. Это так потому, что материальная причина в собственном смысле слова принадлежит к сущности того, причиной чего она является {...causa materialis est de essentia illius cuius est causa}, а субъект знания не принадлежит к сущности знания, что совершенно очевидно» («Эпистемология», с. 79). Понятно, что эту позицию сегодня можно оспорить, ведь субъект знания у схоластов – не человек, а логическое подлежащее. «Субъект научного знания» может употребляться в двух значениях. Во-первых, «субъектом научного знания» называется то, что получает знание и субъектно обладает им в себе (точно так же говорится, что тело или поверхность есть субъект белизны, а огонь – субъект тепла). И в этом смысле субъектом научного знания является сам разум... В ином смысле «субъектом научного знания» называется то, о чем познается нечто («2-я Аналитика»). И так субъект заключения силлогизма и субъект научного знания есть одно и то же...» (с. 79)

В другом разделе Оккам подчеркивает: «...Имеется различие между объектом научного знания и его субъектом. ...Объектом является все познаваемое положение, субъектом – часть этого положения, т.е. термин, выполняющий функцию субъекта {obiectum scientiae est tota propositio nota, subiectum est pars illius propositionis, scilicet terminus subiectus}». (С. 81).

Что научное знание всегда логически оформлено – собственно, даже не обсуждается. Да и сам Оккам позволяет считать, что в некотором смысле объект научного знания – это его «материя», а различие частей науки – «форма» {improprie vocatur}. Однако важный вывод относительно научного знания, как его понимали античные и средневековые философы, необходимо утвердить здесь же: это высший вид знания, и, как все совершенное по сравнению с несовершенным, оно есть лучшее и существеннейшее воплощение знания вообще.

Знание вообще в предшествовавших наших текстах было охарактеризовано как обнаружение и принятие бытия, участие человека в конкретном существовании объекта путем его представления и обозначения идеальным образом. Адекватное определение *научного* знания сегодня по-прежнему представляет собой философскую проблему.

Часто для определения научного знания употребляются такие экспликации, как *систематичность* или *методическая правильность*: смыслопорождение научного знания подчинено нормативным требованиям и должно

быть получено совершенно определенным путем. «Вещий сон», например, может и сбыться; вообще некоторые паранаучные открытия, как и пресловутая «народная мудрость», достояние здравого смысла и повседневности, могут даже оказаться истинными (иметь объективный референт и пр.). Однако методическая неправильность не дает и даст этой информации объявиться наукой. Разумеется, это надо принять, поскольку так уже сложилось, и гносеология никогда не покушалась на методологию. Более того, диалектика, например, сама есть универсальный метод и всеобщая методология. Однако систематичности и методичности недостаточно. Телефонный справочник или кулинарная книга, вообще любой каталог хорошо систематизированы (кстати говоря, зачастую и объективно-истинны), но совсем не обязательно являются научными трактатами.

Ныне разросшаяся типология методов, на львиную долю опирающихся на показания приборов, выступает на первый план в качестве дефинитивного признака, отличающего *научное* знание от знания *вообще*. Например: «*Научное знание*: знание, получаемое и фиксируемое специфическими *научными методами* и средствами (абстрагирование, анализ, синтез, вывод, доказательство, идеализация, систематическое наблюдение, эксперимент, классификация, интерпретация, сформировавшийся в той или иной науке или области исследования ее особый язык и т.д.)»⁴⁹¹. Коротко суммируя, здесь сказано: научное знание – это научный метод. Хорош или плох, этот «методологизм» сегодня – общее место. Но этот факт не отменяет задач гносеологии по отношению к науке.

После расширения философского словаря, от Боэция до Оккама, мы считаем одной из родовых характеристик науки ее *рацио*-нальность, наиболее интересный для философско-научного анализа концепт.

По словам В.А. Лекторского, рациональность всегда была одной из высших ценностей европейской культуры. Но сегодня эта ценность начинает заново обсуждаться в свете гуманитарного крена в эпистемологии и философии науки, а также вторжением в социальную теорию инженерных практик и технологий. Поднимаются новые вопросы: «Может ли рациональность быть понята как только технологическая (или технонаучная)? Каково место в современном мире рациональности понимания и рациональности диалога? Существуют ли пределы рационального предвидения и действия?»⁴⁹²

Рациональное мышление и рациональное знание – более широкие понятия, чем научное мышление и научное знание. Всякое научное знание рацио-

⁴⁹¹ Философия науки. – М.: Трикта, 2004; М.: Академический Проект, 2004. – С. 25.

⁴⁹² Лекторский В.А. Рациональность, социальные технологии и судьба человека // Эпистемология & философия науки. – Т. XXIX. – № 3. – М.: Альфа-М, 2011. – С. 46.

нально, не всякое рациональное знание научно. Многие пласты философского знания рациональны, но не-научны.

Сплошь и рядом понимаемая как разумность и способность рассуждать, рациональность этимологически означает *умение считать, чувство меры и пропорции*. Ratio по-латыни значит не «разум», а «счет».

В Новое время Гоббс, например, рассматривал умозаключение как вычисление: «рассуждать значит то же самое, что складывать и вычитать», – а истины математического знания стремился увязать не с непосредственным чувственным опытом, а с языком.

Т. Гоббс отклоняется от эмпиризма и приближается к рационализму, когда объясняет достоверность научного знания (*scientia*) как *всеобщность* и *необходимость*, которые невозможно почерпнуть в опыте (указывает известный отечественный историк философии В.В. Соколов).

Г. Лейбниц же высказал идею о необходимости создания новой системы знаков – языка науки, синтетически включающую в себя исчисление высказываний.

В XIX веке идею Лейбница о *Mathesis Universalis* как единстве *characteristica universalis* (искусственного языка науки) и *calculus ratiocinator* (исчисления умозаключений) возродил предтеча лингво-логического позитивизма Готлоб Фреге⁴⁹³.

Язык впервые начинает рассматриваться как исчисление, аналогичное математическим теориям; это «скопированный с арифметического чистый язык формульного мышления»⁴⁹⁴. Математика отказывается от понимания истины как определенной «адекватации между продуцируемыми ими знаниями и действительностью. Критерием истины становится непротиворечивость следствий, полученных из исходных постулатов»⁴⁹⁵.

Главным в высказывании со времен Фреге становятся не языковые средства выражения, не лингвистика, а логика: заключенный в них «смысл», причем смысл еще понимается, с точки зрения «классического» гносеолога и семиолога, «с точностью до наоборот»: *не* как вариативная индивидуализация инвариантного социального значения, *а* как систематическая связь истин. Определяющими смысл объявляются «условия истинности высказывания» в зависимости от той роли, которую они играют при установлении его истинностного значения. Фреге заменяет субъект и предикат суждения на функцию и аргумент.

⁴⁹³ Суровцев В.А. О логико-философских взглядах Готлоба Фреге // Готлоб Фреге. Логико-философские труды. Логические исследования. Основоположения арифметики. – С. 6.

⁴⁹⁴ Там же. – С. 8.

⁴⁹⁵ Там же. – С. 22.

Функциональная часть собственного значения не имеет и понимается как то, что сопоставляет аргументам, входящим в высказывание, некоторое значение истинности. Например: «Водород легче углекислого газа». «Легче углекислого газа» – функция, сопоставляющая аргументу значение «истина».

В логическом синтаксисе и логической семантике, как хорошо известно, объектом исследования стал язык науки. Но еще у схоластов наука понималась как совокупность высказываний, и только. Уильям Оккам считал, что все науки имеют дело с высказываниями, а не с реальными вещами; все науки трактуют не о тех или иных единичных объектах (а реального существования общего Оккам, как позже и английские эмпирики, вообще не допускает), но – о высказываниях, образованных из общих терминов, замещающих в высказываниях реальные вещи. «Все авторитетные суждения, утверждающие, что такая-то наука трактует о таких-то и таких-то вещах, надо понимать в том смысле, что она трактует о терминах, подразумевающих такие-то вещи»⁴⁹⁶. Однако наука не сводится только к пропозициям и их сочетаниям: схоласты толкуют науку гносеологически, как умственный («душевный») образ. А неопозитивисты-венцы объявили науку *текстом*, свободным от всего личностного, исторического, этического, мировоззренческого и т.п. Этот текст состоит из четырех видов базовых протокольных предложений, которые можно и должно анализировать с позиции логики. Эти четыре вида суть предложения предмета (вопросы), предложения метода (нормативы), предложения факта и предложения теории. Первые исследует интеррогативная логика, вторые – логика норм и оценок. К фактам уже приложимы такие оценки, как истинность и ложность; правда, коэффициент вероятности включает значения от 0 до 1. И только предложения теории могут оцениваться в двузначной логике, либо как истинные, либо как ложные.

Принцип верификации был выдвинут как метод установления значения высказывания. Шлик, последний философ «второго» и первый философ «третьего» позитивизма, одним из первых сформулировал принцип верификации (*все истинно научное знание должно быть редуцировано к чувственным данным*⁴⁹⁷, критерием истины является решение проблемы, а критерием решения проблемы выступает ее сводимость к возможному опыту). Он привел науку к совокупности высказываний особого функционального стиля, деятельность философа к анализу языка науки, а теорию знания к методу. «Значением

⁴⁹⁶ Уильям Оккам. Избранное. Эпистемология. – С. 87.

⁴⁹⁷ И.С. Нарский во вступительной статье к собранию сочинений Д. Локка справедливо указывал: «Парадоксально, что "общее" в науке обладает познавательной ценностью только при условии неполноты своего соответствия фактам. В этом своя глубокая диалектика». – С. 54.

выражения является метод его верификации», то есть сведения к выражению типа «...в таком-то месте, в такое-то время, при таких-то обстоятельствах переживается или наблюдается то-то»: «Если в такое-то и такое-то время вы посмотрите в телескоп, направленный туда-то и туда-то, вы увидите, что световая точка (звезда) пересеклась с черной риской (перекрестием)». А.А. Грицанов разъясняет, что Шлик представлял эту процедуру следующим образом: «Для понимания высказывания мы должны обладать способностью точно указывать те конкретные обстоятельства, при которых это высказывание было бы истинным, и те конкретные обстоятельства, при которых оно было бы ложным. “Обстоятельства” означают данные опыта; стало быть, опыт определяет истинность и ложность высказываний, опыт “верифицирует” высказывания». Given that scientific theories should have definite empirical content, Schlick argued that this content is acquired when the deductive system of the theory is applied to the physical phenomena. Принимая, что научные теории должны иметь определенное эмпирическое содержание, Шлик утверждал, что это содержание востребовано, когда дедуктивная система теории прикладывается к физическим явлениям.

Schlick developed a structuralist understanding of science, what he called the “geometrisation of physics”, where all content is left out leaving only pure **structure**, – пишет о лекциях Шлика, посвященных форме и содержанию, Ст. Псилос (с. 224). Шлик разрабатывал структуралистское представление о науке, которое называл «геометризацией физики», и в рамках которого все содержание опускается, остается только чистая структура.

«Каждый наблюдатель вносит свое содержание... тем самым присваивая символам уникальное значение, и он заполняет структуру содержанием так же, как ребенок раскрашивает рисунок, где нанесены только контуры». Получается, что бессмысленно говорить о том, что кто-то иной может знать значение высказывания, верифицированного моим опытом; тот самый «мрак некоммуникабельности»! Мы обречены в своих наблюдениях на серьезное одинокое веселье ученого, который, получая предвиденную теорией констатацию опытом, получает тем самым ощущение свершения, особого удовлетворения... «радость познания есть радость верификации»?

Дискуссии о сущности рационального не прекращаются на протяжении десятилетий и даже столетий. Философия науки после Поппера утверждает, что рациональность высказывания связана с тем, можно ли его подвергнуть критике, способно ли оно получить обоснование, имеет ли эта интеллектуальная конструкция практический «выход». Источником рационального знания давно считается не чувственный опыт как таковой, не *πῦρ τεχνικόν* – огонь художественного воображения, не религиозно-мистическое откровение, не

экзистенциальные страсти, а только *мышление* – либо в форме конструирования абстрактных объектов (мира «чистых сущностей», или мира идеального), либо, в результате успехов британского (и иного) эмпиризма, в форме построения *абстрактных моделей* чувственного опыта.

Полученное в результате деятельности мышления *рациональное* знание должно, по современным представлениям⁴⁹⁸, отвечать следующим необходимым и достаточным требованиям: 1) *понятийно-языковой выразимости*; 2) *определенности*; 3) *системности*; 4) *логической обоснованности*; 5) *открытости к критике и изменениям*. По этому поводу необходимо, соглашаясь в целом, сказать следующее.

Какова новизна этого «нового» философского подхода к рациональности?

Первое требование ясно: это древняя, если не *самая древняя*, философская идея о связи мысли и слова. (Следует добавить: и их предмета). Важно только подчеркнуть семиотический характер этого гносеологического постулата, а также допущенную в нем ошибку слишком широкого определения... Не только рациональное – любое другое состояние сознания оптимально (превосходно) манифестируется в языке. Вообще говоря, языковую выразимость следовало бы включить и в определение истины.

Второе – выражение аристотелевского закона *тождества*, главное условие рациональности, согласно которому мысль должна быть ясной и определенной; в расширенной трактовке: нельзя одни и те же мысли выдавать за различные; нельзя отождествлять разные мысли.

Третье требование, системность, можно было бы счесть детищем новейшего времени, но можно этого и не делать. В традиционном выражении, это проявление закона противоречия и закона исключенного третьего, отвечающего за последовательность мышления, – *вместе взятых*. Это имеет теоретический смысл, поскольку позволяет *понять* нечто, непротиворечивым образом встроив это *нечто* в имеющуюся систему взглядов; и адаптивно-практический смысл, поскольку составляет необходимую основу поведения, всегда предполагающего и осуществляющего некий выбор между А и не-А.

Далее, *четвертое*: требование логической обоснованности говорит само за себя. Это закон Лейбница (правда, у самого Лейбница он был онтологическим, а не просто логическим: «Все существующее имеет достаточное основание для своего существования»). Философ имел в виду Бога). Данный закон отвечает за серьезность, аргументированность, «фундированность» мысли. Наконец, *последнее* требование, попперианского характера, можно также счесть либо детищем XX века, либо всех истекших веков, ибо,

⁴⁹⁸ Философия науки. – М.: Трикта, 2004; М.: Академический Проект, 2004. – С. 25.

едва зародившись, философское, то есть теоретическое мышление, было рефлексивно-критическим. Следовательно, эту экспликацию можно считать одновременно и современной (конец XX – начало XXI в.!) и «школьной», классической.

Можно привести и классификацию видов рациональности, имеющуюся в интересующем нас произведении.

Логико-математическая рациональность: идеальная предметность, конструктивная однозначность, формальная доказательность, аналитическая верифицируемость. *Естественно-научная* рациональность: эмпирическая предметность, наблюдательно-экспериментальная однозначность, частичная логическая доказательность, опытная верифицируемость (подтверждаемость и фальсифицируемость). *Инженерно-техническая* рациональность: «вещная» предметность, конструктивная системность, эмпирическая проверяемость, системная надежность, практическая эффективность. *Социально-гуманитарная* рациональность: социально-ценностная предметность, рефлексивность, целостность, культурологическая обоснованность, адаптивная полезность⁴⁹⁹. Стало быть, рациональность рациональности рознь, и эта «рознь» зависит от предмета знания и способа его освоения...

Новизна этой классификации такова же, какова новизна экспликации.

Дидактически, однако, в современной литературе по философии науки закрепилось понимание *научной рациональности* как «усиленной» рациональности и «собственно» рациональности. Удачных определений ее, правда, мало; сплошь и рядом в том же издании мы встречаем тавтологии типа «научная рациональность это специфический вид рациональности, характерный для науки». [thanks a lot!] При общей непроясненности понятия «наука» это мало помогает: ср.: «Наука – социальная система, состоящая из профессиональных сообществ, основной целью которых является получение, распространение и применение научного знания...» [thanks a lot!] А сама экспликация, научное знание, остается неопределимым? Неудовлетворительными оказываются многие, казалось бы, добротные определения, когда они (более чем обычно) заменяются делениями. В «Философии науки» классификации приводятся вместо дефиниции: «Важнейшие виды и единицы научного знания: теории, дисциплины, области исследования (в т.ч. проблемные и междисциплинарные), области наук (физические, математические, исторические и т.д.), типы наук (логико-математические, естественные, инженерные, социальные, гуманитарные)»⁵⁰⁰. Это опять-таки не неверно; но недостаточно.

⁴⁹⁹ Философия науки. – С. 26.

⁵⁰⁰ Философия науки. – М.: Трикта, 2004; М.: Академический Проект, 2004. – С. 26.

Не лучше ли тогда было оставить в силе средневековое определение: Научное знание в собственном смысле есть очевидное знание необходимой истины, полученное в результате силлогистического рассуждения из очевидно-го знания необходимых предпосылок?..

Правда, в том же учебно-научном источнике можно встретить попытку различения видового и родового; ср.: научная рациональность «отличается от общей рациональности более строгой экспликацией всех основных свойств рационального мышления, стремлением к максимально достижимой определенности, точности, доказательности, объективной истинности рационального знания».⁵⁰¹ Но здесь присутствуют все те же родовые признаки, которые характеризовали «обычную» рациональность. Это еще раз подтверждается списком характеристик, или основных свойств, научной рациональности, к которому необходимо отнести критически:

— эмпирическая/теоретическая объектная предметность [(неспецифично. –Э.Т.);

— однозначность [(это труднодостижимо, лишь в ограниченных рамках теории. –Э.Т.);

— доказанность [(учитывая историю и опыт позитивизма, следовало бы писать: доказуемость/фальсифицируемость. –Э.Т.);

— эмпирическая/аналитическая проверяемость [(это «критерий истинности». –Э.Т.);

— способность к улучшению⁵⁰². [Последнее свойство следует отнести либо к разряду метафор художественной литературы (при непроясненности понятия «улучшение»), либо к всеобщей способности бытия диалектически развиваться. –Э.Т.]

Последний бастион: научная рациональность отличается от «рациональности вообще» (и специфика ее выражается) одним-единственным признаком – наука способна давать **объективную истину**. Какая неожиданность! Позвольте, – а опыт XX в.? Конвенционализм? Когерентизм? Романтизм физики с ее «красными и зелеными» лептонами, «очарованными и странными» частицами, «черными, белыми и червеобразными дырами», «ежами» и «струнами»? С ее нестыковкой картин мира? А социально-гуманитарные науки с их самодовлеющей и тотальной интерпретацией, а сама европейская философия, отказавшиеся от этого подвига – достижения объективной истины?!

Можно со всей определенностью заявить следующее: да, научная рациональность – это усиленная рациональность. НО: усиленная ЧЕМ?

⁵⁰¹ Философия науки. – С. 27.

⁵⁰² Философия науки. – С. 26.

Аргументацией? Отнюдь. Усиленная убеждением: субъективной (не религиозной!) верой: I believe, я верю, что снег действительно бел.

Для авторов данной «Философии науки» важно подчеркнуть, что реализация каждого из указанных свойств может быть достигнута и достигается неповторимым, существенно различным образом в разных типах наук (логико-математических, естественных, инженерно-технических, социально-гуманитарных), однако сама методика этих достижений остается за кадром.

При всей явной причастности и приверженности этого текста классической эпистемологии в рассуждениях разбираемых современных философов науки мы видим уступки постпозитивистским воззрениям: «Научная рациональность всегда имеет исторический и конкретный характер, реализуясь и закрепляясь в парадигмальных для той или иной области научного исследования представлениях об идеале научного знания и способах его достижения»⁵⁰³ (*quod est intentum et erat demonstrandum*. –Э.Т.). Научный вывод, полученный любым путем, должен получить понимание и подтверждение заинтересованного сообщества ученых. Если вместо одобрения научный вывод сталкивается с негативной оценкой, это значит, что он (вывод) не попал в свое социальное пространство, которое, будучи в конце концов обретенным, подтвердит его правильность, объективность и рациональность.

Лучше всех среди историков и философов науки трактовал рациональность «Рыцарь радио», по выражению В.Н. Поруса, – Имре Лакатош, самый талантливый ученик К. Поппера. Хорошо известно, что он дал свою интерпретацию попперианскому фальсификационизму, создав методологию научно-исследовательских программ.

Лакатош хотел объединить образы науки «по Куну» и Попперу в одну модель смены научных теорий. В этой модели сохраняются такие характеристики науки как прогресс и рациональность, одновременно выказываются уважение актуальной истории радикальных концептуальных перемен в науке. История науки – это конкуренция теорий, лучшие из которых те, которые наиболее продуктивны. Научно-исследовательская программа это последовательность (*sequence*) построения и «жизни» теорий. В ней есть твердое ядро, негативная эвристика и эвристика позитивная. Твердое ядро объединяет все те гипотезы, которые любая теория, принадлежащая к данной исследовательской программе, должна разделять. Эти гипотезы обладают иммунитетом по отношению к любой ревизии (так полагают защитники программы). Это негативная эвристика (*negative heuristic*). То, как программа будет развиваться, определяется позитивной эвристикой (*positive heuristic*).

⁵⁰³ Философия науки, там же.

Она образует защитный пояс вокруг твердого ядра (a protective belt around the hard core), который до поры поглощает все потенциальные аномалии-оппоненты.

Исследовательская программа прогрессивна до тех пор, пока она позволяет делать научные прогнозы. (A research programme is progressive as long as it yields novel predictions). Она становится «регрессивной» (degenerative), когда начинает предлагать лишь *post hoc* приспособления для объяснения фактов (accommodation of facts). (См.: «Фальсификация и методология научно-исследовательских программ» М.: «Медиум», 1995).

Теория сильна провидческой силой, шлейфом следствий, а не старческой способностью появляться в сумерках, после боя, и начинать объяснять уже свершившееся.

Мы, видимо, обречены на практически бесконечную дискуссию относительно природы рационального. Что и происходит. Среди отечественных философов науки в последнее время лучше и подробнее всего рациональность анализируется в уже разбиравшемся произведении ростовских и ставропольских авторов: Кохановский В.П., Пржиленский В.И., Сергодеева Е.А. Философия науки. (Учеб. пособие. Изд. 2-е. – М: ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д: «МарТ», 2006).

Все же что-то, относящееся к сфере рационального, можно считать твердо установленным в форме научной истины.

Минимум рациональности – **логическое**, так же как право – минимум нравственности. В основании этого качества сознания, логичности, лежит способность абстрагирования: отличать предикат от субъекта (другими словами, признак вещи от самой этой вещи как носителя своих свойств и отношений) и устанавливать наличие или отсутствие признака. В «элементарном» случае (экзистенциальное суждение) – наличие или отсутствие самой вещи. Есть или нет; одно или много... Но вершиной элементарной логичности является умозаключение, правила вывода нового знания из уже имеющегося. Понятно, что эпистемология, методология, философия науки оперируют более крупными блоками знания, нежели эти фундаментальные, общегносеологические формы познания. Это известные идея, вопрос, факт, проблема, метод, гипотеза, теория, концепция, закон... Но никакой прогресс никакой науки неосуществим вне интеллектуального каркаса, задаваемого теорией познания.

Нормативы логического были, разумеется, сформулированы еще Аристотелем, однако никто иной как Уильям Оккам в «Эпистемологии» строит свод общих правил вывода, делая логическое буквально ощутимым. Число этих правил велико, но конечно:

1. Из истины никогда не следует ложь (но не наоборот: из лжи может следовать истина).
2. Если некий вывод имеет силу, то из противоположности консеквента следует противоположность всего antecedента.
3. Все, что следует из консеквента, следует и из antecedента.
4. Все, что является antecedентом для antecedента, является antecedентом и для консеквента.
5. Все, что совместимо с antecedентом, совместимо и с консеквентом.
6. Все, что несовместимо с консеквентом, несовместимо и с antecedентом.
7. Из необходимого не следует контингентное.
8. Из возможного не следует невозможное.

Последние два правила следует относить к *безусловному выводу*. Ведь из необходимого не следует контингентное, а из возможного – невозможное, если речь идет о безусловном выводе. Однако в случае вывода *ut nunc* следование вполне возможно. Так, утверждаем: «Всякое сущее существует, следовательно, человек существует», и, тем не менее, antecedент необходим, а консеквент контингентен. Ex.: *Omne ens est, igitur omnis homo est.*

9. Из невозможного следует все, что угодно.
10. Необходимое следует из чего угодно.

...ex impossibili sequitur quodlibet.
 ...necessarium sequitur ad quodlibet⁵⁰⁴.

Однако интеллектуальный каркас – это не вся наука. Видимо, следует принять во внимание и на вооружение опыт трансформаций тех дисциплин, которые делали своим объектом науку, а этот опыт требует диверсификации. Наука, ранее понимавшаяся исключительно как *совокупность серьезных, основательных, объективно-истинных знаний*, сегодня предстает еще в нескольких основных качествах (аспектах, ипостасях). Они тесно взаимосвязаны, но не сводятся друг к другу.

§ 5. Основные подходы в философии науки

То, что признается истинным, может быть только мыслью.
 Готлоб Фреге

Основные ипостаси науки возникли в результате применения разных подходов к объяснению ее сущности и роли. В современной философии науки доминируют четыре подхода:

⁵⁰⁴ Уильям Оккам. Избранное. Эпистемология. – С. 63-67.

- Логико-эпистемологический
- Историко-критический
- Социологический
- Культурологический⁵⁰⁵

Сквозь их призму становятся видны следующие ипостаси науки:

1. Наука – предмет философско-гносеологического осмысления.
2. Наука – специфическая система знаний, связанных единой логикой и методологией.
3. Наука – познавательная деятельность ученых.
4. Наука – сеть социальных отношений и институтов.
5. Наука – сфера культуры.

В действительности следует говорить отдельно о гносеологическом, самом первом, и отдельно о логико-эпистемическом подходе к науке. Эпистемология – «государство в государстве» теории познания. А новые подходы к науке – историко-критический, социологический и культурологический – можно без риска логически объединить в один, социально-философский. Тогда сохраняют свое значение три основных подхода: самый первый – *теоретико-познавательный*, второй, *эпистемологический*, и третий, *интегральный, социально-философский*.

В формате первого, гносеологического, подхода наука – высшее проявление интеллектуального могущества человека и человечества, центральный элемент его духовного потенциала. Она представляет собой принцип продуцирования, процесс и результат целенаправленного приобретения знаний, «пирамиду» познавательных ценностей. По поводу вершины этой пирамиды в классической гносеологии существовало относительное единство взглядов. Это была *объективная истинность* научных знаний, ибо необходимость в ней соответствует наиболее важным, базисным познавательным интересам человеческого рода и общей тенденции развития научного познания. Некоторый интерес для философии науки представляет «пирамида», предложенная Г.Дэвисом. Этот ученый строит следующую трехступенчатую схему: вершину пирамиды составляет знание (knowledge); оно укоренено в информации (information); основание пирамиды составляют эмпирические реалии (data).

Возьмем конкретный пример из области развития естественной науки: физической географии. Это, с нашей точки зрения, единственная наука, которая с полным правом может пользоваться критерием очевидности.

⁵⁰⁵ См. подробно: В.И. Пржиленский. Вступит. ст. к: Лекции по философии науки. Учеб. пособие. Лекция 1.

Работа ученого-географа начинается с полевых исследований. Лес; река; озеро; гора; долина; овраги и балки; антропологически измененный ландшафт, поле, гарь, эрозия почв, оросительные каналы, природно-территориальные комплексы... геоморфологические особенности, температура, почвы, растительность, животное население...

Для начала возможны обобщения. Так, о природе Татарстана известно, что реки у нас «лещевые», поля у нас «мышевые», а леса у нас «зябликовые». Но совершенно необходимый этап в накоплении научного знания – осознанное принятие принципа всеобщей взаимной связи. В природе все связано со всем. Если перед тобой карстовая воронка, значит, на ее днище холодный микроклимат. (Сам карст связан с подверженностью склонов брахиантиклиналей тектоническим разломам). Если это междюнное понижение в лесу – жди чернично-мшистого бора. Суховершинные ивы на кочкарном болоте – недостаток меди в почве. Угнетенный вид липы в подлеске – также недостаток питания в почве; липа вообще капризное растение, как и ель, как и папоротник-страусник, живой «каменный цветок» из уральских сказов. Синузии этого растения связаны с потоками весенней подснежной воды. Сосна перемежается с елью в зависимости от чередования песчаных и супесчаных почв. Озера удлинённой формы вблизи Казани, как и озеро Кабан в центре Казани – старшцы Волги, зовомой Майдуга; с течением времени они пересыхают, разделяясь надвое. Такова система озер Тарлашинских, Ковалинских, Никольских, Лебяжьих, Раифского и Белого, и др. Судьба верхнего, малого озера незавидна; оно быстро пересыхает и/или заболачивается. Большее озеро проживет дольше; обычно его подпитывают подземные источники, а на дне имеются карстово-суффозионные воронки и образуются новые. Делювиальный конус выноса буквально через несколько десятков лет может трансформироваться в террасированную суглинистую зарастающую площадку, что потребует дополнительных наблюдений и новых выводов-прогнозов; таково знаменитое озеро Раифское, расположенное к западу от Казани, близ границы с республикой Марий Эл. В прошлом тихая речка Сумка, впадающая в озеро, в половодье становится ледяным ревущим потоком со скоростью серьезной горной реки: 3 м/сек! Почти пятиметровую штангу с гидрометрической «вертушкой» гнет как ветку, бросать приходится под острым углом, на дне она должна встать вертикально, тут же надо крепить верхний конец к перилам мостков, которые тоже вот-вот снесет... Паводок длится месяц; твердый и взвешенный влекомый материал на этом участке Раифского заповедника насыщает русло, поток углубляется, разрушая берега. Что изменило природу? Человеческая деятельность. (Раифский заповедник – самая южная

тайга на Европейской части России)⁵⁰⁶. Если перерезать по водоразделу дорогами и дамбами путь стоковым талым водам (как это было проделано с Лебяжьим озером), это антропогенное влияние быстро перекроет естественно текущие процессы, и... Деградации озерной и речной сети способствует распашка лесов, сооружение плотин и дорожных насыпей, забора воды и др.

Озера и реки Приказанского района, тайгу Раифского леса в течение 50 лет изучал, наряду с уральской и сибирской тайгой, другими бореальными лесами выдающийся географ, профессор А.С. Тайсин. Под его руководством долгое время мы составляли крупномасштабную карту Волжско-Камского государственного заповедника, в особенности подробную для экстремального ландшафта Раифского леса. Наблюдения велись всегда в сравнении: с природой севера Европейской части России, Среднего и Северного Урала, Западной Сибири, в частности, Горной Шории. В ходе построения тысяч планов и профилей, ботанических ходов, снегомерной съемки, промеров глубин, наблюдения за малыми реками, взятия сотен проб воды в паводок и межень, описаний слоев и пород разрезов и геологических обнажений, таежных растительных эдификаторов, последующей камеральной обработки полученных данных – становилось ясно: объект географических наблюдений, природа, является «крупным климатологическим, геологическим и почвенным деятелем»⁵⁰⁷, то есть самым настоящим активным субъектом, «субъектом всех изменений». Не просто принятый на веру в школьных (университетских) стенах, но выработанный в ходе трудной работы, этот принцип, как потом обнаружилось, является основой не-механистического философского материализма.

Как известно, стадия описания, необходимая в исследовании, заканчивается созданием множества типологий, предлагающих обобщение первоначального «сырого» материала наблюдений. Типология – это парадигматика. Однако ни классификации, ни тесно связанные с ними определения не являются итогом: это стартовая площадка для дальнейшего научного поиска. Далее идет установление частных закономерностей, присущих объекту наблюдения: это уже синтагматика. Например:

- с продвижением к северу наблюдается упрощение и укорочение топографо-экологических рядов растительности (Пермский край);
- малоснежные годы характеризуются выравниванием снежного покрова в лесу;

⁵⁰⁶ На территории Раифы четыре речных палеодолины; главная из них Волжская: глубины до отметок -80 – 100. м. Это центр геоморфологического строения Раифы. Тальвег проходит с запада на восток чуть южнее Раифского озера.

⁵⁰⁷ Морозов Г.Ф. [1928]. Цит. По: А.С. Тайсин. Раифский лес в составе бореальных лесов Евразии. – Казань: Изд-во КГУ. – 2008. – С. 5.

- многоснежные зимы характеризуются ветровой асимметрией;
- полосчато-ступенчатые склоны речных террас создают экологически равноценные условия для легко выявляемой периодичности ПТК (природно-территориальные комплексов);
- глубина залегания суглинистого слоя определяет состав елово-сосновых сообществ;
- на горном северном Урале высота границы леса зависит от борьбы двух стихий: снега и курумов, и т.д.⁵⁰⁸.

«Феория» ведется при помощи обоих видов зрения: физического и умственного. Не чувственный опыт как таковой, но его абстрактные модели, работа с ними позволяют делать открытия. Покажем на примере, как действует на организацию научных знаний о фактах принятая теоретическая модель объекта.

В географии существует такой термин, как «термокарст». Огромные кольцеобразные структуры, округлой формы, неглубокие, еле заметные на местности, с характерным плоским днищем – «аласы» – свидетели залегания вечной мерзлоты – могут достигать сотен метров в диаметре, их нелегко обнаружить в ходе полевых наблюдений (много помогает аэрофотосъемка). Предположить на нашей широте в 56° существование аласов (до сих пор считалось, что они располагаются только в Якутии) – смелая гипотеза, но это предположение опирается на мировоззренческий принцип единства мира. Вечная мерзлота лишь постепенно отступала на север. А на южной территории Татарстана остались ее следы-знаки: реликтовые термокарстовые формы, числом до 20-ти, самые крупные диаметром более 2 км.⁵⁰⁹ Выположенные «кратеры» можно увидеть, но не определить как аласы: эти факты-наблюдения помогают организовать для направленного изучения и объяснить новые методы наблюдения и правильно построенная теория. Да и увидеть Майтугу – долину Палеоволги – дано только тем, чье тренированное зрение поддержано умозрением, интеллектуальной интуицией и хорошей теорией. Мой отец ее видел и показал нам, его ученикам. В его глазах, казалось, светилось отражение вечной радуги, стоявшей два миллиона лет на великой рекой Европы, как над Ниагарским водопадом...

Словом, я не вижу никаких причин против того, чтобы, как прежде, считать науку прежде всего средоточием громадного знания. Гносеологический подход позволяет установить познавательное отношение, утвердить активность

⁵⁰⁸ Тайсин А.С. Указ. соч. – С. 3 и др.

⁵⁰⁹ Тайсин А.С. Озера Приказанского района, их современные природные и антропогенные изменения. - Казань: 2006. – С. 17-18.

субъекта и объекта познания даже на стадии наблюдения, распознать ступени и «подступени» познания, способы организации знания на каждой из них, установить классические критерии проверки его, знания, истинности.

Мне не составило бы труда точно так же разобрать конкретные примеры работы специалиста в области сравнительно-исторического языкознания (истории английского языка). Берем древнеанглийский текст о путешествиях богатого норвежского купца Охтхере, из перевода королем Альфредом с латинского «Мировой истории» испанского священника Орозия. Не только сам по себе ранний уэссекский диалект представляет интерес для лингвиста. Собственные вставки Адльфреда содержат довольно богатый географический и этнографический материал. Вот как начинается рассказ Охтхере о своем первом путешествии, в Белое море.

«Ōhthere sǣde his hlāforde, Ælfrēde cyninge, þat hē ealra Norðmonna norþmest būde. Охтхере сказал своему господину, королю Альфреду, что он из всех северных людей всего дальше побывал. (Отметим попутно: hlāford, господин, лорд, означает буквально «хозяин хлеба»).

Hē cwæð þat hē būde on þǣm lande norþweardum wif þā Weastsæ. Он сказал, что был на той земле в направлении к северу от Западного моря (Атлантического океана).

He sǣde þeah þat þæt land sie swiþe lang norþ þonan; он сказал потом, что та земля очень далеко простиралась на север; ac hit is eal wēste, būton on fēawum stōwum stycce-mǣlum wīciað Finnas, on huntode on wintra and on sumera on fisaðe be þære sǣ. Но она вся пустынна, однако кое-где (на некоторых местах, там и сям) живут Финны, на охоту [выходя] зимой и на рыбную ловлю летом».

Мы можем видеть, насколько древними и прочными являются глаголы бытия, обозначения сезонов и основных занятий северных людей.

Далее идее рассказ о том, сколько дней заняло путешествие, о его маршруте, о больших реках «вдающихся в землю» из моря (этот оборот встречается позже и в знаменитых 16-ти исландских сагах о конунгах, «Heimskringla» «Круг земной»); о разных народах, встреченных Охтхере на пути. Одна деталь способна взволновать лингвиста: «Þā Finnas, him þūhte, and þā Beormas sprǣcon nēah ān gefēode. Финны, подумалось ему, и Пермяки говорят почти на одном и том же языке»⁵¹⁰.

Угро-финском.

Эти наблюдения велись не в XIX веке (Вильгельмом фон Гумбольдтом, родоначальником сравнительно-исторического языкознания), а в IX-м.

⁵¹⁰ Смирницкий А.И. Хрестоматия по истории английского языка с VII по XVII в. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз. – 1953. – С. 25-26.

Так может ли удивлять сообщение о том, что Витгенштейну в XX-м веке «открылось» фамильное родство языков...

Однако эти примеры – не самоцель; они должны служить утверждению плодотворности, или, как сейчас говорят, продуктивности гносеологического подхода в философии науки.

Не все авторы предлагают отбросить классику. Многие философы, размышляя над проблемами познания, говорят о возможном продолжении существования классической гносеологии в ключе ее усовершенствования. Предлагается, например, применить «современные представления о бытии идеальных сущностей и виртуальных реальностей» (Л.А. Микешина)⁵¹¹. Тогда «субъектно-объектное различие» перестанет мешать «живому» познанию, консерватизм и натурализм гносеологии будет преодолен, как и бесплодная беспомощность перед проблемами XX и, надо думать, XXI веков. Высказывалась и недвусмысленная критика теории познания как «философии веры» (Поппер) с сопутствующим предложением отказа от нее; а такие философы как М.Хайдеггер, Дж. Дьюи, Л. Витгенштейн этот отказ реально совершили, не впускаясь в дискуссии и заменив гносеологию своей онтологией. На «западе» легитимной, как известно, считают только эпистемологию – теорию НАУЧНОГО познания и даже просто теорию ЗНАНИЯ. Парадокс состоит в следующем. От старого образа отказываются, потому что гносеология все, что выходило за рамки структуры основного познавательного отношения, рассматривала как иррациональное и, следовательно, ненаучное. А требование критики касательно модернизации теории познания состоит именно в возвращении на предметное поле всего «живого» = иррационального: антропологических, герменевтических, персоналистских смыслов; вненаучного знания, повседневности и пр. Например: всякое исследование, сделанное в рамках конструктивистской программы изучения науки, «характеризуется использованием так называемой *модели интересов*. Она основывается на предположении, что политические, религиозные и особенно профессиональные интересы ученых оказывают значительное влияние на содержание научного знания, в частности, влияя на процесс отбора конкурирующих теорий... При помощи... концепции «оппортунизма в контексте» вскрыта решающая роль профессиональных интересов ученых в принятии новой теории»⁵¹².

⁵¹¹ Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы. – М.: «Прогресс-Традиция», 2002. – С. 28-29; 31-32.

⁵¹² Нугаев Р.М. Современная социология знания: некоторые итоги и перспективы // Социология 4 М. –8. – № 8, 1997. – С. 11-12.

Комментировать это не обязательно. Упомянем только, что у Л.А. Микшиной имеется хорошее определение теории, подходящее для гносеологии: это комплекс взглядов, представлений, идей, направленных на объяснение, интерпретацию знания и познавательной деятельности (с. 32).

В начале нашей книги указывалось на два затруднения относительно истины: 1) возможное ее тождество с действительностью (онтологическое); 2) возможное тождество пропозиции и ее истинностного значения, то есть избыточность оценки (эпистемологическое).

Есть еще затруднения семиотического плана. Логическое 'р', символ **суждения**, т.е. формы **мысли**, обозначает также и форму языка, знаковое **выражение**. Как это было сказано у Роджера Скрутона: "Suppose I utter the sentence...('p' for short). Not only have I uttered the sentence 'p'; I have expressed a proposition that 'p', which is in turn identical with the *thought* that 'p' ... In expressing this proposition I may also be making a *statement*: the statement that 'p'." «Предположим, я произношу предложение... (сокращенно 'р'). Я не только произнес предложение 'р'; я выразил пропозицию, что 'р', что, в свою очередь, идентично *мысли*, что 'р'... Выражая эту пропозицию, я могу также делать *утверждение*: утверждение, что 'р'»⁵¹³. Наше 'р', следовательно, может быть знаком для предложений (сентенций), выражений, суждений (утверждений и отрицаний), нейтральных «пропозиций»... Наш философ продолжает: "In making the statement I may in turn be expressing my *belief* that 'p'."⁵¹⁴ «Делая утверждение, я могу в свою очередь выразить свое *убеждение*, что 'р'». Итак, 'р' может как угодно использоваться в науке логики, других науках, в целом в человеческой деятельности за счет исполнения самых разных задач и обозначения структурных элементов различных миров – идеального и материального, их концептуального содержания.

В целом ряде случаев различать эти миры и формы не обязательно, говорит Р. Скрутон. (Так ли? –Э.Т.). Например, они *неразличимы в рассуждениях об истине*. И делает их истинными действительная ситуация, *состояние дел*: the state of affairs that 'р'.

Редко, но все же встречается отождествление не знака и значения (выражения и суждения), но знака (обозначения) и самого объекта: например, фетишизация любой символики, софизмы, «играющие» на отождествлении объектного и метаязыка, обобщение треугольника Фреге путем сближения

⁵¹³ Scruton, Roger. *Modern Philosophy*. – Mandarin Paperbacks, London, UK, 1996. – P. 16-17.

⁵¹⁴ Там же, с. 17. "So here we have four (possibly five) things that can be identified by 'p': the sentence 'p', the proposition (thought) that 'p', the statement that 'p', and the belief that 'p'." Possibly five, yes indeed... there is one more: the judgment.-Э.Т.

сторон в абстрактных семиотиках (когда тот последовательно превращается в «двуугольник», «одноугольник» и безугольник...) Еtc. Именно у логиков чаще всего значением (знака) считается сам обозначаемый объект.

Все эти затруднения имеют вид ломаной возвышающейся спирали: действительность – сознание – язык. Это методологически упрощает нашу задачу. Можно применить основной семиотический закон: «эти три» едины, и в этом смысле совпадают, однако они не тождественны.

Для гносеологии, как и для эпистемологии, и методологии, существует необходимость ответить одновременно на два вопроса относительно истины: **что** (есть истинное знание) и **как** (оно обретается). Субстанциональный и функциональный аспекты должны совместиться в общем видении. Нельзя игнорировать ни один из них; нельзя и останавливаться на их несовместимости «натурализма» и «анализа». Нужно добиться совместимости.

Статис Псиллос, указывая, что такая совместимость возможна, писал об этих двух вопросах в книге «Философия науки от А до Я»⁵¹⁵ следующее.

«Размышления об истине развиваются в двух направлениях. Первое – утверждение, что истина есть *объективное* качество наших убеждений [beliefs], благодаря которым они соответствуют миру. Истина соединяет наши мысли и убеждения с какой-то внешней реальностью, придавая им тем самым репрезентативное содержание. ...Второе направление принимает, что истина – это *оценочное* понятие: оно суммирует нормы правильно построенного утверждения или **убеждения**: сказать об убеждении, что оно истинно, значит сказать, что иметь его эпистемологически верно, или доказательно [оправдано]». (С. 247). Собственно, второе направление и есть эпистемология, и сам этот термин глубок и далеко не случаен. Греческое ἐπιστήμη, знаменитая эпистема, не просто противопоставляется «мнению» как истинное знание, и не только утверждает базирование этого знания на какой-то прочной основе (ἐπι – на, στήμη – stem, основа), но обозначает, кроме того, еще и *умение*, «умное», умелое знание⁵¹⁶. Семантически, следовательно, в нем присутствует метод, *способ* обретения знания. А согласно Р. Скрутону, эпистемология в целом есть доказательство убеждений, justification of belief⁵¹⁷.

Хорошо, что об истине в первом смысле говорится с применением семиотического термина «репрезентация»; однако его, увы, недостаточно, ибо, согласно нашей теории, сознание, все сознание в целом и во всех частях

⁵¹⁵ Stathis Psillos. Philosophy of Science A – Z. – Edinburgh Univ. Press. 2007. Фактически это столь же научная монография, сколь замечательно грамотный философский словарь.

⁵¹⁶ Славягинская М.Н. Учебник древнегреческого языка. Ч. I. – М.: «Филология», 1996. – С. 351.

⁵¹⁷ Scruton, Roger. Modern Philosophy. – Mandarin Paperbacks, London, UK, 1996. – P. 317.

обладает качеством представлять объект. Поэтому данный термин не позволяет еще различить, об истинном или не-истинном знании идет речь.

«Различие между не-эпистемической и эпистемической концепцией истины, – продолжает греческий философ, – становится зримым, когда мы мыслим в терминах сократовского парадокса [из диалога] Евтифрон: являются ли утверждения истинными *потому*, что они признаны за истинные [лицензированы] набором норм [правил] – или они признаны [лицензированы] набором норм [правил] в качестве истинных, *потому* что они истинны?» (С. 248-249).

Право же, начинаешь убеждаться, что раннесредневековые формулы «верю, чтобы знать» (или «верую, и потом узнаю», греко-кафолический путь) и, наоборот, «знаю, чтобы верить» (или «узнаю, чтобы в итоге поверить», римско-католический путь), не считая эксклюзивного тертуллианова «верую, ибо абсурдно» («приходится *верить*, поскольку *знать* абсолют не по силам человеку»), и в самом деле идут «от Платона» и «от Аристотеля». (Где только остался Демокрит с намеченным им объяснением истинного как действительно существующего?)⁵¹⁸

Остановимся несколько дольше на диалоге «Евтифрон»⁵¹⁹, не желая отказывать себе в удовольствии демонстрации того, какие именно первоначальные рассуждения постепенно привели к выделению эпистемологии из общей гносеологии и эллиптической фигуре истинности.

Фрагмент 10. Сократ задает следующий вопрос: Благочестивое [«богоугодное»] любимо богами потому, что оно благочестиво, или оно благочестиво потому, что его любят боги?

Фрагмент 10 с. Сократ проводит аналогию «благочестивого» [«богоугодного»], «любимого» и «рассматриваемого» («являющегося»). На нечто являющееся смотрят не потому, что оно является рассматриваемым, но, наоборот, оно является рассматриваемым постольку, поскольку на него смотрят... «Значит, ясно, Евтифрон, что я хочу сказать, а именно: если нечто является чем-то и что-то испытывает, то не потому оно является, что бывает являющимся, но оно являющееся потому, что является, и не из-за того оно нечто испытывает, что бывает страдающим, но страдает из-за того, что нечто испытывает». Сказано материалистически.

Парный вопрос: не потому ли нечто благое любят любящие его, что оно любимо, но оно любимо, поскольку его любят?

⁵¹⁸ Кстати, истинное может быть и действительно отсутствующим: любое атрибутивное отрицательное суждение указывает на отсутствие признака, и некоторые из них – истинны.

⁵¹⁹ Платон. Диалоги. / пер. С.Я. Штейнман-Топфштейн. – М.: «Мысль», 1986.

10 d. Сократ: ...Значит, его любят потому, что оно благочестиво, а не потому оно благочестиво, что его любят? – Евтифрон: Очевидно.

И во фрагменте 10 e диалектический, или парадоксальный, Сократ делает выводы:

1. Мы признали, что благочестивое любимо потому, что оно благочестиво, а не благочестиво потому, что любимо.

2. Мы признали, с другой стороны, что богоугодное является таковым потому, что его любят боги, но не потому оно любимо, что богоугодно.

Фрагмент 11 подводит итоги. Одному свойственно быть любимым потому, что его любят боги, а другое любят, потому что ему свойственно быть любимым.

Стало быть, утверждения могут быть истинными потому, что они признаны за истинные (лицензированы набором норм и правил) – или они признаются (лицензируются набором норм и правил) в качестве истинных, потому что они истинны. Совершенный этот эллипс ничуть не уступает в эстетичности знаменитому герменевтическому кругу.

Статис Псиллос в своем философском словаре указывает, что и объективистское, и оценочное направление полагают истину *субстанциональным качеством* носителей истины (с. 248). Тем в обоих случаях объединяются вопросы «что» и «как». (Для нас это уже хорошо, поскольку то и другое противостоит релятивизму). Здесь два этих подхода поданы как равноценные, и только по некоторым косвенным свидетельствам можно полагать, что сам этот современный философ науки стоит на второй позиции.

А мы – на первой, объективистской и эссенциалистской. Ее, кстати, снисходительно критиковал еще *Гегель*, величайший для нас авторитет в теории познания. Гегель писал в так называемой «Малой логике»: (Предварительное понятие. А. Первое отношение мысли к объективности. Метафизика. § 26. С. 133): «Первым отношением мысли к объективности является *наивный образ мышления* в себе самому себе, содержит *веру*, что *посредством размышления познается истина* и что она обнаруживает перед сознанием то, что объекты суть поистине. В этой вере мышление приступает прямо к предметам, репродуцирует из себя содержание ощущений и созерцаний как содержание мысли и удовлетворяется этим содержанием, видя в нем истину. *Все начальные степени философии, все науки и даже повседневная деятельность и движение сознания живут в этой вере*»⁵²⁰. (курсив мой. –Э.Т.).

⁵²⁰ Г.В.Ф. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. I. Наука логики. – М.: Изд-во «Мысль», 1974.

Несмотря на пиетет, мы не убоимся занять эту наивную («нативную») позицию и стартовать именно с нее. Для начала это можно объяснить следующим соображением: для того, чтобы довериться правилам и лицензировать набором норм некие суждения в качестве истинных, нужно утвердиться в истинности (критериальной валидности) этих норм. «Дело в том, что всякий раз в определении истинного включается указание на некоторые признаки: но в каждом конкретном случае необходимо уметь решать, истинно ли то, что эти признаки наличествуют»⁵²¹, то есть, чтобы установить правила, их нужно предварительно опознать как... поистине верные. За ними, как и за тем, что они будут «править», должно уже наличествовать понимание истины. Это не означает, что вторую позицию можно игнорировать, ведь на ней основано, например, влиятельнейшее направление XX века – аналитическая философия. Однако несомненно, что вопрос об истинности самих критериев не проще, а значит, и не «первичнее», нежели вопрос об истинности.

Джонатан Беннетт писал в книге «Учения шести философов»:

«Относительно веры в «существование тела» [the belief in “the existence of body”] можно задаться двумя вопросами. (1) “Что является причиной этого?” Стараясь ответить, мы приближаемся к натурализму [we approach the belief in a naturalistic way], действуя, как если бы мы объясняли погодное явление или эпидемию. (2) “Что подтверждает это <существование> (если вообще подтверждает)?” Это влечет [invites] исследование значения аргументации или свидетельства в пользу (указанной) веры... Итак, у нас имеется натуралистический, каузальный поиск [inquiry] и нормативный, аналитический». (С. 198). Второй подход, подчеркивает автор, привлекает и контент-анализ, а не только inquiry о методе. Опять-таки, в обоих случаях объединяются вопросы «что» и «как».

Как видим, здесь присутствуют примерно те же оппозиции, что и в «Философии науки от А до Я», но Беннетт начинает как бы с «нулевого», предварительного вопроса (а не с первого), а именно: с (онтологического) убеждения в существовании «тела». Несколько ниже этот автор назовет «необходимым предисловием» («нулевым» по отношению к лицензионным критериям.–Э.Т.) вопрос относительно сущности наших мыслей и верований (гносеологически вопрос).

Оценочные суждения противопоставляли причинному пониманию и Риккерт, и Виндельбанд, и другие классики новейшего времени (след Юма и Канта...) Собственно, первыми взяли в фокус внимания оценочные суждения еще скептики. Однако не очень понятно, зачем Беннетт

⁵²¹ Фреге Г. Мысль: логическое исследование / Философия, логика, язык. – М.: 1987. – С. 21.

непосредственно привязывает решение совершенно самостоятельного метафизического вопроса о существовании (the question “On the existence of body”) к вопросу о причине существования (causal inquiry); ведь и в логике, допустим, генетическое определение вполне отчетливо отличается от экзистенциального и следует за ним. Эта привязка дает возможность отнести большинство научных рассуждений по ведомству «эмпирической психологии»... Мне, например, представляется, что это «след Юма»; однако продолжим.

Отходя от предварительной стадии интуитивного, по сути, знания о существовании объекта⁵²², можно предпринять не только два эти единственные направления – онтологическое вопрошание «почему» и эпистемологическое вопрошание «как», но и собственно теоретико-познавательное движение к истине.

Вернемся, однако, к рассуждениям Дж. Беннета. Он обращает внимание читателя на распадение и обратное совпадение того, что можно назвать объективными и субъективными причинами. «Резоны (доводы, reasons), которые заставляют [lead] человека поверить [to believe] “P”, – продолжает разъяснение британский философ, – могут быть причинами этого [обретения людьми этой уверенности; в оригинале: can be causes of their doing so]: “Он верит, что P, потому что он верит R и считает его доводом для P” [“He believes P because he believes R and takes it to be a reason for P”] может показать нам, что объективно заставляя его [букв. «причиняет», causes] верить P».

«Некоторые философы думали, что если существуют объективные причины обретения убеждения [if you are caused to believe], то это воспрещает (букв. «блокирует», blocks) вам верить на основании доводов – как будто бы объективные причины [causes] и логические доводы [reasons] соперничают в борьбе за определенную роль в жизни сознания... Но сегодня большинство не согласится с этим...» (С. 199).

Как все же остановить уход в регресс «доказательства истинности оснований истинности...»: how do you know that criterion *c* ... is sufficient for knowledge? Статис Псиллос поясняет, что подобная стратегия ведет либо к регрессу (...because I have used another criterion *c*'), либо к кругу (...because I have used criterion *c* itself), либо к догматическому прерыванию движения (... because criterion *c* is sufficient for knowledge)⁵²³.

⁵²² Вспомним: «...интуитивное знание ... есть такое знание, в силу которого можно знать, есть вещь или нет ... так что, если вещь есть, разум тотчас же выносит суждение о том, что она есть...» Уильям Оккам. – С. 99.

⁵²³ Stathis Psillos. – P. 222.

Как будет видно из следующего раздела, такие попытки (bridging the gap) предпринимаются представителями разных теорий истины. Однако, при общей нерешенности проблемы идеального, они не становятся общепризнанными и убедительными.

Рассмотрим теперь иные, нежели логико-эпистемологический, подходы к науке.

Наука, мы говорили, часто определяется как (рационально-предметная) *деятельность*. Ее миссия – «построение мысленных моделей предметов и их оценка на основе внешнего опыта». Интеллектуальный фактор в принципе воплощает в себе преобразующую деятельность сознания, как индивидуального, так и общественного.

Любая деятельность:

- имеет *цель*
- имеет *конечный продукт*
- обладает *методами* и средствами его получения
- направлена на некие *объекты*
- представляет собой деятельность *субъектов*,
- вступающих в определенные *социальные отношения*
- и образующих различные формы *социальных институтов*.

По всем измерениям наука существенно отличается от других сфер человеческой деятельности.

Главная ее цель, как уже сказано, – это *получение адекватных знаний о реальности*.

Знания бывают научные, пара- и квази-научные и ненаучные. Однако истинные знания могут быть получены и без обращения к науке, при помощи интуитивной логики и здравого смысла. Знания приобретаются человеком во всех формах его деятельности, в обыденной жизни, политике, экономике, искусстве, инженерном деле, однако в упомянутых областях это не является главной задачей. Идеал служения искусству – не адекватное отображение реальности, но выражение отношения художника к ней; цель деятельности политика – достижение конвенций; в экономике главенствует эффективность; в инженерном деле – оптимальность использования, прагматичная польза и пр. И лишь наука делает знание основной целью.

Продуктом научной деятельности являются научные знания, но не только они. Это также многочисленные приборы и технические установки; это новый стиль рациональности; это большие социальные ценности, в том числе нравственные. Сторонники социологии знания относят к таковым не только «проверенное практикой и логикой адекватное отражение в сознании

человека действительности», но и предоставляемые аксиологические смыслы, логику, запас информации (и дезинформации).

Научные знания, так же как приемы их получения, организации, трансформации, хранения и передачи можно делить на *традиционные и нетрадиционные*. Такая дифференциация хорошо сочетается с парсоновской классификацией традиционных и современных социальных систем. Интересен дополнительный, социологический критерий истинности научного знания. В знаменитой Сильной Программе Социологии Науки Д. Блура и С. Барнса (Blood D. Knowledge and Social Imagery. The University of Chicago Press, 1991) изложен принцип: научные объяснения должны быть *симметричными*. Это означает, что одни и те же причины должны объяснять появление как истинных, так и ложных (или считающихся таковыми) теорий. Физиолог объясняет одними и теми же причинами и здоровье, и болезнь; инженер – и работу, и поломку машины и т.д.⁵²⁴

Знания также можно классифицировать как *локальные и глобальные, научные и ненаучные (объденные)* и пр. Можно выделить графы «факты», «обобщения», «знания», «умения», «навыки», «формы существования знания», «методы их приобретения», «нормы и оценки», «аргументация» и т.д.; освоение, применение, способы и формы управленческой деятельности, способы осмысления информации, степень цивилизованности социума и др. Достаточно воспользоваться на этот счет классификациями, отработанными в таких областях как социология науки, социология знания, эпистемология, теория и методология науки. Можно особо ввести графу «*способность к самообучению*»: это главный признак интеллектуальной одаренности. В странах с развитой рыночной экономикой задатки и навыки, позволяющие самостоятельно, быстро и систематически овладевать все новыми знаниями, имеют решающее, сугубо практическое значение: при приеме на работу способность к самообучению оценивается выше, чем специализированная информация, которая быстро устареваает. Самообучение, в свою очередь, порождает новые способности и новые специфические формы знания.⁵²⁵

Методы и средства получения научного знания, во-первых, логические. «С логической точки зрения, человек полностью свободен в смысле того, о чем рассуждать, и лишен свободы в смысле того, как рассуждать. Объективные законы логики ограничивают свободу рассуждений подобно тому, как

⁵²⁴ Изложено по: Р.М.Нугаев. Современная социология знания: некоторые итоги и перспективы. – С. 10.

⁵²⁵ См.: Гидденс Э. Социология. – М.: Эдиториал, 1999. – С. 393-394.

законы природы и общества ограничивают свободу действий человека»⁵²⁶. Базовые логические методы и процедуры – это анализ и синтез, индукция, традукция и дедукция, абстрагирование и обобщение, доказательство и опровержение, систематизация, классификация.

Во-вторых, это *общенаучные* методы, такие как идеализация, символизация, формализация, математизация; моделирование, интерпретация и т.д.

Научные методы подразделяются и в соответствии с уровнями добытия и существования научного знания: описание, объяснение, наблюдение, сравнение, измерение, эксперимент, другие *эмпирические* методы, присущие опытному уровню познания. Наконец, это аксиоматические или генетические приемы построения *теорий*, а также способы их проверки. Количественная и качественная оценка полученных результатов даются при помощи специальных процедур, эталонов и приборов. Особое значение имеет измерение времени, расстояния и энергии. Вместе с этим особенности самих объектов познания и соответственно различные познавательные задачи диктуют появление все новых частнонаучных методов, характерных даже не для отдельных дисциплин, но для отдельных областей исследования.

Важнейшим средством научного познания является сам *язык* науки, особый функциональный стиль, характеризуемый терминологической лексикой, высокой степенью символизации, определенностью понятий, четкостью утверждений, стремлением к строгой логичности. В языке лучше всего реализуется один из критериев истинности научного знания: непротиворечивость. Истинное знание должно соответствовать законам аристотелевской логики, в особенности второму, гласящему: нельзя, не противореча себе, утверждать, а затем тут же отрицать то же самое, о том же самом, в том же отношении или в то же время. Логическое противоречие свидетельствует либо о заблуждении, либо о лжи.

Важным средством, широко используемым в современной науке не только в естественнонаучном, но и в социогуманитарном познании, является *математика*. В свое время мы к ней также обратимся. (Характерно, что в последнее время так называемые «точные» и естественные науки заговорили, со своей стороны, о гуманитарных, социокультурных предпосылках и интерпретациях...)

Объектом науки может являться любой фрагмент действительности. Она изучает природу, общество, человека, культуру, и даже самое себя. В последнем случае предметом мышления является сама наука, ее идеальные

⁵²⁶ П.И. Быстров. Загадки логических рассуждений // Эпистемология & философия науки. – Т. XXIX. – № 3. – М.: Альфа-М, 2011. – С. 124.

объекты, ее методы и высказывания. Отечественная философия науки сформировалась как изучение общих закономерностей научного познания в его историческом развитии и изменяющемся социокультурном контексте.

Наука исходит из постулата, что все сущее в мире может быть познано из него самого, на основе действующих в нем законов. Это отличает науку от теологии.

Субъект науки – фигура ученого – это особая социальная ценность. Это люди большой культуры, широких и разносторонних интересов. В этом пункте мы можем окончательно перейти к одному из самых новых подходов к науке, социо-культурологическому, точнее, социально-философскому.

Лучше всего о «человеке познающем», или творческом индивиде, сказано у И.Т. Касавина.

Сегодня это поначалу обитатель «индивидуальной культурной лаборатории», в которой вырабатываются основные смыслы и ценности, определяется отношение к внешней (предпосылочно-предметной) и внутренней (оперативно-нормативной) социальности. Затем познающий субъект, сравнивая эти виды социальности, самоопределяется по отношению ко всей доступной культуре, выбирая наиболее близкие себе формы, и устанавливает внешнесоциальные связи. Постепенно из его круга общения выходит и распространяется то, что называется традицией⁵²⁷.

Люди науки организуются в соответствующие профессиональные сообщества и институты, фиксирующие и распространяющие научное знание «в виде печатной продукции и компьютерных баз данных»⁵²⁸. И лекций.

Можно назвать три основные области исследований, которыми занята социология науки:

- социальная структура и этос (а более широко – культура) науки;
- проблема взаимодействия науки и общества;
- социология знания⁵²⁹.

Последняя должна «принимать во внимание не только деятельность, но и поведенческую сторону активности человека, представленную в социологии традицией, связанной с именами Вебера и Шютца. Социальное конструирование реальности должно исходить из социологии повседневности, из экзистенциальной детерминации мышления бытием человека в мире»⁵³⁰.

⁵²⁷ См.: Касавин И.Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. – СПб, 1998.

⁵²⁸ Философия науки. М.: Трикта, 2004; М.: Академический Проект, 2004. С. 25-26. Философия и методология науки, в 2-х ч. М.: SvR-Аргус, 1994.

⁵²⁹ Нугаев Р.М. Цит. соч. – С. 6.

⁵³⁰ Там же. – С. 14

Сообщество научных работников играет важную роль среди других профессиональных сообществ. Особую роль в трансформации общества играет *научная элита*. При посредстве научной элиты осуществляется взаимосвязь науки с обществом и государством. Она влияет на принятие решений о финансировании науки в целом и отдельных ее отраслей, материально-техническое обеспечение исследовательской деятельности, на определение приоритетных научных направлений, осуществление научных связей как внутри социума, так и на международном уровне, управление научными кадрами и их воспроизводством и т.д.

Разработаны многочисленные социологические подходы к проблеме выделения элит. В одном случае это – узкий слой выдающихся исследователей, тех, кто обладает особыми достоинствами, кто достиг наивысших результатов в определенной сфере деятельности. В другом случае это носители академических званий, занимаемых должностей и т.д.⁵³¹

Самой высокой, престижной наградой в области естественных наук с 1901 г., а в экономике с 1969 г. является Нобелевская премия.

Научная элита не исчерпывает собою, однако, всей большой науки. Соотношение и взаимодействие лидеров и масс, ведущих, сопутствующих и ведомых – также большая философская проблема, выходящая далеко за рамки настоящей работы. Прочитируем слова А.Эйнштейна, чтобы великий авторитет помог подтвердить выделенный тезис.

«Храм науки – строение многосложное. Различны пребывающие в нем люди и приведшие их туда духовные силы. Некоторые занимаются наукой с гордым чувством своего интеллектуального превосходства; для них наука является тем подходящим спортом, который должен им дать полноту жизни и удовлетворение честолюбия. Можно найти в храме и других: плоды своих мыслей они приносят здесь в жертву только в утилитарных целях. Если бы посланный Богом ангел пришел в храм и изгнал из него тех, кто принадлежит к этим двум категориям, то храм катастрофически опустел бы.

...Я хорошо знаю, что мы только что с легким сердцем изгнали многих людей, построивших значительную, возможно даже наибольшую, часть науки; по отношению ко многим принятое решение было бы для нашего ангела горьким. Но одно кажется мне несомненным: если бы существовали только люди, подобные изгнанному, храм не поднялся бы, как не мог бы вырасти лес из одних лишь вьющихся растений».⁵³²

⁵³¹ См.: Кугель С.А. Социальные и политические ориентации научной элиты//Социальные и политические ориентации Санкт-Петербургской элиты.– М-лы к международному симпозиуму.–СПб.: 25-26 июля, 1997.

⁵³² Цит. по: Философия и методология науки. – С. 13.

В современной западной социологии науки, начиная с середины XX в. принято говорить не об интеллигенции, но о **классе интеллектуалов** — knowledge class. Первыми о нем стали писать Р. Дарендорф, Дж. Гэлбрейт, А. Турен (последний указывал, в частности, на репрессивную роль этого класса). Признаки класса интеллектуалов: высокий статус, определяемый научной компетентностью, высокие стандарты образования, независимость от собственников средств производства, неотчуждаемая собственность на информацию и умение пользоваться ею, исключительная мобильность и востребованность во всех других слоях и классах, доминирующее положение в постиндустриальном обществе и отсюда — способность вытеснять простой труд из производства и служить основой всех иных расслоений. Современные теоретики постиндустриального общества считают класс интеллектуалов самовоспроизводящей замкнутой общностью⁵³³.

Даниэль Белл, основоположник концепции нового, информационно-го (постиндустриального) общества, именуемого также «обществом знания» — the society of learning — построил следующую статусную иерархию (ось «знания»):

I. Класс *профессионалов*:

- 1) научное сословие (академическая и вузовская наука);
- 2) технологическое сословие (прикладные типы знания: инженерное, медицинское, экономическое);
- 3) административное сословие;
- 4) культурологическое сословие (художественная и религиозная деятельность).

II. Класс *техников и полупрофессионалов*.

III. Класс *служащих и торговых работников*.

IV. Ремесленники и полуквалифицированные *рабочие* («синие воротнички»).

Переход из традиционного общества в современное сопровождался радикальными изменениями всех сфер общественной жизни, политико-правовых и экономических институтов, технологий и способов управления. Важные перемены происходят с самим человеком, его внутренним миром. Новому человеку свойственны или должны быть свойственны:

- высокая адаптивность;
- приспособляемость к изменениям;
- рациональность мышления;

⁵³³ Подробно см.: В.Л.Иноземцев. «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе // СОЦИС № 6, 2000, с. 67 и далее.

- вера в эффективность науки;
- способность к выбору и
- принятию самостоятельных решений;
- индивидуализм;
- стремление к самоутверждению;
- честолюбие;
- интерес к политическим вопросам;
- высокая степень самостоятельности.

Для России замена традиционно понимаемой интеллигенции, «говорящего класса», «совести эпохи» экстрановаторским «классом интеллектуалов» чревата духовным обеднением за счет вымывания этичности. На фоне процессов урбанизации нашего трансформирующегося общества эта угроза достаточно реальна, и ее исполнение отдалается лишь незрелостью самой трансформации.

Именно в России оппозиция интеллектуал/интеллигент осознается, начиная с трудов Н.А. Бердяева, как антагонистическое противоречие. «Люди духа», «говорящий класс», «совесть эпохи», – это носители родовых качеств человеческой сущности, свободы и творчества. Жизнь, деятельность и своего рода миссия российской интеллигенции – интеллигенции в первородном смысле этого слова – это поиск пресловутого собственного пути, не западного и не восточного.

Как всегда – России нужен «третий путь»...

Комментарий же «говорящему классу» не нужен.

Многие авторы пишут об амбивалентности психического склада и поведения российского интеллигента... Решение этого противоречия, однако, есть (возможно, и не единственное). Обратимся к еще одному произведению И.Т. Касавина. В нем рисуется привлекательная фигура современного творческого индивида: «публичного интеллектуала», по-своему справляющегося с double bind. «При том, что к нему относятся все характеристики творческой личности, его отличает одна особенность: миграционная интенция в нем доминирует над оседлой. Он не превращает свои идеи в традиции, а в ипостасях культурного героя ему ближе всего образ трикстера»⁵³⁴. Должна сказать, мне это напоминает распространеннейшие на западе «пузырьковые» фирмы и даже фонды, которые создаются на короткий срок для решения одной, обычно экономической, задачи и затем опять развеиваются...

⁵³⁴ Касавин И.Т. Кнехт и Дезиньори. Социокультурные роли человека интеллектуально-го труда // Эпистемология & философия науки. – Т. XXIX. – № 3. – М.: Альфа-М, 2011. – С. 14-15.

Несколько раньше мне приходилось встретиться с похожей идеей нового человека, «привилегированного интерпретатора социальной рефлексивности в обществе, где амбивалентность царит» (“privileged interpreters of social reflexivity where ambivalence is at work”). Такой человек должен быть способен творчески переопределять свою профессию (“able to creatively redefine their professions”) и примирительно совмещать противоположные логики (able to conciliate opposite logics”).⁵³⁵

Амбивалентность, ambivalence at work, эксплицировалась в следующих «дифферансах»:

Conservation – innovation

Creativeness – business orientation

Creativeness – assemblage

Research – mass communication

Individualism – guarantism

Manipulation (Bourdieu) – emancipation

Globalization – fragmentation, etc.

При помощи этих различий, полагают такие ученые как Г. Дэвис, конструируется мир, внешний и внутренний.

Я, со своей стороны, полагаю, что здесь, скорее, пресловутая double bind, двойная связь of independence and involvement (Д. Таннен)⁵³⁶.

Дело в том, что обсуждаемое противоречие интеллектуал/интеллигент – **не** состояние амбивалентности; таковое появляется в чувстве сомнения, отсутствия цельной оценки одной и той же ситуации, наличия двух путей к одной цели. Это и **не** конфликт, хотя именно так в теории именуется высшая степень заострения противоречия. В состоянии конфликта человек чувствует себя мечущимся или уже разорванным меж двух альтернатив. Это именно двойная закрученная спираль, не менее прочная, чем ДНК, и в такой же мере основополагающая (Д. Таннен). Башня из слоновой кости или баррикада, служение «правде-истине» или «правде-справедливости», культуре или цивилизации, «народу» или «власти», как свобода и безопасность, знакомое и чужое, «странное», в этом ключе, а скорее всего и вообще, являются противоположными ценностями.

⁵³⁵ Социальное знание: формации и интерпретации // Межд. науч. конф. – Tempus/Tacis – Казань: КГУ. – 1996.

⁵³⁶ Tannen, Deborah. That's not what I meant! How Conversational Style Makes or Breaks Relationships. – Ballantine books, N.Y. 1987. См. также: Бейтсон Г. Экология разума. Анализируется в.: Бажанов В.А., Баранец Н.Г., Конопкин А.М. Паттерны научной коммуникации и коммуникативные парадоксы в ситуациях научного обмена // Полигнозис. 2011. – № 3-4. – с. 2 и далее.

Впрочем, с другим образом из текста «Кнехт и Дезиньори» (в некотором смысле не поддерживаемым самим И.Т. Касавиным) я соглашаюсь: «Служа культуре, интеллектуал сознательно дистанцируется от власти и противопоставляет ей себя. Ту же власть над умами, которую интеллектуал может приобрести взамен, он призван использовать не к своей личной выгоде, но во имя развития самой культуры, как средства развития интеллектуального потенциала всего общества»⁵³⁷. Моя баррикада – мои студенты, аспиранты, докторанты, словом – мои ученики.

Итак, знание – социально-экономическая сила, наряду с трудом, землей и капиталом. Объектами собственности выступают в массе своей прежде всего технические знания, получаемые посредством обучения в соответствующих учебных заведениях. В этом смысле основанием благосостояния и власти служит *интеллектуальный капитал*. Интеллектуальный потенциал, реализуясь, становится способностью людей «творить историю», и диалектика интеллектуального потенциала и актуального творчества (все равно, будет это теория или практика) такая же, как диалектика сокровища и оборотного капитала.

Небесполезен подход западных (и в несколько меньшей степени отечественных) социологов, позволяющий рассматривать интеллектуальный потенциал именно как оборотный *капитал*. Специалисты выделяют следующие его компоненты: рыночные активы, интеллектуальная собственность, человеческие и инфраструктурные активы. Собственную стоимость имеют торговая марка, товарный знак и реклама, учет групп покупателей, портфель заказов, лицензионные и франшизные соглашения, деловое сотрудничество. Современная фирма чаще всего представляет собой транзакционный контракт, заключаемый на краткий определенный срок между директором, продюсером и специалистом по финансам. Собственно интеллектуальные активы включают производственные секреты и ноу-хау, охраняются авторским правом, экспертными системами, патентом. Интеллектуальная собственность современной мобильной и эффективной маленькой фирмы является корпоративным вложением капитала. Традиционные представления о работе сегодня резко изменились, и работники третьего тысячелетия буквально будут иметь иной менталитет, иные психометрические характеристики. Для человеческих активов первостепенное значение, как уже говорилось, имеет образование, профессиональные наклонности, знания, умения и навыки, в

⁵³⁷ Там же. – С. 12. Я только не согласна, что для этого он должен начать производить «масскультуру»... Упрощение будет, но будет не большим, нежели мы его используем ради взаимопонимания с коллегами или нашими студентами.

целом профессиональная квалификация. Для нашей страны стоит задача: научить коммуникации, корпоративности, работе в обстановке взаимной ответственности.

Можно дать следующее определение интеллекту как капиталу. Это интегративный фактор, объединяющий в особую тотальность все остальные элементы социального потенциала. Данная функция обусловлена сложной двойственной природой: он может выступать и в *дискретном* качестве, как экспериментальный замысел, научная теория, расписание занятий, совокупность профессиональных навыков, набор методов познания или управления, транзакционный контракт и т.д.; и в *индискретном, континуальном* качестве, объединяя, синтезируя, «склеивая» воедино все другие социальные феномены. Мы говорим в таком случае, что интеллектуальный потенциал имеет просодическое (проникающее) значение. Так он актуализируется в виде процессов общей интеллектуализации социума, и – вполне возможно – это есть путь к «Обществу Знания». (Термин этот принадлежит М. Шелеру).

В связи со сказанным более чем интересным является опыт оценки интеллектуального капитала, предпринятый в монографии Э. Брукинг «Интеллектуальный капитал. Ключ к успеху в новом тысячелетии»⁵³⁸. Она пишет: «Когда инвестор вкладывает средства в создающееся предприятие, он вкладывает средства в людей и идею. Следовательно, первоначальная капитализация бизнеса может рассматриваться как ценность людей, составляющих команду»⁵³⁹. В книге приводится свод остроумных, а подчас глубоких тезисов относительно содержания и сущности интеллекта как *капитала*: в частности, тезис об интеллектуальном капитале (ИК) как факторе усиления конкурентного преимущества компании; тезис о роли патентов в отношении уровня доходов; структурная схема аудита ИК; требование постоянного мониторинга ИК; афористическое суждение о значении корпоративности и сотрудничества и т.д., всего сорок пунктов.⁵⁴⁰ Отметим еще и повторяющуюся мысль, которая встречается в дискурсе многих современных западных социологов, тех же Г. Дэвиса (Великобритания), Э. Брукинг (США), Дж. Хэмфри (Австралия), Ю. Фельдхоффа (Германия): ***сегодня не так важно, что ты знаешь; сегодня важно, что ты можешь делать.***

В качестве краткого комментария выскажем утверждение, что в целом веяние времени потребовало определенного поворота вспять, к ценностям, которые казались вытесненными шествием научной революции. Несмотря

⁵³⁸ Брукинг Э. Интеллектуальный капитал. – Изд. Дом «Питер». – 2001.

⁵³⁹ Цит. соч. – С. 272.

⁵⁴⁰ Там же. – С. 275-277.

на провозглашаемую высшую значимость теоретической, фундаментальной науки (вспомним, однако, что на нее бюджет отводит меньшую долю ассигнований), в постмодернистском обществе изменились *критерии оценки истинности научных знаний*. Если еще в 70-е гг. XX века было принципиально важно, какие методы применялись для получения результата и в каких формах бывало «отлитое» научное знание, то сегодня единственным критерием является *успех дела*. Критерий успеха фирмы – процветание, неуспех – банкротство. Критерий успеха студии или писателя – известность. Критерий успеха коллектива ученых – количество выигранных грантов... С социально-философской точки зрения это можно было бы назвать историческим обратным переходом от *Homo sapiens* к *Homo habilis*, человеку умелому, – на новой основе. Это вполне укладывается, впрочем, в спиралевидную (диалектическую) модель общественного развития, согласно которой поступательное движение обязательно связано с преемственностью, и новейшая стадия в чем-то существенно напоминает старую.

Примем все же, что наука – системообразующий фактор интеллектуального потенциала человека и общества.

Наука со времени своего возникновения служила образцом интеллектуальной деятельности. Именно поэтому ее развитие позитивно сказывается на развитии общества в целом, поскольку наука в рамках духовного потенциала есть тот центральный элемент, который связывает культуру с трудовой деятельностью и социально-политическими императивами, а потому является интегральной характеристикой развитости социальной системы вообще.

Можно сформировать *три позиции*, способные служить базовыми для анализа актуализации, проявления интеллектуального потенциала. В этом отношении мы не будем слишком оригинальны, ведь разделение жизнедеятельности человека на теоретическую, продуктивную, практическую части было осуществлено еще Аристотелем. Если мы скорректируем содержание этих трех понятий с учетом реалий своего времени, то увидим, что сама схема мало изменилась. (Упомянем, что специалисты используют ее в качестве рабочей платформы⁵⁴¹, исследуя основные функции деятельности, выработанные человечеством на протяжении своей истории).

Как известно, Аристотель под назначением теоретического понимал то, что ведет к поиску знания ради него самого; под назначением продуктивного – производство определенных объектов; под назначением практического –

⁵⁴¹ Научно-исследовательский институт проблем высшей школы № 1//Савельев А.Д. Интеллектуальные системы управления наукой и научно-образовательным процессом. – М.: НИИВО, 1993. – С. 2.

моральное совершенствование. То, что ведет к поиску знания ради него самого, сегодня принято называть познанием; производство материальных объектов, товаров и услуг, форм культуры, а также социальное переустройство, эксперимент, вообще всякую целенаправленную чувственно-преобразующую деятельность – практикой; моральное совершенствование сегодня в основном отдано на попечение воспитания и обучения. Действие каждой из этих функций происходит при условии реализации соответствующего ей потенциала. Так, потенциал познавательной функции можно обозначить как духовный (включая интеллектуальный, нравственный, культурный в узком смысле последнего); потенциал производственной функции – как трудовой (экономический) и социально-политический; потенциал обучающей функции – как образовательный в рамках соответствующих учреждений. Именно в сфере обучения (the society of learning!) совершается наиболее глубокий синтез собственно рационального, морального, культурного, духовного в широком смысле. Никаких непроходимых граней между выделяемыми в целях удобства анализа различными сферами и функциями жизнедеятельности, разумеется, нет: все виды социальной активности в реальности существуют, тесно накладываясь друг на друга. В экономике и политике, здравоохранении и армии ни в каком случае не совершается никакое действие помимо работы интеллекта. Интеллект, культура, практика, нравы, – все это неотъемлемые характеристики общественного человека.

Теперь можно сказать, что интеллектуальный потенциал представляет собой триаду *«продуктивный потенциал науки»*, который непосредственно перекрещивается с понятием трудового потенциала, имеет выход в практику и включает в себя экономическое сознание; *«продуктивный потенциал власти»*, или «административный потенциал», включающий в себя организацию и управление и перекрещивающийся с социально-политическим потенциалом; *«потенциал регенерации»*, или «жизненный мир», открывающийся в сферы этики, культуры, социальной экологии, который в порядке обсуждения можно было бы также именовать «потенциалом свободы (профессий, теорий, поведения и др.)». Первый компонент триады, символизирующий науку вместе с ее приложениями, лучше всего демонстрирует содержание, второй, обозначающий структуры управления, – форму, а третий – витальные и социетальные факторы стабилизации интеллектуального капитала. Сами эти компоненты также могут быть развернуты в триады.

Триада *«продуктивный потенциал науки»*, включающая как научную, так и практическую деятельность, разворачивается в схемы «бизнес-потенциал» (включая обменные торгово-финансовые процессы и схемы

распределения), «промышленные инженерные разработки» (включая военную науку и инженерию), и «академическая научная деятельность», по-скольку так называемая «большая наука» поистине является производительной, продуктивной силой. Триада «продуктивный потенциал власти», или «административный потенциал», раскрывается как государственное и муниципальное управление, юриспруденция, деятельность политических или политизированных общественных организаций. «Потенциал регенерации», или потенциал *свободы* – это планы и программы общественной гигиены и здоровья; это интеллектуальный капитал библиотек и музеев, учреждений культуры; это ангажированная и неангажированная деятельность лиц свободных профессий, творческих союзов или *free lance workers* (лица свободного найма или вне найма).

Потенциал интеллектуальной свободы не означает независимости от природы, в том числе человеческой, от общественного бытия и форм общественного и индивидуального сознания. Вместе с тем это именно свобода – относительная свобода от политической надстройки, жестких рамок права, от мира «профита», консьюмеризма, – это сфера жизни, *Lebenswelt*, в том числе и жизни духа. *Духовный потенциал в целом символизирует свободу, в той мере, в какой она вообще возможна.*

Взаимосвязь интеллектуального, нравственного и культурного потенциалов, собственно, и есть духовный потенциал – они являются, как было сказано, его видами. В то же время эта взаимосвязь достаточно сложна. Если принять нашу изначальную посылку о том, что интеллект есть инвариантная составляющая всех видов потенциала и интегральная характеристика уровня развития общества, то можно утверждать, что интеллект есть квинтэссенция не только духовного, но и социального потенциала в целом, и поэтому его развитие не может осуществляться помимо духовного и – шире – социального потенциала. Если же рассматривать эту взаимосвязь более конкретно применительно к различным сферам жизни общества, то можно сказать, что областью реализации собственно интеллектуального потенциала является наука и технология, а областью реализации духовного потенциала – культура и общение.

Одним из аспектов социологии науки можно считать вопрос о социальных источниках пополнения интеллигенции как аккумулятора духовного потенциала в целом. В отечественной социологии науки сложилась позиция, согласно которой одним из важнейших показателей социального развития является увеличение социальной мобильности общества (концепция Д. Белла). Это предполагает отсутствие жесткого «цехового» самовоспроизводства

различных социальных групп и наличие их взаимопроникновения; процесс пополнения идет тогда за счет диффузии и дисперсии, перемещения представителей одних групп в другие. Собственно, эта идея направлена во многом против позиции западной социологии в лице таких ее известных представителей, как Б. Барбер⁵⁴² и С. Липсет⁵⁴³. Так, Барбер отмечает, что пополнение слоя интеллигенции за счет выходцев из крестьянства и рабочего класса есть свидетельство снижения общего квалификационного уровня интеллигенции, что представляется в определенной мере верным. Идея социальной мобильности действительна, на наш взгляд, в определенных пределах: это действительно должна быть *мобильность отдельных представителей разных классов и групп*, а не мобильность самих этих классов и групп.

Продолжим. Научная деятельность влияет на любую другую – трудовую, социально-политическую, собственно культурную, тем более в эпоху современных технологий, когда, скажем, снять фильм, защитить диссертацию, выступить с лекцией или произвести учет коллекции невозможно без компьютера. Начиная с прогрессивного немецкого университета конца XIX в., уровень развития науки определяет характер, содержание и уровень образования, поскольку образовательные программы и их мировоззренческая направленность являются плодом научных исследований. Успех любой практической деятельности сегодня зависит не столько от количественных показателей, сколько от уменьшения затрат, что также не может быть осуществлено без научных разработок. Научный потенциал служит некоей «питательной средой» для развития технологий как в экономической, так и в социальной, а во многом и в духовной сфере.

Со своей стороны, значение материального обеспечения для науки также вполне очевидно. Уровень экономического развития сказывается на успешности научной деятельности в той мере, в какой это связано с материальными затратами или трансформацией характера социальных взаимодействий. Причины неоправданно низкой стоимости интеллекта в нынешнем российском обществе связаны, в частности, с современным состоянием отношений собственности. Кризис, охвативший наше общество, не оставил в стороне науку. Ученые разных профилей и управленцы предлагают различные пути его преодоления, но не многие из них основываются на научных данных о самой науке; преимущества в постановке и исследовании подобных проблем пока остаются за социологическим подходом.

⁵⁴² См: Барбер Б. Структура социальной стратификации и тенденции социальной мобильности // Американская социология. – М.: 1972.

⁵⁴³ Lipset S.M. La mobilite social. – Paris: 1973.

Поскольку наша позиция заключается в том, что развитие интеллекта не может осуществляться лишь в духовной сфере, вне иных областей жизнедеятельности, а именно, вне социальной (социально-политической) и экономической, постольку возникает необходимость анализа опосредующего звена между продуктивным потенциалом труда и потенциалом знания, способного объединить «заряд» обоих, возможность совершить некую работу. Создано это опосредующее звено должно быть в рамках научного потенциала; его назначение – служить решению технологической и теоретической задачи, а именно, разработки механизмов, способных объединить исходное знание и конечный продукт. Сюда относятся наукоемкие инженерные технологии, социальные технологии и др. Данный компонент можно обозначить как проектно-организационный. Необходимость этого опосредующего звена заключается в том, что новые знания не могут быть переданы непосредственно в экономику. Логика взаимосвязи тут такова: база для интеллектуального потенциала закладывается в условиях образовательного потенциала, развитие интеллектуального потенциала осуществляется в рамках духовного потенциала и главным образом посредством научного потенциала. Однако одним этим нельзя ограничиться, поскольку научный потенциал не развивается и не может развиваться изолированно. Значит, затем он переходит в организационно-технологический и только потом в экономический с тем, чтобы экономический потенциал в свою очередь в рамках развития обратных связей способствовал развитию логически предшествующих ступеней.

Превращение современной науки в огромную организационную систему выдвинуло на одно из первых мест проблему эффективного и оптимального управления ею. Управление может считаться рациональным и эффективным (интеллектуальным) в том случае, если опирается на достаточно полное знание управляемого объекта, т.е. науки и прежде всего ее продукта – научного знания.

Прямо или косвенно наука причастна к разработке и принятию любых управленческих решений. Со своей стороны, государство осуществляет управление наукой. Оно заключается в следующем.

- Пересмотр финансового обеспечения науки и образования как в рамках бюджетного, так и внебюджетного финансирования; необходима ясная картина относительно объемов этого финансирования.
- Создание технологии конкурсного отбора тематики исследований с учетом того факта, что финансирование на сегодняшний день во многом является адресным.

- Разработка системы сертификации результатов исследований и в перспективе создание базы данных и биржи научных результатов.
- Разработка механизмов компенсации затрат на проведение исследований.
- Выработка системы финансово-экономических мер, необходимых для контроля и управления наукой в учебных заведениях.

Главная цель любой науки – получение новых знаний, поэтому управлять наукой значит управлять процессом порождения новых знаний. Ядром любой современной (естественнонаучной или гуманитарной) дисциплины является система взаимосвязанных теорий. Что касается управленцев от науки, то они часто мыслят лишь категориями фондов заработной платы, объема продукции и численности сотрудников. Вопросы о распределении и функциях знания расцениваются как не имеющие прямого отношения к проблемам управления. Но теория является наиболее плодотворным и эффективным исследовательским инструментом. Вне рамок теории попытки идентификации и обоснования тех или иных новаций носят не научный, а вкусовой или конъюнктурный характер. Например, без наличия социальной теории неясно, какую именно информацию о происходящих в обществе процессах нужно получить. Несмотря на то, что теория выполняет в принципе одни и те же функции и в естествознании, и в обществоведении, при анализе конкретных теорий в социологии науки гораздо больше внимания уделяется их специфическим особенностям, чем выяснению основания их единства. Конечная цель всех механизмов управления наукой состоит в стимулировании труда научных работников и коллективов, и поэтому по отношению к субъекту научного исследования от органов управления требуется обеспечение условий для выполнения научным сотрудником своей работы, оценка качества полученных результатов и включение их в систему научных знаний. Обеспечение надлежащих условий предполагает проведение ряда мероприятий:

1. Включение работника (коллектива) в правовую систему общества.
2. Включение их в социально-экономическую систему общества.
3. Создание эргономических условий для выполнения научной работы.
4. Удовлетворение профессиональных требований.
5. Превентивные меры относительно утечки кадров.

Учитывая мировой опыт, социологи науки выделяют три основные концепции государственной политики в этой сфере. Во-первых, это *концепция активного регулирования*. В принципе нет ничего невозможного в том, чтобы интеллектуальная межгосударственная миграция регулировалась при по-

мощи правовых, административных, экономических и иных мер. Для этого необходимо сочетание внутрисударственных и международных правовых актов, предусматривающих возвращение мигрантов. Такая концепция жизненно важна для стран-доноров. Во-вторых, это концепция «невмешательства», характерная для стран-реципиентов. В-третьих, это концепция *ориентации на перспективу*, на международное сотрудничество при соблюдении интересов как самих мигрантов, так и заинтересованных государств.

Дело на сегодня обстоит таким образом: иностранным и отечественным инвесторам предлагается либо разместить на нашей территории производство, либо осуществлять сборку с долей отечественных комплектующих некоторой наукоемкой продукции – компьютеров, цифровых телефонных станций и т.д. Этот путь не приводит к желанным изменениям. Современное производство, например, в телекоммуникационной отрасли, автоматизировано на 90-95%, конечная продукция стремительно дешевеет, и наибольший вклад в ее стоимость вносит не собственно «железо», тем более и не сборка, а *программное обеспечение*. Размещение таких производств в России не особенно рентабельно, тем более, что у иностранцев существуют обоснованные опасения насчет целесообразности размещения недвижимости в нашей стране с учетом политико-экономической ситуации.

Несовершенное налоговое законодательство, нерешенность проблемы вывоза капитала, отсутствие информации об интеллектуальных кадрах мешают осуществлению подобных проектов. С помощью известных за рубежом экспертов можно было бы формировать коллективы исполнителей для конкретных заказов. Однако если научный потенциал в виде своей реализации (внедрения) опаздывает в своем развитии, то техническая реконструкция затягивается, научно-технический прогресс мало ориентируется на положение дел в экономике, и, следовательно, мало затрагивает ее нужды.

Наконец, в последнее время в философии науки определенно поставлен вопрос о том, в какой мере интеллект способен эффективно функционировать, находясь в зависимости не только от природного в человеке, но и от его культуры. Возможно, что это взаимопроникновение прежде всего и сказывается на накоплении и актуализации интеллектуального потенциала общества и отдельных его представителей.

По мнению А.Г. Швецова⁵⁴⁴, и мы с ним согласны, по отношению к научному знанию культура выполняет две основные функции – эвристическую и селективно-стабилизирующую. С одной стороны, культурное наследие способствует генерации новых научных концепций в рамках данной парадигмы

⁵⁴⁴ Проблемы интеллектуального развития организационных систем. – С. 50.

мышления, т.е. выступает как социокультурная программа научного поиска. С другой стороны – культура есть важнейший фактор социальной стабильности в процессе обоснования и выбора оптимальной стратегии развития науки и интеграции новых теоретических знаний в культуру эпохи, этноса, социума.

О зависимости интеллекта от культуры до сих пор, по словам В.И. Разумова⁵⁴⁵, говорилось вскользь, без конкретизации состояния и уровня культуры. Вместе с тем именно уровень культуры обеспечивает уровень эффективности реализации достижений науки. Уровень культуры характеризуют по-разному: в зависимости от традиций, языка, социальной памяти. Уровни культуры различают по объему содержащейся информации, степени сложности, мере кристаллизации, синтезирования. В.И. Разумов предлагает осуществить определение с опорой на содержание и тип доминирующей потребности человека, внутренне детерминирующий его жизненную стратегию, стиль и формы поведения. Этот ученый различает три основных таких уровня:

1. Витальный. Здесь находят удовлетворение физические (мы предпочитаем говорить «биопсихосоциальные») потребности человека.

2. Креативный. Образуется на базе витального. Здесь происходит заметное повышение эффективности интеллекта, выявляются его новые потенциальные возможности как элемента творческого процесса.

3. Тотальный. С максимальной полнотой выражает сущность культуры как духовного опыта человечества. Здесь доминирующая потребность – потребность в другом человеке, в собственно человеческой окружающей среде. Смыслы деятельности становятся наиболее содержательными и определяют новые возможности взаимодействия и контакта с интеллектом. Такое подключение повышает эффективность работы не только за счет содержательно возросших смыслов, но и за счет повышения ответственности человека за меру реализации себя в интересах развития человеческой культуры и самого человека.

Представив в частности правильную картину, В.И. Разумов в целом проводит деление, по поводу которого можно вступить в дискуссию. Так, во-первых, то, что он имеет в виду под креативным уровнем, не может быть на более низком уровне по отношению в тому, что он называет философским (гегелевским) термином «тотальное». Собственно, то, что он именуется «тотальным», есть в действительности та стадия духовности, которая называется нравственностью, или этичностью. Именно в ней доминирующими являются отношения между людьми по поводу добра и зла. Креативный же

⁵⁴⁵ Там же. – С.18.

уровень находится на более высокой, если можно так выразиться, ступени «тотальности», причем он нисколько не исключает потребности в другом человеке, но лишь преобразует эту внутреннюю потребность, придает ей новую форму и содержание; ведь любое творчество, в том числе и научное, в своих продуктах, что также является своего рода (рациональным) творением смыслов, опосредованно соприкасается, находится в диалоге с общечеловеческой культурой и другими творцами, с «человеческим» в человеке.

Наука как особая сфера культуры реализуется в той системе ценностей, которая сформировала современную цивилизацию, часто называемую *техногенной* (варианты: посттрадиционной, индустриальной, рациональной, либеральной, модернистской, пострелигиозной и даже глобальной). Эта система ценностей соединяет естественнонаучные идеалы точности и эффективности с этическими (гуманитарными) идеалами свободы и самоценности личности. Она ориентирует человека на самостоятельное определение своей судьбы на основе разумного решения и морального выбора (вообще говоря, это традиционные ценности *философии*).

Культурная матрица техногенной цивилизации закладывается в эпоху Ренессанса. Важнейшей основой жизнедеятельности становится развитие техники и технологии, причем не только путем стихийно протекающих инноваций в сфере самого производства, но и за счет генерации все новых научных знаний и их внедрения в технико-технологические процессы. Теперь уже не культура определяет технику, а техническое развитие все в большей степени детерминирует развитие культуры. Эпоха Просвещения провозгласила три главные социальные идеи, отличающие ее от предыдущих:

1. Необходимо реформировать общественные институты на принципах разума.
2. Условием успешного реформирования является воспитание нового человека, свободного и ответственного гражданина.
3. Человек может стать свободным, лишь освободившись внутренне (приобщившись к научному знанию).

Культура, сформировавшаяся под воздействием научного прогресса, очень сильно отличается от традиционной культуры, характерной для всех остальных цивилизаций. Произошло, по выражению Макса Вебера, расколдовывание мира. Наука не только изменила технические возможности человека, но и оказала колоссальное воздействие на общество и его ценности. Изменение вместо сохранения становится главной задачей нового мира. Свобода и равенство заявляются как приоритетные ценности человека, защищать которые призвано государство (и все общество).

Если традиционные культуры создавали у человека бытийную ориентацию на прошлое, то общество техногенной цивилизации смотрит в будущее. Для традиционного мышления будущее – это повторение прошлого, для современного – это продолжение прошлого в условиях необратимого исторического времени.

Если прежние цивилизации рождали технические приспособления, то ныне сама техника творит цивилизацию, определяет логику и темп ее развития. Вспомним популярную модель С. Хантингтона.

Для традиционного общества характерны:

- Преобладание аскриптивных, диффузных моделей мотивации
- Стабильность социальных групп
- Ограниченная пространственная мобильность
- Простая и постоянная профессиональная дифференциация

Для техногенного общества характерны:

- Преобладание «достижительских» моделей мотивации
- Социальная мобильность, в т.ч. «вертикальная»
- Высокоразвитая система профессий
- Эгалитарная стратификация, основанная на достигаемых статусах

Наука и техника творят современную цивилизацию, способствуя развитию коммуникации. Инфраструктурные «интеллектуальные активы» связаны сегодня базами данных потребителей, социальными сетевыми системами и т.п. Работа на расстоянии, планирование аудита интеллектуального капитала, включая формирование команды и документального оформления, разработка стратегий совершенствования и политики управления знаниями, приумножение интеллектуальных активов за счет исследовательских программ – проявление развития цивилизации и возникновения культуры нового типа.

Заметим теперь, что, с нашей точки зрения, оптимизм социологического подхода в философии науки вызван к жизни (и вызвал к жизни, здесь кольцо зависимостей) принципом, или установкой «функция от экспектаций». Признанный авторитет в социологии, Энтони Гидденс, разъясняет это следующим образом: «Подход этот я связываю с “двойной герменевтикой”, то есть с таким механизмом, когда, с одной стороны, развитие социального знания паразитирует на представлениях простых деятелей (agents), а с другой – понятия, выработанные в мета-языках социальных наук, постоянно возвращаются в универсум тех действий, ради описания и оценки которых они были сформулированы. Причем это не ведет к непосредственной прозрачности социального мира, поскольку социологическое знание одновременно

входит в универсум социальной жизни и выходит из него, перестраивая при этом и себя, и социальную жизнь как составную часть данного процесса»⁵⁴⁶. (Помнится, в романе В. Пелевина «Шлем ужаса» такой постмодернистский самопорождающий дискурс был назван «коровьим бешенством»).

В целом обобщенный социально-философский подход уже принес свои плоды. Изучены влияние социокультурных факторов на структуру и развитие научного знания, социальная и когнитивная организация научных исследований, социальные последствия научно-технической революции и социальные контексты научных исследований и открытий. Произошла институционализация истории науки как академической дисциплины. Переосмысление самого предмета социологии знания привело к выделению в нем нового, «конструктивистского» направления, согласно которому научное знание является результатом *социального конструирования* реальности. Степени различия между наукой, магией и религией, критерии научности, всеобщности положений, считающихся истинными, и др. могут сильно отличаться у разных философов науки, но их роднит единый подход. «Последний отличается от всех других и прежде всего от эпистемологического тем, что он не занимается выработкой неких общенаучных канонов “знания как такового” и их сравнением с реальным научным знанием. *Социология должна изучать все то, что считается в данном обществе “знанием”, что люди данной эпохи понимают под знанием*, вне зависимости от того, как это знание соотносится с современными канонами рациональности». (Р.М. Нугаев, с. 9). В процессе социального конструирования реальности деятельность ученого направлена не на природу, а на работу с высказываниями.

И на этом все о конструктивистском подходе.

Резюмируя, можно сослаться на пленарный доклад Эвандро Агацци, сделанный им на XXII Всемирном философском конгрессе.

«Социальная философия науки разожгла анти-сциентистское отношение... Эти негативные последствия вырастают из того факта, что социологический поворот все еще сохранился в рамках эпистемологии, где наиболее крайние его заявления [claims] преувеличены и бездоказательны. С другой стороны, социологический подход имеет достоинство: он сделал особенно ясным, что наука это не просто система *знания*, но и комплексная человеческая *деятельность* [activity, активность], которая, будучи таковой, воплощает [вводит, enters] сеть взаимодействий с социальным контекстом. С этой точки

⁵⁴⁶ A.Giddens. The Consequences of Modernity. – Polity Press, 1990. Цит. по: Контексты современности. Актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории. – Казань, 1995. – С. 16.

зрения, все дискуссии об этической, политической, социальной, религиозной природе в отношении технауки, которые часто воспринимаются с подозрением, как угроза свободе науки, оказываются легитимными, если они касаются “занятий наукой” [“doing science”], со всеми условиями и последствиями. Поэтому мы должны “переосмыслить” философию науки в смысле включения в нее [асерти́нг, принятия] также *аксиологии* науки, которая могла бы помочь нам сохранить *познавательную* ценность науки и в то же время сделать технологическую активность сравнимой [compatible, конкурентноспособной] с удовлетворением от существования большого разнообразия *ценностей*, которые вдохновляют наши общества. Чтобы проделать это, философия науки должна быть готова использовать концепты и инструменты, взятые из всего спектра философии, а не только из логики, философии языка и в особенности онтологии, а также готова войти в диалог с нефилософскими аспектами человеческой культуры»⁵⁴⁷.

Думаю, Гегель отреагировал бы так: «Мы имеем, можно сказать, *достаточно* и даже с *избытком* более или менее чистых или затуманенных образов истины – в религиях и мифологиях, в гностических и мистицизирующих философиях древнего и нового времени. Можно находить удовольствие в том, чтобы *открывать* идею в этих образах, и находить удовлетворение в почерпнутом из такого рода открытий убеждении, что философская истина не есть нечто совершенно изолированное, что ее действие проявлялось в этих образах по крайней мере как брожение». (Предисловие ко второму изданию «Науки логики». С. 71).

§ 6. Решение проблемы истины

Надо воздавать наибольшее почтение истине.

Джон Локк

Не один лишь постмодернизм, – обсуждая основную синтагму, многие культурные эпохи испытывали осознанный или неосознанный скепсис в отношении существования или добывания истины. *Idola tribu et idola fori are haunting people...* «Всякий, кто, обратив внимание не мнения людей, заметит их противоречивость и в то же время ту любовь и благосклонность, с какой они воспринимаются, ту решительность и рвение, с какими они утверждают, быть может, имеет основание подозревать, что или вообще нет такой

⁵⁴⁷ XXII World Congress of Philosophy. Rethinking Philosophy Today. – Abstracts. – Seoul Nat. Univ. Press, Korea, 2008. – P. 5.

вещи, как истина, или человечество не имеет достаточных средств достигнуть достоверности познания ее»⁵⁴⁸. Обсуждение основной синтагмы гносеологии представляется в лучшем случае излишне патетическим. Или вот современный пример: уже упоминавшийся известный британский ученый Г. Дэвис, когда речь зашла об истине⁵⁴⁹, заметил: “Not that I feel really hostile, but I feel very skeptical about it”. Мне показалось, что вместе с ним эту фразу произнес тогда весь англо-саксонский мир... Однако истина, в отличие от несчастнейшего короля Лира, никогда не лишалась *всех* своих рыцарей, начиная с Сократа, который был уверен, что обязательно признаёт истину, когда найдет ее, и заканчивая сегодняшними адептами теории познания, для которой истина является «сердцем сердец».

Недостаточно было бы просто перечислить основные теории истины – корреспондентная, когерентная... конвенционалистская, прагматистская... теория идентичности... (а вот Кант, а вот Гегель, а вот, напротив, Энгельс или, наоборот, Пуанкаре), чтобы потом – клик! – “одним щелчком в Вашем компьютере устранено 432 проблемы, жесткий диск дефрагментирован, и на нем освобонилось астрономическое число мегабайт для дальнейшей полезной работы, что поможет Вам принять единственно верное *и конструктивное* решение”. И даже если, отдавая дань некоей уже сложившейся манере, начать с короткой характеристики тех предлагаемых решений, от которых ты желаешь в конце концов отъединиться, чтобы в наступившей тишине «получило слово» и собственное, новое слово, – беглое перечисление невозможно по причине большой разницы интерпретаций тех смыслов, что вкладываются в названия сложившихся теорий истины. Оно, это перечисление, не обещает быть простым и быстрым.

Вот, например, теория «корреспондентная». Действительно ли «корреспондентность» означает «соответствие», а не, допустим, «соотнесение», или референцию⁵⁵⁰? В отечественной философской традиции она сто лет именовалась теорией отражения, понималась через концепт «образ», а не «ответ»⁵⁵¹.

⁵⁴⁸ Д. Локк. Опыт о человеческом разумении. – Кн. I. – Гл. I. Введение. § 2. – С. 92.

⁵⁴⁹ На международной конференции Tempus/Tacis «Кому принадлежит культура? Общ. науки и перспективы исследования социально-культурных перемен» в Казанском государственном университете в 1998 г.

⁵⁵⁰ Среди новейших работ см.: Рецензия на книгу “Abbott V. Reference”: П.С. Куслий. Философия, логика и лингвистика в исследовании референции // Эпистемология & философия науки. – Т. XXIX. – № 3. – М.: Альфа-М, 2011. – С. 238-242.

⁵⁵¹ И далеко не только в отечественной, диалектико-материалистической. Об Альфреде Тарски Ст. Псиллос замечает: «Alfred Tarsky's conception of truth: truth expresses relations between linguistic entities and extra-linguistic structures or domains. Tarski suggested that the T-sentence “Snow is white” is true if and only if snow is white» captures what it is for a sentence to be true». – С. 250.

И что за «ответ» имеется в виду? Чей? Кому? Вот у Локка «соответствию» из русских переводов «Опыта» соответствует не соответствие, correspondence, а соглашение, или согласование, agreement, – совсем другая корневая морфема, иные коннотации. Так «образ», «голос» или «ответ»? Или «место» (совмещение)? Или место «падения» (совпадение)?

Далее. Поистине ли «идентичность» – это тождество? Ведь речь идет, как много раз подчеркивалось, о сравнении на предмет «совпадения» вещей из разных миров, идеального и материального, а разве у них есть общие предикаты, кроме бытия? Р. Скрутон: “Try as you may, you will not be able to step outside thought and lay hold of some independent realm of facts”. А если да – то истина = действительность, и – «одним щелчком»... (Правда, можно еще раз привлечь к рассуждению разницу между тождеством ipse и тождеством ibid).

Можно ли быть уверенным, что теория, утверждающая: связь предмета с тем, что нужно человеку – вот истина и вот ее критерий, – это теория прагматистская, а не какая-нибудь другая, марксистская, например? Или марксистская, основанная на принципе отражения, есть корреспондентная теория?

На самом ли деле когерентность – это непротиворечивая взаимосогласованность, «увязанность» высказываний, составляющих теорию, а не согласованность мышления с самим собой или не простая последовательность пропозиций, единственное свойство которой – постоянство? И не были ли «когерентистами» рационалисты Спиноза, Кант, Фихте и Гегель? (Взаимосогласованность, «пригнанность», кстати, – по лат. не coherentia, а convenientia).

И, встряхивает кудрями экзистенциализм, артистически-нервно оглядываясь на индифферентную мину логического позитивизма, что вообще является субстратом, носителем истины, truth-bearer – ваша бездушная proposition или человек во всей его драме бытия?! И кто создатель истины, truth-maker, обезличенный «факт» или Dasein? Я пойду и сам разберусь...

Дальше Holzwege перестают быть ведущими путями и даже тропами: они теряются из виду, дисперсно уходят в листья травы, цветы и мох, потом все глубже, к невидимым корням, и на их месте проступает родниковая вода родной Швабии... все. Мы не только не двинемся больше *вперед*, мы практически не в состоянии будем вернуться к первоначальному месту-проблеме, когда и откуда еще было возможно отправиться к намеченной, предвосхищаемой цели, идти *куда-то* или даже просто *идти*, путешествовать. Путь потерялся. Дальше – глубина...

Но мы еще не так далеко дошагали, как наиболее талантливые и оригинальные из нас. Поэтому, для порядка и гармонии, на которые и опирается

найденное решение проблемы истины, каковое будет предъявлено в качестве итога всей работы, изложим с комментариями следующее.

Кратчайший компендиум основных теорий истины имеется, например, в книге Л.А. Микешиной «Философия науки: современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учебное пособие». (М.: «Прогресс-Традиция»: МПСИ: Флинта, 2005). Дабы «вырваться из пут традиционной гносеологической концепции, несущей на себе явные следы созерцательного материализма», предлагается обогатить ее. «Познавательный процесс, несводимый к отражательным процедурам получения чувственного образа как “слепок” вещи, предстает сегодня в системе интерпретирующей деятельности субъекта, опосредованной различными по природе – знаковыми и предметными – репрезентациями, конвенциями, интерпретациями, содержащими не только объективно-сущностные, но и релятивные моменты социального и культурно-исторического опыта»⁵⁵². Я не спорю. Локк бы тоже не стал.

Предпочтение в этой книге отдается, как кажется, теории когерентности.

Есть опыт применения этой теории как общенаучной. Мы имеем в виду статью Пэр Ааге Брандта «Что такое семиотика?», доступной в сети Internet⁵⁵³.

Новый, основанный на семиотике, лингвистический подход, соединяющий над пропастью берега когнитивного и дискурсивного (=семантического и прагматического) анализа, называется динамической семиотикой. В ее рамках также делается акцент на анализе субъективности, феноменологическом «Я», психологическом и философском аспектах познания, и принято считать, что теоретическая семиотика является *естественной наукой*, хотя ее эмпирический задел покрывает и домен гуманитарных, и социальных наук, включая литературу и искусство, религию и право.

Натуралистический реализм динамической семиотики в этой версии делает из нее «строгую» науку о «нестрогих» фактах. Пэр Ааге Брандт отмечает, что в этом нет противоречия, но есть вызов. Существует целая международная программа развития междисциплинарных исследований в русле динамической семиотики. Ее главная задача – теоретическая *когерентность* между гипотезами и моделями, выработанными в разных частях семиотики.

Семиотически рассуждая, можно сказать так. Теория истины как референции кладет в основу сигматику – отношение знака (имени, высказывания)

⁵⁵² Микешина Л.А. Философия науки. – С. 153.

⁵⁵³ Per Aage Brandt. What is semiotics? – <http://www.hum.aau.dk/semiotics/semdocs/sem.introduction.html>

к объекту; теория истины как эффективности, или полезности – отношение знака к субъекту, прагматику; теория истины как согласования высказываний (и вообще всякие оттенки конвенционализма и операционализма) – отношения знаков между собой, синтактику; теория истины как корреспондентности – отношение знака к смыслу, семантику; а та область, которую изучают совместно семиотика, логика, эпистемология, в какой-то мере и психология – отношение смысла к объекту – в зависимости от того, как решается проблема идеального, описываясь либо теорией рефлексии (отражения), либо теорией когерентности.

Однако более глубоким и оригинальным является приводимый ниже синопсис.

Из «Стэнфордской энциклопедии философии»⁵⁵⁴, со ссылкой на авторитет [Frege (1918), p. 3]. Самое простое и общее положение теории идентичности таково: когда пропозиция истинна, тогда, значит, есть факт, с которым она идентична, а истинность ее состоит в этой идентичности факту. Это можно понять в сравнении с оппонирующей теорией, корреспондентной, согласно которой указанное отношение скорее является «соответствием», нежели идентичностью. (Чем это хуже или лучше, не очень понятно, как непонятен и эпитет «оппонирующая». Подобие отличается от тождества только степенью. Это одна и та же теория. –Э.Т.)

Интеллектуальным мотивом теории идентичности является желание замостить пропасть между сознанием (mind) и миром: т.е., когда мы мыслим истинно, мы мыслим подлинное состояние дел. Еще Больцано и Мейнонг думали так же: нет никаких промежуточных сущностей между умом и фактом; факты сами по себе истинны, поскольку они – предметы суждений. Эти философы не одиноки [с.ф.: Findlay, Baylis, Chihsolm, Woozley].

Неудовольствие корреспондентной теорией Фреге выражает так: соответствие может быть совершенным, только если совпадающие вещи вообще не являются разными. Только тогда можно сравнить идею с вещью, когда последняя тоже является идеей. Это, однако, не то, что люди имеют в виду, говоря о соответствии идеи чему-то реальному. Потому для данного случая существенно важно, чтобы реальность отличалась от идеи. Но тогда невозможны ни совершенное соответствие, ни совершенная истина. Значит, вообще ничто не было бы истинным; ведь то, что лишь наполовину истинно – не истина. Она не допускает градаций. И не надо нам возражений вроде того, что единственное требование корреспондентной теории – это соответствие в *определенном аспекте...*

⁵⁵⁴ File://A:\Emily\encyclop16.htm; 17.06.00

Однако «некоторые», невзирая на то, что сам Фреге отказался от определения истины, все же строят теорию узнаваемо «фрегеанскую». (Что характерно: эта теория лишь подразумевается; она отсутствует в публикуемых дискуссиях). Критические возражения против нее таковы: 1) очевидна ее абсурдность; 2) ее никогда никто не поддерживал. Чтобы ослабить абсурд, можно говорить не о предложениях и не-лингвистических «положениях дел», но о суждениях и фактах.

Можно сделать суждения больше похожими на факты. Рассел, борясь с идеализмом, на какой-то стадии принял следующий взгляд на суждения: они не являются посредниками между сознанием (mind) и миром; конституирующие компоненты и есть те вещи, о которых /делаются/ суждения. Этот взгляд можно назвать своего рода реализмом, он как будто бы позволяет построить теорию идентичности. Однако поскольку истинные и ложные суждения равным образом состоят из реальных конститuentов, истина как идентичность реальности не могла бы быть отличимой от ложности, и сама разбираемая теория была бы опустошена сопутствующей теорией ложности как идентичности. Поэтому и Рассел, и Мур были вынуждены признать, что истинность – это неанализируемое качество некоторых суждений. (В более смягченном виде): мы получили не теорию истины, но теорию суждения. [См.: Болдуин (1991), Кэндлиш (1989) и Кэндлиш (1996).]

Можно, наоборот, сделать факты больше похожими на суждения [как сторонник разбираемой теории Ф.Г. Брэдли, 1907]. Некоторые философы, в особенности субъективные идеалисты («реальность есть опыт»), предположили, дабы избежать недостатков корреспондентной теории, что факты больше похожи на суждения. Последняя рассматривает факты как реальные независимые сущности, что, согласно Брэдли, недоказуемо (unsustainable). Впечатление их независимого существования – результат незаконной проекции на мир схем рассудка (the divisions with which thought must work). Отсюда иллюзия, что суждение может быть истинным, если соотносится с частью ситуации (как будто, например, суждение «пирог находится в печи» может быть истинным, даже если пирог убрать с тарелки, а печку вынести с кухни).

Согласно Брэдли [см. Уокер, (1998)], в лучшем случае может быть истинным одно суждение: то, которое охватывает всю реальность (encapsulates reality in its entirety). (Можно сказать, что это абсолютная истина в своей гегуинной ипостаси: универсальное знание об универсальности Вселенной. –Э.Т.). Брэдли признает поэтому, в отличие от Рассела и Мура с их атомистической метафизикой, что истина *имеет степени*. И то суждение менее всего истинно, которое дальше всего от *всей реальности*.

Эта теория сопровождается теорией ложности как не-идентичности в смысле абстракции некоторой части от всей реальности и выводом от-носительно инфигированности ложностью практически всех обычных суждений.

Этого мало; даже то единственное суждение, которое, соотносясь со всем универсумом, не искажает реальность проекцией ментальных схем, дробящих ее на вымышленные фрагменты, лишь *описывает* реальность (тем скрывая ее). Оно станет абсолютно истинным, только если перестанет вообще быть суждением и *станет* той реальностью, о которой оно должно было быть суждением; в противном случае, надо признать, оно не абсолютно истинное, но также «инфигированное». (След Фреге! –Э.Т.)

Стюарт Кэндлиш, автор этой статьи в энциклопедии, предлагает назвать теорию Брэдли «элиминативистской»: когда истина достигнута, суждение исчезает и остается только реальность. По аналогии с модными «смертью авто-ра» и «смертью социального» можно назвать это смертью мысли. –Э.Т.

Такие крайние выводы заставляют в очередной раз «отшатнуться» от метафизики и строить «нейтральные» (эпистемические) теории, в которых субстрат истины, truth-bearer – это содержание мыслей, а факты – просто истинные мысли, true thoughts. Напршивается вывод: надо сбавить накал наших экспектаций относительно философских теорий и доказывать мета-физически нейтральные версии. (След Фреге! –Э.Т.)

Касательно признания нашей недоказуемой теории. Некоторые философы, например, Томас Болдуин, говорят о ее пользе; в новейшее время она сыграла свою влиятельную, но скрытую, «подземную» роль. Прав он или нет, теория идентичности может оказаться наиболее продуманной концепцией по сравнению с солипсизмом.

Что касается корреспондентной теории, восходящей, как принято считать, к Аристотелю, – против нее ходит тот же смертельный довод, что и против теории идентичности (каковой, было замечено, первая является только ослабленным вариантом): «...for there to be correspondence between judgment and reality, the judgment must differ from reality, and in so far as it does differ, to that extent must distort and so falsify it». (След Фреге! –Э.Т.)

Корреспондентная теория в нашей философии именовалась раньше теорией познания как отражения. Выступив против нее, неопозитивизм, основанный, как и любой позитивизм, на кантианстве, сразу в лице своего лидера, М. Шлика, выгодно использовал ее основное затруднение. Классическая гносеология Канта постулировала, что всякое познание есть суждение, но не наоборот, т.е., не всякое суждение есть подлинно познание. Истинное

познание – это лишь такое суждение, где связь S и O (субъекта и предиката): 1) всеобщая и необходимая (analyt.; a priori); 2) синтетическая (aposteriori), т.е. они должны быть априорны, подобно аналитическим суждениям («тело есть нечто протяженное»), и при этом сообщать новое содержание. Поскольку аналитические пропозиции относятся к понятиям, а не к вещам (и так считали всегда все схоласты), постольку аналитические суждения и конвенциональные определения, принятые в качестве рациональных истин в логике и математике, суть правила селекции и комбинаторики. Они лежат в основе процедур образования понятий (в качестве сета признаков), и далее объединения понятий – в суждения, а суждений – в теорию. «Они суть тавтологии или схемы рассуждений, а не реальные знания о мире; они не дают возможности проникнуть в неощущаемую реальность». (А.А. Грицанов). Что касается априорных синтетических суждений: это «псевдопроблема», и она, по Шлику, следует из гипотетической теории истины как идентичности.

Тем не менее, картина познания в большинстве голов (кроме нескольких логиков и эпистемологов) является именно такой: «корреспондентной». Истина **как-то** совпадает с действительностью, хотя и неясно, как. Общим остается и непонимание того, как возможно соответствие знания (идеального) действительности (как правило, имеется в виду материальная реальность, хотя это совершенно необязательно).

Я же, со своей стороны, не понимаю – что понимать?! Субъективное и объективное, материальное и идеальное, психическое и физико-физиологическое *встречаются* в социальном, в том месте, где они только и могут встретиться: *в языке*. В языке и других семиотических системах. Непонимание этого есть на самом-то деле забвение того, что основное познавательное отношение – не диада, но триада. И сущность этого отношения стала непонимаемой и, хуже того, непознаваемой из-за отказа от принципа отражения, который, как уже объяснялось, по-русски называется с искажением, но все-таки призван выразить процесс конгруэнтного уподобления знания действительности при помощи и посредством языка. Конечно, можно признавать индуистский взгляд на эти вещи – существование мысли вне и без языка. (Или византийский: Григорий Палама с его исихией). Даже можно to coin a word for it – nebulae⁵⁵⁵. Но, во-первых, (европейцу) можно этого и не делать; а во-вторых, такое существование гносеологического образа вне и до его семиотического воплощения весьма недолговечно и имеет в лучшем слу-

⁵⁵⁵ См. нашу давнюю работу «Философские вопросы семиотики», гл. III. – Казань: КГУ. – 1993. Там рассматривается ситуация существования гносеологического образа до его воплощения в знаке и путем пресциссии превращения его в значение.

чае смысл инсайта, догадки, интуитивного озарения и пр., чтобы затем стать подлинным мышлением, совершившись в языке. А единственный прямой посредник между миром объективной реальности и миром идей – это остенсивное определение.

Продолжим. Главной соперницей корреспондентной теории истины является наиболее поддерживаемая в эпистемологии и в философии науки когерентная теория. Они расходятся в двух существенных аспектах. Первый: отношение между носителем истины (truth-bearer, пропозицией) и условиями его истинности теперь объявляется не соответствием, но когерентностью. Второй: различия и трактовка упомянутых условий истинности. Первая теория утверждает, что они являются объективными качествами мира. Вторая – что условия истинности одних пропозиций содержатся в ... других пропозициях. (Впрочем, сторонники первой теории также могут признавать, что условия истинности пропозиций о пропозициях содержатся в этих пропозициях-антецедентах).

Когерентная теория, в свою очередь, существует в нескольких версиях, и они различаются пониманием того, что, собственно, такое – когерентность, и что за набор (set) пропозиций (specified set of propositions) составляет основание для других пропозиций на предмет проверки истинности последних.

(Думаю, мы можем для краткости взять формулировку, с которой начинались объяснения в первом разделе: “He believes P because he believes R and takes it to be a reason for P”. –Э.Т.)

В ранних версиях данной теории когерентность – это просто последовательное согласование. Однако во множестве случаев две пропозиции (P и Q, например) вполне могут по отдельности гармонично согласовываться с той третьей, R (как основанием для P и Q), которая нас именно интересует, но при этом не согласовываться, спорить друг с другом. В таком случае пришлось бы признать, что обе «несогласные» пропозиции P и Q – истинны, что очевидно неверно.

Более мягкая версия гласит, что когерентность – это логическое следование, при котором P будет сопровождаться компонентами сета пропозиций R. Значит, P истинна (когерентна R), если сопровождается R (if and only if it is entailed by members of the set).

Возникает еще вопрос о составе R (specified set), в который, как считается, входят истинные суждения. Coherentists generally agree that it consists of propositions believed or held to be true. Хилари Патнем [Putnam, 1981] утверждает, что в этот состав входят те пропозиции, которым будет оказано доверие обычными людьми с ограниченными когнитивными способностями

в ситуации «остановленного вопрошания», т.е. когда исследование исчерпывает себя. Более сильный вариант – признание, что в этот сет входят все пропозиции, в истинность которых когда-либо верили люди. [Young, 1995]. В любом варианте теория когерентности отвергает реализм, каковой предполагает принцип бивалентности (двузначности) истины и принцип трансцендентности, гласящий, что пропозиция может быть истинной, даже если об этом нельзя узнать.

Аргументы «За».

Поначалу идет поразительное сближение с идеализмом (см. выше фрагмент о теории Ф.Г. Брэдли): Truth comes in degrees. A belief is true to the degree that it coheres with other beliefs. Это ранняя постановка вопроса, выраставшая из интереса философов к метафизике. Более позднее воззрение опирается на эпистемологию и семантику.

Если истина состоит в соответствии объективным фактам, то соотнесенность даже с наиболее совершенным набором пропозиций (убеждений, beliefs) не сможет быть тестом на истинность, ибо не может быть гарантии, что этот сет адекватен реальности (букв. достигает, matches). Мы вообще не можем «выйти за» сет пропозиций и сравнить их с объективными фактами (О. Нейрат и др.).

Однако ведь из факта, что пропозиция не может быть познана как соответствующая реальности, не следует, что она не соответствует реальности. Дэвидсон (1986) считал именно так: когерентность пропозиции сету убеждений означает, что пропозиция соответствует сету объективных фактов, и вообще, она означает, что пропозиция имеет способность *соответствовать*.

Аргументы «Против».

Стюарт Кэндлиш выделяет два основных контраргумента: спецификации и трансценденции. Согласно первому, восходящему еще к Расселу (1907), сторонники теории когерентности не в состоянии внутренне непротиворечиво определить «специализированный сет пропозиций». Пример: пропозиция «Джейн Остин была повешена за убийство» согласуется с неким сетом пропозиций. Пропозиция «Джейн Остин скончалась в собственной постели» согласуется с неким другим сетом пропозиций. Однако никто не сочтет первое высказывание истинным, невзирая на то, что оно согласуется с неким сетом пропозиций. Нет, однако, оснований для заявления, что первая пропозиция ложна, а вторая истинна. Если сослаться, что вторая пропозиция согласуется с пропозициями, которые согласуются с фактами... то ясно, что это будет отходом от теории когерентности. Если со-

слаться на вразумительность [comprehensiveness of the specified system], то возникнет затруднение в ее экспликации: не противореча себе, сторонники разбираемой теории могут сослаться только на масштаб системы. Ведь им нельзя заговорить о всесторонней убедительности определенного сета пропозиций в терминах соответствия действительности, эмпирической адекватности и т.д. А ссылка на объем системы специализированных пропозиций может вызвать закономерный встречный вопрос: почему невозможно существование одинаково объемных систем специализированных пропозиций?

Выходом является убеждение. Убеждение в том, что «специализированный сет пропозиций» избирается не случайно, и в том, что истина состоит не в соотношении с любым произвольным «сетом», но – с набором пропозиций, содержащих *убеждения*, т.е. таких, которые *держат за правду*. Никто реально не верит в тот сет, с которым сопрягается пропозиция № 1.

Более изощренные аргументы выдвинуты Уокером (1989), обсуждались Райтом (1995). Если принято убеждение, что сет S заслуживает доверия, то эта третья пропозиция нуждается в обосновании своей истинности, и т.д. (напоминает ситуацию с «третьим»-«четвертым человеком» Аристотеля.– Э.Т.). Этот бесконечный регресс никогда не позволит решить, что значит для пропозиции «быть истинной». Дело осложняется еще тем, что произвольно избранный сет пропозиций может включать те пропозиции, в которых заявляется, что именно удостоверяется. («"Jane Austen was hanged for murder" is believed»). Единственный выход – принять, что регресс может быть остановлен ссылкой на то, что условия истинности пропозиции № 3 (S is believed) состоят в самом факте доверия. (Тогда теория когерентности окончательно изменяет себе, превращаясь в теорию корреспондентности. –Э.Т.).

С. Кэндлиш, однако, выражает некоторое сомнение в «контраргументах спецификации». Ведь «когерентисты» могут возразить Уокеру, что ссылка на факт не является опровержением их позиции. (...however, the truth conditions of propositions, including propositions about which sets of propositions are believed, are the conditions under which they cohere with a set of propositions). Но важнее, что от упомянутого регресса не свободна и теория корреспондентности. Некоторым утешением служит, что Кэндлиш не называет этот регресс «дурной бесконечностью» (vicious regress).

Другое возражение, названное контраргументом трансценденции, сводится к следующему. Критикуемая теория не в состоянии объяснить, почему некоторые пропозиции могут быть истинными без того, чтобы согласовываться с неким «сетом», обосновывающим убеждение в истинности. Истина

перекрывает любой «сет» (Truth transcends any set of beliefs). Пример: пропозиция «Джейн Остин написала 10 предложений 17 ноября 1807 г.» может быть либо истинной, либо ложной. Если она ложная, то некая другая, утверждающая иное количество предложений, является истинной. Однако никакая пропозиция, трактующая о том, сколько именно предложений написала в тот день Джейн Остин, не согласуется ни с каким набором убеждений – и мы можем без опасений предположить, что и никогда не будет согласовываться (we may safely assume that none will ever cohere with a set of beliefs). Значит, существует по крайней мере одна истинная пропозиция, которая не согласуется ни с каким набором убеждений. (Одна версия теории когерентности застрахована от приведенного аргумента: та, что предусматривает существование всезнающего существа. Ведь любая истина согласуется с набором убеждений всезнающего существа).

Собственно, когерентность как системность просто предполагает, что новое знание должно быть хорошо согласовано с теми результатами, которые уже оцениваются как истинные. Для «нашей» философии это критерий вполне приемлемый, если в качестве такого основополагающего знания выступают философские принципы сохранения энергии, детерминизма, единства и самоорганизации мира и т.п. Если теории не могут быть проверены на практике и обе являются логически непротиворечивыми, то критерий когерентности позволяет выбрать из двух теорий ту, которая более совместима с фундаментальным знанием.

Прочие неклассические теории истины пользуются дополнительными критериями: эвристичности, простоты, красоты и др. Критерий эвристичности, например, вступает в силу, когда прочие критерии ее теряют. Эвристичность понимается как способность знания к росту, который своеобразно эксплицируется. Из двух теорий лучшей (более эвристичной) признается та, в которой теоретический рост опережает эмпирический.

Известный французский математик и методолог науки Анри Пуанкаре, бывший в свое время Президентом Французской академии наук, автор около сотен работ, некогда предложил применить к исследованию познавательной деятельности коммуникативный подход. Как о том повествуют многие философские словари, и как об этом можно судить по переводам, этот подход привел его к выработке собственной, конвенционалистской, теории истины, которая является вполне созвучной и нашему времени. В основе ее лежит понятие «свободного», или «замаскированного соглашения». «Никакая геометрия не может быть более истинна, чем другая; та или иная геометрия может быть *только более удобной*». («О науке», М.: 1983).

Это значит, что предпочтительнее та теория, которая: 1) проще всех других; 2) согласована с реальностью (реальными физическими телами, к которым приближается наш организм и наши приборы). Это *соглашения*, но не *произвольные*. Скажем, «принципы – это соглашения и скрытые определения. Тем не менее, они извлечены из экспериментальных законов; эти последние были, так сказать, возведены в ранг принципов, которым наш ум приписывает абсолютное значение». «Инвариантные законы суть отношения между голыми фактами, тогда как отношения между “научными фактами” всегда остаются в зависимости от некоторых условных соглашений». «Что объективно, то должно быть обще многим умам, а значит, должно иметь способность передаваться от одного к другому; путь объективности есть путь общения посредством речи». («О науке», М.: 1983).

Суть критерия простоты в следующем: из двух теорий предпочтение следует отдать той, которая объясняет действительность, опираясь на меньшее количество независимых допущений, т.е. более просто. Красота еще более субъективный критерий, выражающий личностную удовлетворенность результатами познания. Суть принципа красоты в том, что хорошая теория отличается особой эстетической гармонией, элегантностью, ясностью и стройностью⁵⁵⁶.

Есть проблема, которую создает дефляционная концепция истины. Почему логическое «нет» не противоречит онтологическому небытию субъекта/объекта, а логическое утверждение в половине (условных) случаев означает существование («да» = «есть»), в половине же – несуществование («да» = «не есть»)?

Сделаем некоторые предположения.

Вне субъект-предикатной структуры мы ничего не можем утверждать или отрицать, стало быть, вне ее не может быть ни истины, ни лжи.

«Среди актов разума есть два акта, из которых один есть акт постижения [apprehensio], и он бывает в отношении чего угодно... Другой акт может быть назван актом суждения, посредством которого разум не только постигает объект, но и соглашается либо не соглашается с ним [assentit vel dissentit] ... и этот акт бывает только в отношении составного, ибо мы посредством разума соглашаемся ни с чем иным, как с тем, что полагаем истинным, и не соглашаемся ни с чем иным, как с тем, что считаем ложным {...nulli assentimus per intellectum nisi quod verum reputamus, nec dissentimus nisi quod falsum aestimamus}. (Оккам, «Эпистемология», с. 93).

⁵⁵⁶ Изложено по: Философские проблемы социально-гуманитарных наук / Уч. пособ. для асп. и соиск. – Казань: – «Познание», 2007. – Гл. 6. – Автор раздела – М.А. Зайченко.

Это надо примерить.

Утверждение (бытия или небытия) может быть истинным и ложным.

Отрицание (бытия или небытия) может быть истинным и ложным.

1. Утверждение бытия (признака) может быть истинным (истинное = действительное, признак есть, существует). *«Небо синее». «Бытие есть».*

2. Утверждение бытия может быть ложным (ложное = недействительное, признака нет, он не существует). *«Все люди грамотны».*

3. Утверждение небытия может быть истинным (истинное = недействительное, это отсутствие, признак не существует). *«Это животное беспозвоночное».*

4. Утверждение небытия может быть ложным (ложное = действительное, признак существует). *«Люди суть неразумные создания».*

5. Отрицание бытия может быть истинным (истинное = недействительное, признака нет, он не существует). *«Ни один человек не дельфин».*

6. Отрицание бытия может быть ложным (ложное = недействительное, признак существует). *«Ни один человек не является живым».*

7. Отрицание небытия может быть истинным (истинное = недействительное). *«...а небытия нет».*

8. Отрицание бытия может быть ложным (ложное = действительность). *«У Земли нет электромагнитного поля».*

Утверждение бытия отсутствия: суждение по форме утвердительное, но в качестве предиката используется не положительное, но отрицательное понятие. S есть не-P.

Отрицание бытия присутствия: S не есть P.

Утверждение истинности ложности: «Лжец».

От прагматизма и его теорий истины (как, к слову, и от чисто эпистемологической дефляционной теории) метафизику, конечно, хотелось бы просто отмахнуться. Единственная сфера, где критерий истины – польза, это экономика. Однако прагматистская концепция истины, выработанная выдающимися философами и логиками, трактует полезность расширительно, и разговор переходит в область общих ценностей, что, разумеется, важно для философии. Например, мы часто говорим: полезно использовать (то-то и то-то), – не склоняясь к консьюмеризму. Да и в теории познания диалектического материализма практика, как хорошо известно, играет не одну, а целых пять ролей. Тем не менее, в данной работе останавливаться на прагматизме мы не будем, он достаточно хорошо изучается и быстро развивается без нашего внимания и какого бы то ни было участия.

В рядах тех, кого мы, может быть, не вполне легитимно, относим к «западной эпистемологии», нет полного согласия в отношении интересующих нас материй. А. Айер поддерживал концепцию «употребления» высказывания как выяснения его истинности. В 70-х годах М. Даммит, знаток Фреге и Витгенштейна, предложил рассмотреть знание условий истинности высказываний как эмпирическую способность опознавания. Знание оказалось замкнутым в кольцо наших возможностей опознавания наших обстоятельств использования языка. В 80-е годы Д. Дэвидсон выступил против приравнивания значения и употребления...

Пора переходить к решению проблемы истины.

Приведем англоязычные определения, интересные тем, что в них содержится генезис самого термина.

Truth – [ME *trouthe*, fr. OE *trēowth*, fidelity; akin to OE *trēowe*, faithful]: 1 a : *archaic*: fidelity, constancy; b : truthfulness, honesty; 2 a (1) : the state of being the case ; fact; (2) ; the body of real things, events, and facts ; actuality; (3) *often cap.* ; a transcendent fundamental or spiritual reality; b : a judgment, proposition, or idea, that is true or accepted as true; the body of true statements or propositions; 3 a : agreement with fact or among true facts or propositions; b : true; c : fidelity to an original or to a standard; 4 *cap. Christian Science: GOD.*

True – [ME *trewē*, fr. OE *trēowe*, faithful; akin to OHG *gitiuwi*, faithful; Skt *dārūna*, hard; *dāru* – wood]: 1 a : steadfast, loyal; b : honest, just; c : *archaic*, truthful; 2 a (1) : in accordance with the actual state of affairs <~description>; (2) ; comfortable to an essential reality; b : ideal, essential; c : being that which is the case rather than what is manifest or assumed; d : consistent; 3 a : properly so called <~love>, <the ~faith>; b (1) : processing the basic characters of and belonging to the same natural group; (2) typical; 4 : legitimate, rightful; 5 a : that if fitted or formed or that functions accurately; b : comfortable to a standard or pattern : accurate; 6 : determined with reference to the earth's axis rather than the magnetic poles; 7 : logically necessary; 8 : narrow, strict; 9 : corrected for error. Syn.: real.

В качестве любопытной параллели приведем семантику слова «дерево», родственную «твердости» истины (Skt *dārūna*, hard): **Tree** – [ME, fr. OE *trēow*; akin to ON *trē*, tree, Gk *dry*s, Skt *dāru*, wood]...⁵⁵⁷

Первые ограничения.

Применим для разъяснений семиотический треугольник. Такая характеристика как истинность может быть отнесена к одной из его вершин: объективному референту, знанию о нем и воплощению знания в знаке.

⁵⁵⁷ Webster's Seventh New Collegiate Dictionary. Springfield, Mass., USA.

1. Истина может пониматься как предикат **бытия** (а не познания, знания, **сознания**, в онтологическом смысле *не* противостоящего бытию). Так понимает ее, например, Хайдеггер. (Выводы его кажутся мне – и являются – уводящими от истины как человеческого измерения представления к онтологизированной истине, вообще покидающей сферу субъективного, и толкующими истину как несокрытость и непотаенность сущего.) Так понимает истину теология, такое значение подсказывает и само русское слово (истинный = естественный). Иногда истина понимается и как синоним бытия. Так понимает ее Демокрит. (Иногда и Маркс: вспомним 2-й Тезис о Фейербахе)...

11. Гален... природу же самих вещей он [Демокрит]... обозначает выражением «в действительности», сочинив термин от слова «действительное», что значит «истинное»⁵⁵⁸.

66. Филопон... Душа и ум тождественны... Истинное и являющееся – одно и то же...⁵⁵⁹

Истина, как явствует из этой цитаты, понимается Материалистом как синоним *бытия*, «действительность». Истина – «то, как оно есть на самом деле» и «то, как оно должно быть в совершенном виде». Последнее влечет за собой платонизм. В каком-то особом смысле так понимает истину и сам Гегель... «Философское значение истины встречается отчасти также и в обычном словоупотреблении; мы говорим, например, об *истинном* друге и понимаем под этим такого друга, способ действия которого соответствует понятию дружбы; точно так же мы говорим об *истинном* произведении искусства». Или об *истинном чувстве*.

Истинное золото.

Истинная любовь.

Истинный философ.

«Поистине, это так». По истине. (Ср.: «в самом деле...» В самом!)

Истинное золото=подлинное золото, настоящее, реальное золото.

Так истина переживается, а переживаясь, становится бытием. Здесь-и-теперь-бытием-сознанием. «С философской точки зрения двусторонность, выявленная... в понятии переживания, означает, что это понятие не исчерпывается намечаемой в нем функцией служить последней данностью и основанием всякого познания. В нем заложено и еще нечто иное, что требует признания и предлагает... проблему – его внутренняя связь с жизнью»⁵⁶⁰.

⁵⁵⁸ Фрагменты Демокрита. Учение о бытии. //Материалисты Древней Греции. – С. 61.

⁵⁵⁹ Фрагменты Демокрита Учение о познании. – С. 79.

⁵⁶⁰ Х.-Г. Гадамер. Истина и метод. Основы философской герменевтики. – М.: «Прогресс». – 1988. – С. 111.

2. Истина может пониматься как предикат **знания** (в гносеологическом смысле противостоящего бытию).

Эта позиция представляется мне наиболее привлекательной. Нет человеческого знания – нет истины, хотя бытие всегда «уже есть». Чтобы признавать это, нет необходимости объявляться материалистом, тем более, что Материалист считал как раз иначе (см. первую позицию). Достаточно быть логиком и принимать эпистемологический подход, то есть рассматривать истину в наиболее понятном ее проявлении: по отношению к научному знанию.

Сослюсь еще раз на авторитет Фреге. «Считают, что истина применима к изображениям, представлениям, предложениям и мыслям. Это указывает на то, что имеет место смысловой сдвиг. ...Разве изображение в качестве видимого и осязаемого предмета может быть истинным в собственном смысле? [Если за ним не стоит некоторый замысел...] Разве могут камень или лист быть неистинными?» («Мысль...». С. 29).

Слово «истинный» [wahr] «не будет употребляться здесь в смысле «подлинный» [wahrhaftig] или «правдивый» [wahrheitsliebend] и так, как это иногда имеет место при обсуждении проблем искусства, когда, например, речь идет о правде [Wahrheit] искусства...» (Там же).

В сноске на с. 64 того же произведения сказано: «То, что признается истинным, может быть только мыслью». С этим надо согласиться.

Однако значит ли это, что в совершенном, собственном виде истина существует только в сфере формальной логики? В простом аподиктическом (= атрибутивном = ассерторическом = категорическом) суждении истина существует как приписывание признака предмету мышления; ссылка на то, что этот признак у предмета «действительно есть», обычно проходит без анализа. Почему это так, объяснено давно: относительно абстракций мы не всегда ждем «действительного существования» предмета мысли, отвлекаемся от него. Это вопрос не первостепенный. Либо интуитивно ясно, что предмет существует, либо это неважно. Когда начался анализ, возник логический позитивизм: пока мы не добьемся указания на сенсорно подтвержденное существование предмета мысли, об истинности (научного) знания говорить не приходится.

Но онтологическое затруднение становится еще более явным, когда мы имеем дело с экзистенциальными суждениями, – а ведь они составляют по крайней мере треть сферы логического, если подойти схематично. Аристотель говорил, что истина и ложь появляются не на уровне понятия («козлоолень») а на уровне суждения о существовании предмета суждения

в действительности. Козлоолень не истинен и не ложен. «Козлоолень существует» – суждение ложное.

Так это животное – фикция? Он существует? Или не существует?..

Существует – как фикция (понятие)? Тогда следует выразиться так: «“Козлоолень” существует». Так мы поднимаемся на уровень основного эпистемологического затруднения – и не нем остаемся. Из содержательной характеристики истина становится характеристикой формальной.

Однако прежде уже говорилось что формальная логика, в особенности логика и методология науки, – не дом истины. Во-первых, «вопрос о том, истинны ли *в себе и для себя понятия* «бытие», «наличное бытие», «конечность», «простота», «сложность» и т.д., должен казаться странным, если полагают, что речь может идти лишь об истинности *некоего предложения*, и можно лишь спрашивать, следует ли, согласно истине, *приписывать* (как обыкновенно выражались) *некоторое понятие некоторому субъекту* или нет; неистинность же в таком случае зависит от противоречия между субъектом представления и понятием, которое присоединяют к нему как сказуемое. Но понятие как нечто конкретное (и даже как всякая определенность вообще) существенно представляет в самом себе единство различных определений». (Гегель, Наука логики. § 33. С. 140). А во-вторых, в логике и методологии науки оценочное предшествует гносеологическому.

Выход «вовне» для логики «самой по себе» невозможен.

Далее. Понимаемая как предикат сознания (или познания), но в свернутом, неэксплицированном виде истина существует *в/для* наивной материалистической психологии. Еще раньше такая установка возникла в материалистической гносеологии как принцип отражения объекта в сознании (в сознании *вообще*, а не только в суждении, т.е. не только в знании).

Получается следующая секвенция расширения смысла/значения центрального понятия теории познания, приводящая к гносеологической неопределенности самой этой теории.

Иногда истина – синоним знания.

Иногда истина – это синоним сознания в целом.

Иногда истина – синоним сознания во всем, кроме знания...

Юрген Хабермас, классик рационалистического направления XX века, приходит к определенной дискурсной теории истины, то есть рациональности, беспрепятственно утверждающейся в процессе дискуссии. (См., например, комментарий в: *Soziologie. Mikl-Horke Gertruda. 1989. S. 286*). Похожего мнения держится современный испанский философ Томас Мариано Кальво Мартинес. *Thomas Mariano Calvo Martinez made a valuable contribution dur-*

ing the conference in Chita; noble ancient Greeks prescribed us reasonable talk, i.e. talk that we can agree on in a dialogue where every interlocutor is honest to himself and honest to the others. No violence; no lies; no great hurry; “*episteme*”, *good will*, and *freedom* to speak. («Условия и правила рационального диалога». Чита, 2008).

Известный российский теоретик познания и культуры М.И. Билалов посвящает многие исследования бытию истины «вне знания». Этим расширяется ее эмпирическое поле (за счет учета бессознательного, пред- и подсознательного, а также религиозного, этнического, обыденного и т.п. сознания). Классическая теория соответствия признается, и в дополнение к ней предлагается схема, согласно которой истина представляется в качестве «эвентуального» знания, а знание – как обретение истины. Этот философ, как видим, понимает абсолют в первом смысле, как всю возможную полноту – чего?

«Познавательная культура субъекта аккумулирует традиции, нормы, идеалы и т.п. как научного, так и обыденного, повседневного познания и, не сводясь к его когнитивным аспектам, включает в себя также отображения социальных факторов бытия познающего человека. ...Набирают творчески значимый авторитет и детерминированные критериями истинности знания как составляющие познавательной культуры позитивистская, прагматистская, конвенционалистская, герменевтическая и иные неклассические концепции истины»⁵⁶¹. Несомненно, так и есть. Это не онтологизация, если под ней понимать вынесение истины «за знание», но *оптимизация* истины, своеобразный супрематизм в гносеологии. Данная позиция, отражающая постмодернистский крен философии от науки к другим формам культуры, отстает М.И. Билаловым так: философы к любой проблеме подходят концептуально. Мы можем объяснить расширительное понимание истины; это возрастание «объема» самого человеческого духа. Его иррационализация при этом неизбежна... «Эйфория от привычных побед разума сменяется необходимостью принять и признать полноту человеческого духа, в котором смыслу человеческого существования отводится место не только в науке, но и религии, и даже иллюзорному, мистическому, инстинктивному и т.п.».

Однако данная концепция признает и другое прочтение слова «истина». Для уточнения соотношения истины и знания, убеждения и веры М.И. Билаловым выдвинуты гипотезы о невербальной, довербальной и т.п. формах

⁵⁶¹ Билалов М.И. Субъектность познания и познавательная культура // Наука. Философия. Общество. М-лы V Российского Философского Конгресса. Т. I. – Новосибирск: «Параллель», 2009. – С. 74, 75.

истины. Характерно вот это «для уточнения». Идет поиск, сходный с нашим: ЕСЛИ истина – это усмотрение сущности, а сущность – это тальвег вещи, место самых глубоких точек, или геометрическое место точек, ТО значит, нужно найти способ нахождения каждой из этих точек. Сразу можно сказать, что итог будет одновременно абсолютно точным, произвольным, и мотивированным, или обусловленным, определенными обстоятельствами (в нашем случае, некоей величиной).

На минуточку вспомним поразительное суждение Оккама: «Истинное», считающееся обратимым с «сущим», обозначает то же, что и «интеллигибельное»... «verum», quod ponitur convertibile cum «ente», significant idem quod «intelligibile»...» (Оккам, с. 19). Здесь первая и вторая позиции синтезированы, что целиком принадлежало бы экзистенциализму, если бы не было убеждением религиозного философа, идеалиста и схоласта.

3. Истина может пониматься и как предикат **языка**, и притом у философов самых разных мастей. У Гоббса это свойство именно речи: истина – свойство не вещей, а рассуждений о них. Ср.: «...Истина и ложь суть атрибуты речи, а не вещей. Там, где нет речи, нет ни истины, ни лжи»⁵⁶². У Локка встречается то же суждение: «...Истина есть обозначение при помощи слов действительного согласования или рассогласования идей, как оно есть (the marking down in words the agreement or disagreement of ideas as it is)». (Кн. IV. Of Knowledge and Probability. Гл. V. «Об истине вообще». § 9. С. 55.)

В той же 4-й книге, однако, Локк различает истину мыслей и истину слов. «Необходимо рассмотреть истину мысли отдельно от истины слов. Но рассуждать о них отдельно очень трудно: рассуждая о мысленных высказываниях, неизбежно приходится пользоваться словами, отчего <они> перестают быть чисто мысленными и становятся словесными. (Там же, § 3. С. 52).

У логических позитивистов истина это предикат **высказывания**.

4. Особняком стоящий Гегель – философ абсолютного идеализма, и у него основания бытия и основания познания тождественны, но совпадение их происходит **в идее**. Истина, по Гегелю, это глубокое тождество понятия, прошедшего инициацию внутреннего распада и последующего совпадения самого с собой – а не соответствие наших представлений предмету или согласие предмета с нашим представлением о нем. Рассмотрение истины в этом смысле составляет подлинную задачу логики.

У Гегеля читаем: «Обыкновенно мы называем истиной согласие предмета с нашим представлением. Мы имеем при этом в качестве предпосылки предмет, которому должно соответствовать наше представление о нем. В фило-

⁵⁶² Т. Гоббс. Левиафан. – С. 25.

софском смысле, напротив, истина в своем абстрактном выражении вообще означает согласие некоторого содержания с самим собой»⁵⁶³.

В «Предисловие ко второму изданию» он говорит, что перед наукой простирается созданное веками и тысячелетиями познающей деятельностью, богатое содержание. Однако оно «простирается» не просто как нечто, «которым обладали лишь *другие*» и которое для нас стало прошлым, давшим «пищу памяти и материал для проявления нашего остроумия», но как познание, питающее дух и удовлетворяющее нашу потребность в истине. (С. 69).

Истина первоначально вводится как критерий и себя, и ложного: *index sui et falsi*; соответственно, и понятие есть способ понимания и самого себя, и «лишенного понятия» [чувственного] образа, который «из себя самого» не в силах понять понятие. Что, однако, не означает, будто образ лишен некой собственной, внутренней истины... (С. 72). Философия занимается *природой* и *человеческим духом*, и их отношением друг к другу. Ну, а высшая истина – это «*бог, и только он один*, есть истина». Существует область совмещения философского и религиозного интереса; но есть и различия, по отношению к которым философия должна оправдать свои собственные способы познания и определения истинного.

Истина может быть познана посредством *опыта*, но опыт только (неподлинная) форма.

Истина может быть познана посредством рефлексии и определяться посредством отношений мысли (agreement Локка).

Однако в этих двух способах познания еще нет истины в себе и для себя в чистой, подлинной форме: «Форма мышления есть абсолютная форма, и истина выступает в ней так, как она есть в себе и для себя, – в этом состоит вообще основное положение философии». (С. 127).

Поначалу мысль наивно верит, что она обнаруживает то, что объекты суть поистине. Мышление «из себя» репродуцирует содержание ощущений и созерцаний и видит в этом истину. (С. 133).

Отвлечемся на минуту: далее в этом разделе Гегель говорит том, что мы, со ссылкой на экзистенциализм, назвали “Dabewußtsein”: «Совершенно правильно, что можно выйти за пределы каждого *определенного* пространства и каждого *определенного* времени, но не менее правильно и то, что пространство и время действительны лишь благодаря своей определенности (т.е. как *здесь* и *теперь*) и что эта определенность содержится в их понятии. (С. 169). Подчеркнем это глубокое единство всякого философствования: «здесь» и «это» имеют в себе бесконечную форму, «хотя и не в

⁵⁶³ Г.В.Ф. Гегель. Наука логики. В 3-х т. – Т.1. – М.: Наука, 1970-1972. – § 24. – С. 126-127.

ее истинном существовании. Внешнее есть *в себе* истинное, ибо истинное действительно и должно существовать. Бесконечная определенность, которую ищет разум, существует не в своей истине, а в чувственном единичном образе». (§ 38, с. 150).

Видимо, это представление, поначалу единичное, а затем и общее.

«Всеобщность представления получается вследствие того, что нечто часто являлось нам и получило очевидность благодаря названию, т.е. благодаря фиксации содержания представления словом»⁵⁶⁴. Что касается природы понятия, оно должно воплощать в себе *конкретную* общность. «Истину составляет, согласно Гегелю, не результат, а результат вместе со своим становлением»⁵⁶⁵.

Говоря о скептиках, Гегель подчеркивает различие античного и нововременного скепсиса. Юмовский скептицизм признает истинность эмпирического, чувства, созерцания и оспаривает всеобщие определения и законы, исходя из того, что они не оправдываются чувственным восприятием. «Античный скептицизм был до такой степени далек от того, чтобы сделать принципом истины чувство, созерцание, что он, наоборот, в первую очередь выступал против чувственного». (§ 39. С. 152).

Говоря у Канта, Гегель положительно отзывается о его мысли «об ином отношении между *всеобщим рассудком* и *особенным* созерцания, чем то, которое лежит в основании учения о теоретическом и практическом разуме». Критическая философия признала, что определения рассудка принадлежат области конечного и что движущееся в их пределах познание не достигает истины. Однако достойно сожаления, что у Канта с этой мыслью «все же не соединяется понимание того, что это отношение *истинно...* и даже есть сама *истина*». Единство это, наоборот, берется так, как оно обнаруживается в опыте. «Этот опыт обнаруживается прежде всего в *субъекте*: во-первых, в *гении*, в способности производить эстетические идеи, т.е. представления свободной силы *воображения*, служащие идее и дающие пищу *мышлению*, хотя их содержание не выражено и не может быть выражено в *понятии*; во-вторых, в *суждении вкуса*, чувстве *гармонии созерцаний* или представлений в их свободе с *рассудком* в его закономерности». Гармония свободных созерцаний и закономерного рассудка существует, конечно; но не в этом суть; требуется же, по Гегелю, утвердить отношение между *всеобщим* рассудка и *особенным* созерцания именно как истину. (§ 56, с. 178).

⁵⁶⁴ Жирнов В.Д. Гегель о понятии и представлении // Вестник РФО № 3. – 2010. – С. 61.

⁵⁶⁵ Там же. – С. 62. Это автор статьи говорит верно. Неверна его оценка творчества И.С. Нарского.

Конечность определений рассудка лежит не в их субъективности, но в том, что они конечны в себе. Этому сопутствует неверное утверждение: «Так как опосредованное знание должно ограничиться только конечным содержанием, то разум есть *непосредственное знание, вера*». (§ 63, с. 186). Гегель разъясняет: «Своеобразие этой точки зрения состоит в том, что *непосредственное знание*, взятое только *изолированно, с исключением* опосредствования, имеет своим содержанием истину. Исключая опосредствование, эта точка зрения сразу обнаруживает, что она снова впадает в метафизическое рассудочное понимание, в рассудочное *или-или* и, следовательно, на деле в отношении внешнего опосредствования, цепляющегося за конечное, т.е. за те же самые односторонние определения, относительно которых это воззрение ошибочно мнит, что оно возвысилось над ними».

Казалось бы: что уж лучше? Точка зрения непосредственного знания утверждает, что ни *идея* как только *субъективная мысль*, ни только *бытие* не суть истина для себя: бытие, взятое только для себя, а не как бытие идеи, есть чувственное, конечное бытие мира. Следовательно, здесь прямо утверждается, что истинна лишь идея, опосредованная бытием, и, наоборот, бытие истинно лишь *посредством* идеи. Ан нет: «Однако это недомыслие – не видеть, что единство *различных* определений не есть только чисто непосредственное, т.е. совершенно неопределенное, пустое единство, но что каждое из этих определений истинно лишь тогда, когда оно опосредовано другим, или, если угодно, что каждое из этих определений опосредствуется истиной лишь через другое определение». (§ 70, с. 191). Рассудок, который полагает, что освободился от конечного знания, снова непосредственно делает критерием истины ту же *непосредственность*, т.е. *абстрактное отношение с собой*, абстрактное тождество. «*Абстрактное мышление* (форма рефлектирующей метафизики) и *абстрактное созерцание* (форма непосредственного знания) суть одно и то же». (§ 74, с. 198).

Непосредственное знание не должно быть критерием истины. Иначе всякое суеверие и идолопоклонство объявлялось бы истиной; «получает оправдание самое не правомерное и безнравственное содержание воли. Не на основании так называемого опосредствованного знания, рассуждений и умозаключений индус считает корову, обезьяну, брамина или далай-ламу богом, а потому, что он *верит* в это». (§72, с. 196).

Одно из наиболее широко цитируемых мест: «Лишь *понятие* есть истина и, говоря более точно, лишь оно есть истина *бытия* и *сущности*, которые, фиксированные в их изолированной самостоятельности, должны, следовательно, вместе с тем рассматриваться как неистинные; бытие должно

рассматриваться как неистинное потому, что оно пока есть лишь *непосредственное*, а сущность – потому, что она пока есть лишь *опосредованное*. (§ 83, с. 213). Но в «Учении о сущности» говорится: нельзя начать исследование ни с понятия, ни с истины, потому что истина в качестве начала «основана на одном лишь заверении, а мыслимая истина как таковая должна доказать себя мышлению». Если бы мы начинали науку логики с понятия, хотя это по содержанию совершенно верно, и определили бы его как единство бытия и сущности, то возникли бы вопросы: что нужно мыслить под бытием; что нужно мыслить под сущностью; как бытие и сущность «доходят до того, что бы совмещаться в единстве понятия». (§ 159, с. 339).

В «Учении о понятии», разделе (а) «Качественное суждение» есть указание на онтологическое затруднение гносеологии. Гегель говорит, что одним из существеннейших логических предрассудков является вера, будто суждения типа «роза красна» могут содержать в себе истину. Нет, они, конечно, могут быть правильными в ограниченном круге (восприятия, конечного представления, мышления); правильность эта «зависит от содержания, которое точно так же есть конечное, само по себе не истинное содержание». Содержание может быть признано истинным лишь постольку, поскольку оно опосредствовано *не чем-либо другим*, – в этом случае оно останется конечным, – но опосредствует себя самим собой. «Истина же опирается лишь на форму, т.е. на положенное понятие и соответствующую ему реальность; но такая истина не дана в качественном суждении». В нем субъект и предикат не находятся в отношении реальности и понятия. (§172, с. 356-358).

НО: совсем без тождества понятия и реальности ничто не может существовать. «Даже плохое и неистинное есть лишь постольку, поскольку их реальность каким-то образом и в какой-то мере соответствует их понятию. Насквозь плохое или неприемлемое для понятия есть именно поэтому нечто распадающееся в самом себе. Вещи в мире обладают прочностью единственно лишь через понятие». (С. 401).

Гегель разъясняет, как разум может действовать в форме рассудка. Конечность познания заключается в суждении, представляющем собой предпосылку, которой явно противоречит сама деятельность познания: моменты конечного познания получают форму самостоятельных, отличающихся друг от друга видов познания. «Ассимиляция материала как чего-то данного представляется поэтому *принятием* его в остающиеся вместе с тем с *внешними* ему определения понятия, которые также и в отношении друг друга выступают в форме различности (*der Verschiedenheit*)». (§ 226, с. 410). Поэтому истина, к которой приходит такое познание, есть также лишь *конечная* истина.

«Бесконечная истина понятия фиксируется для этого познания как только *в-себе-сущая* цель, как нечто для него *потустороннее*». Но и такое познание находится в своей внешней деятельности «под руководством понятия, и определения понятия составляют внутреннюю нить его поступательного движения». (Там же).

Гегель уверен в объективности истины понятия = в объективности, тождественной с понятием.

Итак, «философия есть познание посредством понятий». Истина именно как таковая должна *доказать* себя, а доказательство состоит в том, что понятие «показывает себя опосредствованным через себя и самим собой и, следовательно, вместе с тем истинно непосредственным». (§ 83, с. 213).

Важно обратить внимание на одну серьезную деталь.

«Наше мышление обыкновенно ограничивается тем, что образует такие понятия, которые должны служить для *выражения данного в восприятии*, или которые возникли перед нами в виде *задачи* в силу возбуждающих наше хотение в определенном направлении *выводов*». (Х. Зигварт. С. 7).

То, что мы считаем понятием, с точки зрения Гегеля является лишь общим представлением: «То, что обычно понимают под понятиями, представляет собой рассудочные определения или лишь общие представления». Или: «То, что называют понятиями и даже определенными понятиями (например, человек, дом, животное и т.д.), суть... абстрактные представления, суть абстракции, заимствующие от понятия лишь момент всеобщности и опускающие особенность и единичность; они, таким образом, абстрагируются как раз от понятия». (Энциклопедия философских наук. Т. I, с. 344, 345, 348)⁵⁶⁶. Сам Гегель определенно различал чувственное восприятие, представление и мысль («сознание составляет себе представления о предметах раньше, чем понятия о них» [там же, с. 84]), подчеркивая, что «это различие имеет решающее значение для понимания природы и видов познания» (с. 112).

Первые предпочтения.

Берем из всех предложенных решений **второе**, занимая ту позицию, что истина есть характеристика знания о мире, а не самого мира, то есть отграничиваемся, отмежевываемся от позиции онтологизирования истины. А поскольку субстанция языка – смысл, отмежевываемся на время и от третьей позиции. *Знание* может быть истинным или ложным (а объект, в том числе выражение, языковой знак – понятным или непонятным).

Аргумент в пользу нашего предпочтения второй позиции: интуитивно понимаемая, стихийно постулируемая всеми науками познаваемость мира

⁵⁶⁶ Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 1-3. – М.: Мысль, 1974-1977.

опирается на признание *конгруэнтности* сознания и бытия. Поэтому-то объект познаваем *сам из себя*, беспечно полагает любая, особенно так называемая точная наука. Вопрос о познаваемости мира не может не только быть грамотно сформулирован или грамотно поставлен под сомнение, но и вообще не может возникнуть при первой позиции: ОН МОЖЕТ БЫТЬ ТОЛЬКО СРАЗУ РЕШЕН: истина есть бытие=совершенное=**все**.

Подчеркнем еще раз: только философия сомневается в познаваемости мира. Наука, по определению, есть то, что исходит из признания принципиальной возможности объяснения объекта *из него самого*.⁵⁶⁷

Справедливости ради, покажем, на чем, в частности, основано онтологизирование истины.

Ощущение осмысленности бытия, присущности истины объекту в качестве его эйдоса, природы или *сущности*, которую сознание и должно в открытии усвоить и присвоить, – истины как «непотаенности» и (непредсказуемой) способности *давать себя* («данность»), *открывать* себя, – вот основа подобной онтологизации. На факте системности, упорядоченности мира, часто неосознанно, зиждется убеждение в том, что каждый объект имманентно «что-то значит», несет значение, имеет смысл независимо от наличия или отсутствия познающего. Подмечая повторяемость, закономерность в мире объектов (причем, по Ф. Бэкону, человек склонен видеть в мире больше порядка, чем там действительно имеется), человек полагает, что НАШЕЛ смысл, почерпнул его и сделал своим достоянием, причастившись бытию. Присвоил. Присвоил самым надежным образом: поглотил.

Не возражая против данного основания, а, напротив, ассимилируя, включая его в гносеологию экзистенциального материализма, подчеркнем, что *существует* фундаментальное родство (истинного) со/знания и (подлинного) бытия, а именно, упорядоченность, **морфизм**, мерность и следующее из нее свойство подобия объектов одного другому (безразлично, идет ли речь о материальном или идеальном мире).

Итак, еще раз решительно берем второе.

В предыдущих разделах не раз говорилось, что «истина» есть изолирующая абстракция, то есть некоторое свойство, воплощенное в понятии, в интервале которого мы начинаем оперировать с отвлеченной от своего субстрата акциденцией как с субстанцией. Того же ранга понятия «радость», «добро», «вежливость» ... «Красота правит миром», например. Привлечение для объяснений таких понятий, как «истинность», «истинное»,

⁵⁶⁷ «Все сущее в мире может быть понято из него самого, на основе действующих в нем законов». Философия науки. Ч.1. – М.: 1994. – С. 21.

«истинно» вполне продуктивно; они выражают именно свойства. Однако в отношении термина «истина» традиция словоупотребления столь древняя и почтенная, что ни отменить, ни даже поправить ее каким-то образом ни у кого не поднимется голос, тем более, что в этом и нет необходимости. Получаем:

Истина: (минимум) -- предикат знания,
(максимум) -- предикат сознания,
(оптимум) -- синоним сознания.

Иначе сознание *в целом* неистинно, неверно, ложно, и мир принципиально непознаваем, и взаимопонимание, как отсюда следует, принципиально невозможно.

А это слишком ужасно: встреча незнающего и непознаваемого.

А ужас – категория эстетическая. Экзистенциальный ужас остановит процесс любого познания, кроме скептического и, пожалуй, герменевтического. Но экзистенциальному *материализму* это не грозит: материализм всегда оптимизм, в том числе и познавательный. Важнейший постулат гносеологии касается убеждения в существовании истины, *как-то связанной* с объектом, каковое существование наличием данного убеждения так или иначе уже признано.

Примирительным «заходом», по принципу комплементарности, была бы мозаика: «в одном смысле...», «в другом смысле...». Одна теория, другая, третья... Но можно выразиться строже.

В узком (формально-логическом) смысле истина – предикат суждения, существующего в языковой форме.

В широком (гносеологическом) смысле истина – предикат сознания в целом. Сознание *в целом* истинно, т.е. в состоянии отразить мир адекватно. Истинны не только суждения, но и понятия, не только логические, но и чувственные формы познания. Сознание вообще – идеальная презентация, представление, истинное знание – идеальная презентация, представление действительного порядка вещей.

В *расширительном* экстрасмысле истина – другое слово для “Dabewußtsein”, здесь-и-теперь-бытия-сознания (как при первой позиции Истина – другое слово для Бытия).

Наконец, с полной ясностью надо заявить: как некая квалификация идеального, истина состоит в отношении уподобления знания и его референта. Фреге: «Сама истина формирует объективные аспекты референции, поскольку выступает в качестве предметного значения, не зависящего от конкретной психической жизни». («Мысль...» С. 19).

Вся гносеология – колоссальная абстракция, удвоение мира на субъект и объект, S – O, наблюдателя и наблюдаемое. Основа главных допущений гносеологии – качественное различие материальной и идеальной реальности. Пусть у них один (действительно *один!*) материальный субстрат, Универсум, – качественное различие этим не упраздняется. Поэтому в качественном аспекте истину надо характеризовать при помощи понятия подобия; НО: само качество *точно* и *подробно* можно описать только при помощи абстракции качества. Равенство и адекватность говорят о количестве, подобие и порядок – о качестве.

Приступим к обоим описаниям.

В рамках настоящей работы мы имеем целью показать содержание и, сколько возможно, роль такого малоразработанного в гуманитарной науке понятия как «морфизм». Правда, этим термином и его модификациями пользовались в позапрошлом веке – Гете, в прошлом веке – Шпенглер, но ввести его в современную *философию* на правах (хотя бы гносеологической) категории пока не удается. Однако это много послужило бы теории познания.

Морфѳ, аналогично идее, в переводе с греческого – это вид; наружность; образ (shape). Проблему уподобления предметов из разных миров, как много раз говорилось, решали по-разному, и понятие «морфэ» служила как идеалистам, – я уже не говорю об Аристотеле и его летучей активной форме, – так и материалистам. Назовем некоторых.

Эпикур приветствует Геродота.

С. 185. ... И всякое представление, которое мы получаем, схватывая умом или органами чувств, ...это есть форма [или свойства] плотного предмета, возникающие вследствие последовательного повторения образа или впечатления, оставленного образом. А ложь и ошибка всегда лежат в прибавлениях, делаемых мыслью [к чувственному восприятию] относительно того, [что ожидает] подтверждения или неопровержения, но что потом не подтверждается [или опровергается]⁵⁶⁸.

У Боэция порядок – собственный признак качества («...благодаря ему мы признаем одну вещь подобной или неподобной другой вещи». Комментарий к Порфирию. С. 18). А собственный признак количества – «то, что только количество может быть равным или неравным». (А собственный признак субстанции – «способность принимать в себя одновременно множество противоположностей»: хора Платона! Понятие Гегеля!)

Для схоластов Дунса Скота и Фомы Аквинского общее понятие было результатом уподобления познающего ума реально существующей

⁵⁶⁸ Письма и фрагменты Эпикура//Материалисты Древней Греции.

интеллигибельной общей природе или сущности объекта посредством принятия интеллигибельной формы объекта (*species intelligibilis*) [Но только почему «форма»? *species* – это вид...Э.Т.] Теория интеллигибельных форм помогла объяснить, каким образом чувственно воспринимаемая вещь, пребывающая вне ума, способна производить в познающем уме общие понятия. «Поскольку мысленный образ в объектном бытии таков же, каково единичное в бытии субъектном, то он по своей природе может подразумевать эти единичные вещи {*potest supponere pro ipsis singularibus*}, подобием коих в некотором смысле он является», – поясняет Оккам в «Эпистемологии». (С. 133).

Ἐπίχως – (греч.: стих; стихия; *порядок!* –Э.Т.) есть то, что роднит «вещи» разных миров, обуславливая морфизм уподобления.

Объективность (объективированность) – родовой признак познания как отражения. Истина – абстракция, умственный образ, и как таковой обладает свойствами презентации и объективированности, присущими любому отношению отражения. *Идеальность* – родовой признак сознания в *онтологическом* аспекте; в *гносеологическом* аспекте таковым является *истинность* = сходство с объектом, подобие ему, ὁμοιοτης – родовой признак истинного отражения. Если идеальное характеризует происхождение, природу сознания, то есть является его онтологическим признаком, то презентативность характеризует «работу» сознания и является его функциональным признаком. В природе презентации нет, есть лишь замещение, к которому презентация не сводится, описывая только мир человеческой культуры со стороны смысла.

Хайдеггер прав, утверждая возможность подобия по природе разных вещей. М. Фуко много писал об основных видах подобия: пригнанность (аппроксимация), аналогия, симпатия, соперничество. Аналогию рассматривает логика и математика, естественные науки и юриспруденция, «симпатию» и соперничество – этика, политика, эстетика и даже экономика с экологией. Подобие как аппроксимация в гносеологии – это идеальная представленность сущности, точнее, порядка существенных свойств и отношений вещи. Парадоксально, однако факт: это же определение аппроксимации приложимо к практической, поэматической деятельности. Не-истинный образ представляет собой не-сущность; но он есть, тем не менее, презентация, подобие, отражение, взаимодействие. Существенность элементов объекта познания определяется в (на) практике.

Конкретность истины обусловлена не только зависимостью от условий существования данного знания, но и, в первую очередь, *зависимостью от самостоятельного существования объектов*. В этом и состоит ее

диспозиционность, референтность, точнее говоря, это и делает возможным существующее мнение об истине как об *отношении*. Однако дело в том, что и в целом сознание – это как раз такая сторона диспозиции, то есть оно объективировано, порождено *самостоятельно* существующими объектами. Или не *самостоятельно* существующими, но созданными людьми; в данном случае неважно. Подобные ходы мысли заставляют задуматься о неуловимой, исчезающей сущности, растворяющейся в своих отношениях.

Все же можно предпринять попытку логического определения истины.

Родовой признак истины – идеальная презентация объекта, в обоих смыслах термина «идеальное» (платоновском и современном) и в обоих смыслах (латинском и русском) слова «презентация».

Видовой дефинитивный признак истинного образа – представленность *порядка* существенных свойств и отношений вещи.

Акцидентальные признаки истины – транспортиция необходимого или случайного, внешнего или внутреннего, очевидного и неочевидного, содержательного и формального и т.д.

Сущность истины – *идеальная представленность и передача (транспортиция, трансференция) порядка*, т.е. следования вещей, свойств и отношений, событий и действий одного подле другого и одного после другого, развертывание конгруэнтного уподобления знания сущности сущего.

Мера глубины истины – это степень представленности раскрываемой в познании сущности познаваемого.

Мера полноты – представленность раскрытого родового признака объекта познания.

Мера строгости – (изо)морфизм.

Абсолютно истинное знание – это знание сущности. Понимание абсолютной истины как исчерпывающей полноты и содержательной завершенности, и вместе с тем «предельно точного знания», совпадающего с объектом во всем его объеме» (Л.А. Микешина), весьма философично, однако не научно. Оно досталось нам в наследство от религиозной картины мира, где центральной объяснительной абстракцией, «первым первенством совершенства» являлся «набольший», Бог⁵⁶⁹. Оно имеет, конечно, познавательную и историко-культурную ценность, но... Но.

Относительно истинное знание – это содержательное знание, это конкретное суждение о фрагменте целостной картины, и это также можно понимать *геометрически*, как все, что не-абсолютно, что лежит в интервале от 0 до 1, кроме этих граничных чисел.

⁵⁶⁹ Слово «бог» санскритского происхождения и означает «большой».

Или арифметически. Обсудим это.

Перед людьми стоит задача, – писал Ф. Энгельс, – познать «систему мира в ее совокупной связи» исчерпывающим образом. Однако наша *собственная* природа, как и природа системы мира, не позволяет нам когда-либо полностью эту задачу решить: человеческое знание этих материй принципиально неполно, неокончательно, приблизительно, всегда содержит возможность изменения и приращения знания. «Но это противоречие не только лежит в природе обоих факторов, мира и людей, оно является также главным рычагом всего умственного прогресса и разрешается каждодневно и постоянно в бесконечном прогрессивном развитии человечества – совершенно так, как, например, известные математические задачи находят свое решение в бесконечном ряде или непрерывной дроби»⁵⁷⁰. Сами наречия «подробно» и «точно» говорят о том же: бесконечной аппроксимации истины и сущности сущего.

Теперь, попытавшись разобраться в главных качествах истины и подтвердив, что она должна как-то приближаться к реальности и в перспективе совпасть с ней, попробуем подобраться к качествам с количественной стороны. Способность к уподоблению, изобразительности сознания иногда представляют в виде метафорического топо-картирования (mapping). В этом нет большой необходимости. Предлагаем другой, новый метод количественного описания истины: *гармонические ряды*. Гармонические ряды – основание схождения/расхождения *рода* (общего) и *индивида* (единичной сущности): чем «выше», тем «глубже».

Ведь любой путь можно представить, как это уже обсуждалось, в виде геометрического места точек. Я усматриваю такую возможность в применении математического учения о *рядах*, причем наибольшее значение имеют понятия «*сходимости*» – «приближения к...» и «*гармонического ряда*». (Более грубой аналогией является «военный» пример наведения снаряда на цель и так называемая пристрелочная вилка: «недолет–перелет–цель»). Используем специальную литературу. Это будет М.Я. Выгодский. Справочник по высшей математике. М.: Наука, 1977. § 368.

Пусть дана последовательность чисел $U_1, U_2, U_3, \dots, U_n, \dots$

Будем складывать их в данном порядке.

$S_1 = U_1$ – первая частичная сумма ряда

$S_2 = U_1 + U_2$ – вторая частичная сумма ряда

$S_3 = U_1 + U_2 + U_3$ – третья частичная сумма ряда

$S_n = U_1 + U_2 + U_3 + \dots + U_n$ – частичная сумма ряда

⁵⁷⁰ Энгельс, Ф. Анти-Дюринг. Маркс, К., Энгельс, Ф. Избр. Соч. в 9-ти т. Т. V. – С. 31.

Процесс составления этой последовательности обозначается первым выражением и называется бесконечным рядом или, короче, **рядом**. $U_1, U_2, U_3, \dots, U_n$ – члены ряда. U_n – общий член ряда.

Ряд называется *сходящимся*, если последовательность его частичных сумм имеет конечный предел. Этот предел называется *суммой* сходящегося ряда. Ряд

$$1 + \frac{1}{2} + \frac{1}{4} + \frac{1}{8} + \dots + (\frac{1}{2})^{n+1} + \dots - \text{сходящийся, ибо последовательность } S_1 = 1, S_2 = 1\frac{1}{2}, S_3 = 1\frac{3}{4}, \dots S_n = 2 - (\frac{1}{2})^{n-1}, \dots \text{ имеет предел, равный } 2: \lim S_n = 2 \text{ (сумма ряда) при } n \rightarrow \infty$$

Если последовательность частичных сумм не имеет конечного предела, то ряд называется *расходящимся*. Расходящийся ряд не имеет суммы (в установленном смысле). Ряд $1 + 2 + 3 + 4 + \dots + n + \dots$ – расходящийся, ибо последовательность его частичных сумм $S_1 = 1, S_2 = 3, S_3 = 6, \dots S_n = n(n+1)/2, \dots$ имеет бесконечный предел.

Когда последовательность не имеет никакого предела, расходящийся ряд называется *неопределенным*: $1 - 1 + 1 - 1 \dots + (-1)^{n+1} + \dots$

Необходимое (но **недостаточное**) условие сходимости ряда:

ряд $U_1 + U_2 + U_3 \dots + U_n + \dots$ может сходиться лишь в том случае, когда член U_n – (общий член ряда) – стремится к нулю: $\lim U_n = 0$ при $n \rightarrow \infty$

Если общий член U_n не стремится к нулю, то ряд расходится:

ряд $1 - 1 + 1 - 1 + \dots$ заведомо расходится, ибо общий член не стремится к нулю и вообще не имеет предела.

Однако, с моей точки зрения, исключительно важно следующее обстоятельство: ряд, у которого общий член стремится к нулю, может расходиться, **а может и сходиться**. Примеры:

- нормальный ряд: $1 + \frac{1}{2} + \frac{1}{4} + \frac{1}{8} + \dots (\frac{1}{2})^{n-1} + \dots$ – сходится;
- гармонический ряд⁵⁷¹: $1 + \frac{1}{2} + \frac{1}{3} + \frac{1}{4} + \dots$ – расходится, хотя его общий член стремится к нулю; но:
- ряд, получаемый из гармонического путем перемен знака (плюс – минус): $1 - \frac{1}{2} + \frac{1}{3} - \frac{1}{4} + \frac{1}{5} - \frac{1}{6} + \frac{1}{7} - \dots$ – **сходится (!)**

Даем разъяснения. Т. наз. гармонический ряд $1 + \frac{1}{2} + \frac{1}{3} + \frac{1}{4} + \frac{1}{5} + \frac{1}{6} + \frac{1}{7} + \dots$ расходится, хотя его общий член стремится к нулю. См.:

$$S_2 = 1 + \frac{1}{2} = 3 \cdot \frac{1}{2},$$

$$S_4 = S_2 + (\frac{1}{3} + \frac{1}{4}) > 3 \cdot \frac{1}{2} + (\frac{1}{4} + \frac{1}{4}) = 4 \cdot \frac{1}{2},$$

$$S_8 = S_4 + (\frac{1}{5} + \frac{1}{6} + \frac{1}{7} + \frac{1}{8}) > 4 \cdot \frac{1}{2} + (\frac{1}{8} + \frac{1}{8} + \frac{1}{8} + \frac{1}{8}) = 5 \cdot \frac{1}{2},$$

$$S_{16} = S_8 + (\frac{1}{9} + \frac{1}{10} + \dots + \frac{1}{16}) > 6 \cdot \frac{1}{2} \text{ и т.д.}$$

⁵⁷¹ Термин связан с математикой Пифагора и его учением о мировой гармонии, или «музыке сфер». Струна при делении ее на 2, 3, 4, ... равные части дает звуки, гармонирующие с основным тоном.

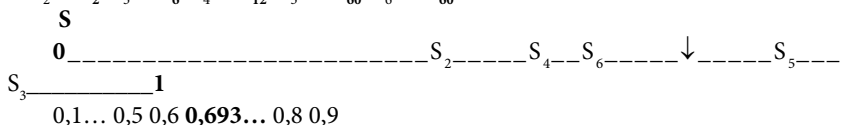
Мы видим, что частичная сумма неограниченно возрастает, т.е. ряд расходится.

NB

Ряд $1 - 1/2 + 1/3 - 1/4 + 1/5 - \dots$ (сумма **0,693...** при S_{999}, S_{1000}), получаемый из гармонического путем перемены знака у членов с четными номерами, **сходится. Он сходится!** Вот он, путь к точной истине. Докажем это.

$$1 - 1/2 + 1/3 - 1/4 + 1/5 - 1/6 \dots$$

Отметим на числовой оси точки, представляющие частичные суммы: $S_1 = 1, S_2 = 1/2, S_3 = 5/6, S_4 = 7/12, S_5 = 47/60, S_6 = 37/60$.

Каждая из «нечетных» точек S_1, S_3, S_5 оказывается левее предыдущей, а каждая из «четных» точек S_2, S_4, S_6 – правее предыдущей, т.е. четные и нечетные точки движутся навстречу друг другу. Точки S_{2n}, S_{2n+1} сближаются неограниченно: разность $S_{2n+1} - S_{2n} = 1/2n+1$ стремится к нулю при $n \rightarrow \infty$. Значит, как четные, так и нечетные точки стремятся к некоторой точке **S** (нечетные – справа, четные – слева). Следовательно, ряд имеет пределом число **S**, т.е. **сходится**. Прозаический символ **S (0,693...)** здесь – знак для истины, познавательной цели, достижение коей, как свидетельствует математика, вполне возможно.

Такова наша математическая модель познания истины.

Субъективно переживаемая, истина есть идентификация себя и познаваемого: чувство удовольствия от раскрытого, воспринятого, присвоенного порядка. А доказательство заключается в том, что мы положения неочевидные сводим к положениям непосредственно или вообще очевидным.

Общеизвестно, что математика и философия являются двумя колоссальными абстракциями от природы, одинаковой, предельной, высоты; однако математику интересует количественный, а философию – качественный аспект. И в этом ее родство с художественным изображением, искусством, литературой по преимуществу. Приведем следующий пример из художественного текста. В нем речь идет о вымышленной планете под названием Тлен, на которой действительность и возможность меняются местами; но главное не это: блестящий писатель XX века объясняет, как именно «наводится театральный бинокль» на интересующий нас объект; как именно происходит схождение гармонического ряда, то есть приближение к истине.

Хорхе Луис Борхес. Вымышленные истории. Тлен, Укбар, Орбис Терциус. Соч. в 3-х т. Т.1. «Многие века идеализма не преминули повлиять на

реальность. В самых древних областях Глена нередки случаи удвоения потерянных предметов. Два человека ищут карандаш; первый находит и ничего не говорит; второй находит другой карандаш, не менее реальный, но более соответствующий его ожиданиям. Эти вторичные предметы называются «хренирами». (С. 308).

Любопытный факт: в «хренирах» второй и третьей степени – то есть в «хренирах», производных от другого «хрена», и «хренирах», производных от «хрена» «хрена», – отмечается усиление искажений исходного «хрена»; «хрениры» пятой степени почти подобны ему; «хрениры» девятой степени можно спутать со второй; а в «хренирах» одиннадцатой степени наблюдается чистота линий, которой нет у оригиналов. Процесс тут периодический: в «хрене» двенадцатой степени уже наблюдается ухудшение. (С.308-309)».

Бинокль, тщательно наведенный на объект, еще при одном маленьком повороте верньера начинает отходить от истины, изображение расплывается... Чистота линии эйдоса, «хренира одиннадцатой степени», пропадает, линия становится полем, становится морем... Граница исчезает, тает определенность объекта, из точки «икс», с таким трудом зафиксированной, мы снова уходим в туманы бесконечности.

Такова наша литературная модель познания истины.

Заключение

Truth has got no expiry date. S. Psyllos.

Основной вопрос теории познания в изложении Ф.Энгельса звучит так: „Wie verhalten sich unsere Gedanke über die uns umgebende Welt zu dieser Welt selbst“ – как соотносятся наши мысли об окружающем мире и сам этот мир. Это первопроблема гносеологии: В состоянии или не в состоянии человек познавать мир, в том числе и свой собственный?

В сущности истина знания совпадает с «истиной бытия»; так сказывается идентичность, когерентность, подобие духа и материи. Эта сущность ненаблюдаема, она открывается только очам разума, – умозрению, не без помощи воображения. Высшая степень напряжения интеллекта в стремлении схватить и выразить эту сущность, интеллектуальная интуиция, есть самая благородная и могущественная способность человека. Это *дианойя* – теоретическая ветвь добродетели, по Аристотелю, – нацеленная на усмотрение и раскрытие тайны бытия.

Путь познания не может быть пройден без убеждения человека в *познаваемости* явлений и законов окружающей действительности. Поиск истинного знания единого – Единого – доступен, как известно, не органам чувств, но разуму. Хотя сильное чувство, экзистенциальный трепет всегда сопровождает философский разум, ведь постигнутое Единое как субъективно переживаемое объективное Благо есть блаженство... В метафизике экзистенциального материализма объединяются учение о бытии, понимаемом как «данное» сознанию, и учение о познании как «взятии», принятии бытия.

Преодолением интеллектуального пессимизма заняты самые разные мыслители. Как правило, целью при этом является достижение внутреннего чувства «оперативной находки», приносящего удовлетворение от решенной проблемы. При этом наивный первоначальный «белый тезис», врожденное доверие чувствам и разуму, при углубленном размышлении сменяется «черным тезисом», сомнением и недоверием вплоть до отрицания самой возможности познания; на третьей же стадии, если до нее доходит дело, мы видим спектр: «радужный тезис», приносящий удовлетворение от пришедшего ясного различения и понимания – закономерности, ситуации, общего, отдельного, частного, фактуального, спекулятивного... уже не так важно, чего. В любом из этих случаев пессимизм преодолевается, побеждается, и философ встает на прочную позицию уверенности в своей правоте. Он ПОНЯЛ. Теперь он может говорить.

Философское мировоззрение включает несколько составляющих: знания, ценности, высшие из которых именуют идеалами, и программы действий. Никак не умаляя значения ни одного из них, философия начинает с первого из этих компонентов, знания, целенаправленно создавая гносеологию как его теорию, а онтологию как теорию содержания знания, каковым является бытие. Сердцем этого создания является истина – величайшая ценность, абсолют, равномогущий самой действительности. Наша гносеология, однако, включает воззрения и на другие составляющие философского мировоззрения, ибо это теория познания экзистенциального материализма.

Вообще говоря, человек всегда находится именно в состоянии здесь-и-теперь-бытия-познания, это *basso ostinato* его жизни. И в редких случаях победы духа, восхищая человека, то есть внезапно поднимая над повседневностью в головокружительном иммельмане второй навигации, приводят его в трансситуацию, иногда именуемую *Dageist*... здесь-и-теперь-бытие-как-дух. Великая поэзия, зачастую опережая научные построения, открывает законы истинного познания, музыкальные произведения, подобные симфониям

Малера, выражают целостное философское мировоззрение гения, религиозная проповедь Оккама фиксирует тончайшую логику истины...

Наша теория познания, как заявлялось, следует многим классическим образцам. В первую очередь это сказывается на ее структуре: мы должны были ответить, после указанного основного, на еще целый ряд традиционных вопросов первостепенной важности: какова структура познавательного отношения; каковы основные формы логического и внелогического познания; и, разумеется, что есть истина.

Оппозиция объекта и субъекта – основное допущение гносеологии, его можно смело назвать первопринципом. Это гносеологическое деление целокупного бытия на познаваемое и познающего дает возможность некоторым философам называться материалистами или идеалистами, либо же – искать глубокое единство этих противоположностей. Бинарные оппозиции материи и духа, покоя и движения, необходимости и случайности, абсолютного и относительного, универсалий и сингулярий и т.п. лежат в основе первопроблем познания. В отличие от постмодернистов, мы не отказываемся от бинарных оппозиций в своей методологии. Не будь этих противоположностей – не было бы никаких «основных вопросов». Только мы используем для объяснений еще и многие триплеты, начиная с семиотического треугольника, триады Платона (единое, не-единое, иное), триады Гегеля (объективное – субъективное – абсолютное) и заканчивая троичной структурой обстоятельств: место, время, образ действия.

Любая наука испытывает почти инстинктивное доверие к объекту. В качестве фактической основы новая гносеология опирается и на общенаучное знание (семиотика), и на данные специальных дисциплин (лингвистика; литературоведение; логика; география; математика). Наша теория познания усматривает свой предмет во всех трех «силах» сознания: разуме, чувствах и воле, воле к действию; в совокупности они составляют мир, где обретается целостность человека как существа, чья жизнь совпадает с познанием.

Принятый постулат единства бытия и познания, каковое единство воплощается в *сущности*, потребовавший единства онтологии и гносеологии, имеет одним из результатов своего применения основное онтологическое затруднение гносеологии: *вопрос о локализации, природе и сущности истины*.

Принимаем, что познавательная ситуация, в которой явственно ощущается и опознается единство бытия и сознания, является местом их встречи и рождения истины.

Хорошо известно, что истина многолика. Многочисленны аналоги истины – полезность, конвенция, вера, очевидность, общепризнанность,

«общепригнанность», доказуемость («выполнимость условий формально-логической проверки») и пр. Пусть для науки истина это принцип познания и обоснованная достоверность; для искусства или религии это нечто иное. В политике в роли истины выступает договор; в экономике это доход; в литературе, в особенности в поэзии – ощущение «касания истины», непосредственного погружения в ситуацию здесь-и-теперь-бытия-сознания. Диспозиционность истины отступает в искусстве на второй план перед ощутимой ясностью этого «прямого попадания», перед наслаждением чувственно-сверхчувственным единством бытия и познания.

Наша позиция была ясна с самого начала. Истина, категориальная прерогатива теории познания, в качестве характеристики знания по отношению к объекту обеспечивается конгруэнтностью их обоих на основе существующего совпадения бытия и знания о бытии в ситуации “Dabewußtsein”. Этот принцип совпадения провозгласил, как известно, сам Философ.

КОДА

*Что было истиной однажды,
будет истиной всегда. Дж. Локк*

Философия – наука о взаимоотношении человека и мира. Вопрос о мире «самом по себе» научен, но не философичен; однако, со своей стороны, не философичен и вопрос о человеке «самом по себе». Автором ставилась задача создания новой гносеологии в формате экзистенциального материализма, которая учла бы достижения последних десятилетий, как философских, так и научных, и иных общекультурных, оставаясь при этом верной многим классическим принципам.

Недавно ушедший в историю XX, как и наступивший XXI век, были с точки зрения философии в одной мере весьма богаты новизной, в другой же мере – продемонстрировали и продолжают демонстрировать возврат «к старому на новой основе». Основными философскими направлениями этого времени стали два неоклассических течения, позитивизм и экзистенциализм, и их модификации. Драма развития их отношений определила интеллектуальное и в целом духовное развитие эпохи не в меньшей, а может быть, в большей степени, нежели известное противостояние марксистского учения и его оппонентов. Культурным и мировоззренческим фоном разворачивания этой драмы стал постмодернизм – последняя по времени и весьма значимая модель европейского самосознания.

Парадоксальным образом основные философские направления сосуществуют в единстве (оно обеспечивается единой, кантианской, их основой) и вместе с тем состоят в борьбе (как «философия науки» и «философия жизни»). То и другое осложняется многочисленностью форм проявления упомянутых направлений, их перекрещиваний и/или взаимопереходов по принципу «ленты Мебиуса». Разобраться в происходящих интеллектуальных событиях составляло одну из целей данной работы. Единству понимания и изложения должно сопутствовать исследование вводимого автором концепта: высоковалентного понятия «основной гносеологической синтагмы».

Познаваемо не только наблюдаемое. Идея познаваемости объективного мира, в том числе ненаблюдаемого, понятая и сознательно присвоенная в качестве гносеологического принципа, получает у многих философов рационалистическое обоснование. Среди материалистов этот принцип получил наименование «отражения». Однако, принимая его, как это делается в настоящей

работе, необходимо, во-первых, разъяснить не только специфику (идеального) образа, но и особенности отражаемого, *активно* взаимодействующего с человеком; во-вторых, соотнести указанный принцип с основной гносеологической синтагмой, – рассуждением об абсолютном и относительном характере знания.

Другая цель была поставлена в связи с произошедшим, также парадоксальным, вытеснением с ценностно-смыслового поля философской науки классической теории познания, недооценка которой, с точки зрения автора, приводит к утрате философией значительного числа своих функций, в первую очередь познавательной, а также собственно рефлексивно-критической. Такое вытеснение, с одной стороны, легко объяснимо прежней фетишизацией так называемых «парадигм» – картезианской, локковской, марксистской... Подлинная философия не терпит фетишей. С другой стороны, оно понятно в свете большого количества новых обретений в области общенаучного и специального знания, которое не было известно, а потому и не могло быть освоено во времена формирования классических систем гносеологии. Речь идет в первую очередь о таких дисциплинах как семиотика и лингвистика. Не учитывать их влияния на философское мировоззрение, когнитивного богатства и интеллектуального престижа сегодня – то же, что неожиданно оказаться иностранцем в родной стране.

Прошлый век продемонстрировал превращение долгого антропологического (в сущности кантианского) поворота в лингвистический поворот. Сближение экзистенциализма с его онтологией и позитивизма с его методологией происходит на основе повышенного философского интереса к языку; в результате успехи философии языка оттеснили классическую эпистемологию и даже общую теорию познания.

Гносеология долгое время ориентировалась на познание как достижение знания, высшей формой которого является наука. В конце XIX века из диалектики чувственного и логического выросла проблематика эмпирического и теоретического. Это привело к возникновению теории научного познания, эпистемологии, осознавшей себя в качестве нормативного, методологического знания. В XX веке в философии был сделан акцент на ценности и смысле; этот аксиологический крен обогатил теорию познания и обрел относительное завершение в учениях о предпосылочном, исторически нагруженном знании; в возникновении в нашей, отечественной философии таких дисциплин как культурология, социальная эпистемология и т.п. Еще ранее философия сознания уступила значительную часть влияния философии языка. Однако параллельно в постпозитивизме, развившемся на общем

фоне культуры постмодерна, произошло развенчание классических идеалов. Акцент на программах действий привел к операционалистскому, инструменталистскому крену, и новый номинализм в методологии восторжествовал в современной философии науки.

Парадокс состоит в том, что неотличимородственная аналитической философии языка философия науки в конце XX века отказалась быть теорией вообще, а близкородственная философии языка семиотика совершила культурологический крен, вплотную перейдя от лингвистического анализа к исследованию мифов, символов, ритуалов, метафор и т.п. и тем потеряв, как кажется, в академической строгости, которая была присуща лингвосомиотике со времен первых максим, сформулированных Аристотелем.

С определенной точки зрения, а именно, лингвосомиотической, эти дивергенции становятся более понятными. Эпистемология так относится к современной западной философии науки, как семантика к прагматике. Семантика, изучающая отношение знаков и смыслов, – самая «теоретичная» и ригористическая часть семиотики, в ней наличествуют самые высокие абстракции, строгая логика, определенные уровни, формы и т.д. Она нацелена на познание и раскрытие *сущности* познаваемого. Прагматика же имеет дело с *содержательной* стороной коммуникации, она изучает отношение знаково-символических систем к реальному эмпирическому человеку. В ней больше вольностей, единичностей, игры, больше ситуативности, чем системы. Так же соотносятся первый и второй этапы развития лингвистического поворота («ранний» и «поздний» Витгенштейн). Происходит переход от гносеологии/эпистемологии к методологии, впоследствии вытеснившей мировоззренческую философскую проблематику на периферию и даже «за скобки», и последней стадией этого поворота стала философия науки. Далее чисто логически следует ожидать ее трансформации в направлении к «воскрешению» субъект-объектного отношения, ретеоретизации и возрождения интереса к проблеме истины.

По природе принадлежащая к миру идеального, истина генетически вторична по отношению к действительному бытию в натурфилософском смысле. В мировоззренческом аспекте, содержательно, истина характеризуется объективированностью; в методологическом – нормативной правильностью; в эпистемологическом – внутренней взаимосогласованностью; в формально-логическом – когерентностью; в аксиологическом – ценностью; в праксеологическом – практической применимостью. А в гносеологическом – свойством презентации внутреннего порядка, объективно присущего ее референту. В ходе уподобления, пластично-скульптурного или зеркально-

отбрасывающего, морфизм идеального варьируется от попарно взаимно одно-однозначного соответствия всех элементов («точек») системы-оригинала и системы-модели, а также попарно взаимно одно-однозначного соответствия всех связей между соотносящимися «точками» – до полного фантазийного «расподобления» и распадаения. Коэффициент вероятности того, что знание является истинным, предусматривает целую бесконечность значений: от 0 до 1. Ближе к «единице» (абсолютной, необходимой и всеобщей истине) подходит наука. Это область надежных моделей и гомоморфизмов, гипотез и эффективных статистических резюме. Единицы достигают изоморфизмы в науке: это отношение, строжайшее из всех, характеризует связь теории с ее объектом. Ближе к нулю существуют все виды заблуждения, как невинные, так и вредоносные, и самая ложь. Все, что находится в означенном интервале, подлежит исследованию в качестве обширного семантического поля, в котором располагаются относительные истины. Относительность истин создает-ся зависимостью знания от образа действий познающего человека.

Рассуждение об этих предметах – основная синтагма гносеологии: истина есть, этим свойством характеризуется сознание в целом, хотя не любое знание истинно; она и результат познания, устойчивая презентация объекта, и сам процесс ее достижения; она едина и абсолютна, но вместе с тем и контингентна. И, как сказано, у нее много «ликов», или ипостасей.

Итак, первый принцип *prote philosophia* имеет как метафизический, так и практический (калокагатийный) смысл: он придает наблюдателю и исследователю Универсума столь необходимый *оптимизм*, веру в благое тождество бытия и познания и надежду на обретение сущности, ибо человек есть единственное живое существо, бытие которого заключается в понимании, и периодическое возвращение к осознанию этого принципа возрождает любовь к мудрости, поддерживает упорство и смелость философского мышления, служит «второй навигации», – походу за высшей истиной.

Поскольку изложение теории требует линейности, мы, отдавая дань традиции, начинали с онтологии, однако в особом ключе: онтологии «экзистенциальной», не-объективистской, в которой человек присутствует не вне бытия, как натуралист-исследователь, и не параллельно ему, как зеркало, но имманентным образом; так сказать, в “*Dabewußtsein*” – здесь-и-теперь-бытии-сознании.

Возможно, этот мегалитический концепт есть предмет философской антропологии будущего.

«Экзистенциальность» нашего материализма состоит не только в том, что в счет принимается опыт его, экзистенциализма, почти двухсотлетнего

развития, а также и более глубокие его предшественники, включая наследие многотысячелетних культур, и, разумеется, его новейшие, постмодернистские, плоды. Основная интенция представленного текста – углубиться в анализ процесса познания, взятого в его самом общем виде, чтобы дойти до того *состояния*, с которого начинается познание. (Для этого нет необходимости упраздять основное допущение теории познания. Субъект-объектное отношение мы вполне признаем, это основная предпосылка построения, больше того, это первопринцип классической гносеологии. Мы лишь прибавляем сюда язык). Будет ли эта экс-зистенция выходом за рамки теории познания?

Если этот, принятый в последние времена за аксиому, выход есть попадание в бессознательный *Lebenswelt* – да, такая экс-зистенция покидает пределы гносеологии. Предлагается иной вариант.

Познание есть *интерференция* субъекта и объекта, чувственного и сверхчувственного, материального и идеального, единичного и общего. Эта интерференционная картина имеет место в определенном состоянии, в котором соединяются собственно бытие *Sein* и «*das Bewußtsein*», «осознанное бытие», т.е. сознание, ибо, думается, человеческое бытие есть бытие-в-сознании, а концепт и сам *тѐлос* бытия неполон без предиката мышления. (Понятно, что они соединяются *в человеческой жизни*). В марксистской терминологии, так объединены объективная и субъективная диалектика. В сущности, они едины.

Приверженцы диалектики, отстаивая свой метод, иногда не принимают во внимание, что *диалектика как учение есть* в некоем высшем смысле также и *метафизика*, сказание о ненаблюдаемом, об умозрительном, о том, что «над» и «за», о том, что «сверх». Единство физики и метафизики по-разному трактуется, например, у Аристотеля и у Гегеля, либо отрицается, как в кантианстве. В нашем же случае это *credo* теории познания экзистенциального материализма. Автор настоящей работы полагает, что экзистенциальный материализм – не просто одно из логически возможных направлений философской мысли, но естественное, необходимое и субстанциальное по отношению к другим, – «нормальное» состояние философствования. Допускается также и вполне вероятное следствие (оно принадлежит будущему, а будущее принадлежит ему): взятое направление не только необходимое, но и достаточное.

Широко привлекая к изложению историко-философский материал, мы избрали эмблемой каждой эпохи одного-двух выдающихся мыслителей: в древности это Демокрит и Эпикур, в Новое время Джон Локк и Давид (Дэвид) Юм, в новейшее время марксизм. Мы также тесно знакомимся с

учением философов идеалистического направления мысли и неукоснительно привлекали их к объяснению; среди античных авторов это Платон и Аристотель, в эпоху эллинизма – Секст Эмпирик, средневековые представлено творчеством Уильяма Оккама. Субъективно-идеалистическое направление воплощает философия Дэвида Юма, чей юбилей пришелся на 2011 год. Весьма привлекательную культурную парадигму постмодернизма символизирует Мишель Фуко. Русская философия представлена некоторыми трудами А.Ф. Лосева. Понимание гегелевской диалектики Я.Ф. Аскиным также оказало влияние на становление и совершенствование наших идей. Наконец, труды И.С. Нарского в области теории познания и его семиотические взгляды помогли в свое время уяснить нашу собственную концепцию. Среди современных отечественных гносеологов (эпистемологов) наше внимание привлекло в наибольшей мере творчество И.Т. Касавина, М.И. Билалова, В.Н. Поруса; среди философов науки – В.И. Пржиленского, Р.М. Нугаева.

Предлагаемая читателю научная монография первоначально была опубликована в виде четырех отдельных очерков, публиковавшихся последовательно, начиная с 2009 г. Каждый из них, ввиду обособленности, требовал собственного введения в тему, поэтому некоторые повторы в текстах были неизбежны. В настоящем издании предприняты все попытки, дабы по возможности избавиться от них.

Автор искренне благодарит своих рецензентов, – это доктора философских наук, профессора Мустафа Исаевич Билалов (Республика Дагестан, г. Махачкала), Владимир Игоревич Пржиленский (г. Москва); Ренат Магдиевич Нугаев, Натан Моисеевич Солодухо, Татьяна Михайловна Шатунова; кандидаты философских наук, доценты Георгий Валерьевич Авдошин, Алексей Сергеевич Гурьянов, Арслан Нариманович Миннуллин, Наиль Котдусович Мустафин (г. Казань) – чью помощь в подготовке настоящего труда считает неоценимой.

Автор также признателен доктору философских наук, профессору, чл.-корр. АН РТ Михаилу Дмитриевичу Щелкунову; доктору филологических наук, профессору Миляуше Нурулловне Закамулиной; доктору политических наук, профессор Наилу Мидхатовичу Мухарямову; кандидату философских наук, профессору Элине Борисовне Миннуллиной.

Литература

1. Античная география. Составитель М.С. Боднарский. – М.: Гос. Изд-во геогр. лит-ры, 1953.
2. Античная литература. Греция. Антология. Часть II. – М.: «Высшая школа», 1989. Пер. под ред. С. Апта.
3. Антология мировой философии. В 4-х т. – Т. I. – Парменид. «О Природе». – М.: «Наука», 1969.
4. Антропологическая соразмерность. М-лы I-й Всероссийской научной конференции. – Казань: КГТУ-КХТИ, 2009.
5. Антропологическая соразмерность. М-лы 2-й Всероссийской научной конференции. – Казань: КГТУ-КХТИ, 2010.
6. Аполлонов А.В. Вступит. статья к: Уильям Оккам. Избранное. – М.: РАН ИФ Едиториал УРСС, 2002.
7. Аристотель. «Категории». «Об истолковании». // Сочинения. В 4-х т. – Т. II. – М.: Мысль, 1976.
8. Аронов Р.А. Синдром Хлодвига и интерпретация научного знания // Вопросы философии. – 2004. – № 9.
9. Асмус В.Ф. Античная философия. – М.: «Высшая школа», 1976.
10. Асмус В.Ф. Метафизика Аристотеля. 1. Предпосылка метафизики Аристотеля: критика платоновской теории идей. // Аристотель. Сочинения в 4-х т. – Т. I. – М.: «Мысль», 1976.
11. Бажанов В.А., Баранец Н.Г., Конопкин А.М. Паттерны научной коммуникации и коммуникативные парадоксы в ситуациях научного обмена // Полигнозис. 2011. – № 3-4.
12. Барсова И. Густав Малер. Личность, мировоззрение, творчество. // В сб.: Густав Малер. Письма. Воспоминания. – М.: «Музыка», 1964.
13. Барт, Ролан. Мифологии /Пер. с франц./ – М.: Изд-во им. Сабашниковых. 2000.
14. Барт, Ролан. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: «Прогресс», 1989.
15. Беркли, Джордж. Трактат об основах человеческого познания. Сочинения. – М.: «Мысль», 2000.
16. Биалов М.И. Субъектность познания и познавательная культура // Наука. Философия. Общество. М-лы V Российского Философского Конгресса. Т. I. – Новосибирск: «Параллель», 2009. – С. 74, 75.

17. Билалов М.И. Критерий истины и критерии заблуждения // *Философия и будущее цивилизации. М-лы IV Российского философского конгресса.* – В 5-ти т. – Т. I. – М.: «Совр. тетради», 2005.
18. Бимель В. Мартин Хайдеггер. /Пер. с нем./ – Урал LTD: 1998.
19. Блох М.Я. Лингвофилософия воплощения слова // *Вестник РФО.* – 2010. – № 4.
20. Бовоне, Лаура. Повседневность и коммуникативный подход (актуальные тенденции развития социологии постмодерна) // *Контексты современности 2. Хрестоматия.* – Казань: 1998.
21. Борхес, Хорхе Луис. Оправдание лже-Василида. // *Соч. в 3-х т.* – Т. I. – М.: Изд-во «Полярис».
22. Борхес, Хорхе Луис. Вымышленные истории. Тлен, Укбар, Орбис Терциус. // *Соч. в 3-х т.* – Т. I. – М.: Изд-во «Полярис».
23. Бозций. «Утешение философией» и другие трактаты. – М.: «Наука», 1990.
24. *Вестник Казан. гос. педагог. унив-та.* – № 3, 2004.
25. *Вестник Казан. гос. энерг. унив-та.* – № 1 (4), 2010.
26. *Вестник Российского Философского Общества.* – № 3, 2005.
27. *Вестник Российского Философского Общества.* – № 2, 2010.
28. *Вестник Российского Философского Общества.* – № 1, 2011.
29. *Вестник Российского Философского Общества.* – № 4, 2012.
30. *Вестник экономики, права и социологии.* – Казань, 2/2008.
31. *Вестник экономики, права и социологии.* – Казань, 4/2008.
32. *Восток и Запад: глобализация и культурная идентичность // М-лы межд. Конгресса, посв. 1000-летию Казани.* – Казань: КГУ, 2005.
33. Выгодский М.Я. *Справочник по высшей математике.* – М.: Наука, 1977.
34. Вяч. Вс. Иванов. ДО – ВРЕМЯ – ПОСЛЕ? (вместо предисловия). // *Генри Франкфорт, Г.А. Гройневеген-Франкфорт, Джон А. Уилсон, Торкильд Якобсен. В преддверии философии.* – М.: «Наука», 1984.
35. Х.-Г. Гадамер. Истина и метод. Основы философской герменевтики. / Ред. и вступит. статья Б.Н. Бессонова. – М.: «Прогресс», 1988.
36. Галилео Галилей. Пробирных дел мастер. – М.: 1987.
37. Гегель, Георг Вильгельм Фридрих. *Лекции по истории философии.* Кн. 1-3. – СПб.: «Наука», 1993-1994.
38. Гегель, Георг Вильгельм Фридрих. *Наука логики.* В 3-х т. – Т. I. – М.: «Наука», 1970-1972.
39. Гегель, Георг Вильгельм Фридрих. *Система наук. Часть первая. Феноменология духа.* / Пер. Г. Шпета. – СПб: «Наука», 1994.

40. Гегель, Георг Вильгельм Фридрих. Феноменология духа. – СПб.: Изд-во «Наука», 1994. – 448 с.
41. Гегель, Георг Вильгельм Фридрих. Энциклопедия философских наук. – В 3-х т. – М.: «Мысль», 1975. – 696 с.
42. Гессе, Герман. Игра в бисер. Сочинения, в 4-х т. – Т. IV. – СПб, «Северо-запад», 1994.
43. Гоббс, Томас. Левиафан. // Сочинения, в 2-х т. – Т. II. – М.: «Мысль», 1991.
44. Грязнов А.Ф. «Разумный скептицизм в жизни и философии». Вступит. статья к: Юм, Д. Трактат о человеческой природе, или попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам. / Пер. С.И. Церетели. Примечания И.С. Нарского. // Давид Юм. Сочинения в 2-х т. – Т. I. 2-е, дополненное и исправленное издание. – М.: «Мысль», 1996.
45. Гумбольдт, Вильгельм фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: «Прогресс», 2000.
46. Дэвид Юм и современная философия // Материалы международной конференции (Москва, 15-17 ноября 2011). – Т. 1 (Пленарные доклады); т. 2 (Эпистемология). – М.: Альфа М. – 2011.
47. Де Мауро, Туллио. Введение в семантику. – М.: ДИК, 2000. Пер. с итал. Б.П. Нарумова. (1-е изд. – 1965 г. Прим. перев).
48. Делез, Жиль. Представление Захер-Мазоха (Холодное и жестокое) // Венера в мехах. Ad Marginem. – М.: «Культура», 1992.
49. Делез, Жиль, Гваттари, Феликс. Что такое философия? – СПб., 1998.
50. Деррида, Жак. Эссе об имени /пер. с франц. Н.А. Шматко. – «ИЭС», М.: Алетейя, СПб.
51. Джегутанов Б., Стрельченко В., Балахонский В., Хон Г. История и философия науки. – «Питер», М., СПб, Нижний Новгород, Ростов-на-Дону, Екатеринбург и др. – 2006.
52. Диалог цивилизаций. Казань-Каир. М-лы международной конференции. – Казань: Изд-во КГУ, 2008.
53. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М.: «Мысль», 1979. Книга IX.
54. Доброхотов А.Л. «Дух». Словарь философских терминов /ред. В.Г. Кузнецов/. – М.: ИНФРА-М, 2005.
55. Дубровский Д.И. Проблема идеального. – М.: 1983.
56. Жирнов В.Д. Гегель о понятии и представлении. – Вестник Российского Философского Общества № 3, 2010.
57. Замятин Д.Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. – М.: АГРАФ, 2004.

58. Зигварт, Христоф. Логика. – СПб: 1908. Т II. Вып.1.
59. Зиновьев А.В. Магия Апокалипсиса. – Саранск: «Поиск», «Норд», 1990.
60. Известия КГАСУ, 2006 г., № 1 (5).
61. Ильин И. Постструктурализм, деконструктивизм, постмодернизм. – М.: «Интрада», 1996.
62. Исаченко А.Г. Развитие географических идей. – М.: «Мысль», 1971.
63. История науки и техники в Северо-Кавказском регионе. М-лы науч. конф. – Москва-Ставрополь, 2009.
64. Касавин И.Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. – СПб, 1998.
65. Касавин И.Т. Традиции и интерпретации: фрагменты исторической эпистемологии. – М. – СПб., Изд-во РХГИ, 2000.
66. Касавин И.Т. Кнехт и Дезиньори. Социокультурные роли человека интеллектуального труда // Эпистемология & философия науки. – Т. XXIX. – № 3. – М.: Альфа-М, 2011.
67. Касавин И.Т., Порус В.Н. Вводная статья к: «Коммуникативная рациональность. Эпистемологический подход». М.: ИФРАН, 2009.
68. Кафка, Франц. Замок: Роман; Новеллы и притчи; Письмо отцу; Письма Милене. Пер. с нем. Автор предисловия Д. Затонский. – М.: «Политиздат», 1991.
69. Кафка Ф. Замок. – М.: РИФ, 1991.
70. Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика. Уч. пособ. для юрид. вузов и ф-тов. – М.: «Высшая школа», 1982.
71. Киссель М.А. Судьба старой дилеммы. – М.: 1974.
72. CLIO MODERNA: Зарубежная история и историография. Сб. науч. ст., вып. 5. – Казань, КГУ, 2005.
73. Кортасар, Хулио. Их вера в науки.
74. Кохановский В.П., Пржиленский В.И., Сергодеева Е.А. Философия науки. – М.: ИКЦ «МарТ», Ростов-н/Д, Изд. Центр «МарТ», 2006.
75. Крюс, Джеймс. Тим Талер, или проданный смех. М.: 1975.
76. Лекторский В.А. Рациональность, социальные технологии и судьба человека // Эпистемология & Философия науки. – 2011. – Т. XXIX. – № 3.
77. Лекторский В.А. Субъект. Познание. Деятельность. К 70-летию В.А. Лекторского. – М.: КАНОН+, ОИ «Реабилитация». – 2002.
78. Лекции по философии науки. Под ред. В.И. Пржиленского. – М.: ИКЦ «МарТ», Ростов-н/Д, Изд. Центр «МарТ», 2008.
79. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. ПСС, т. 18.
80. Ленин В.И. Философские тетради. ПСС, т. 29.

81. Локк, Джон. Опыт о человеческом разумении. Сочинения в 3-х т. – Т. I, т. II. /Пер. А.Н. Савина. Ред. и авт. вступит. статьи И.С. Нарский. – М.: «Мысль», 1985.
82. Локк, Джон. «Письма» к Эд. Стиллингфлиту, епископу Вустерскому. // Избранные философские произведения. В 2-х т. – Т. II. – М.: Изд-во социально-эконом. лит-ры, 1960.
83. Лосев А.Ф. Культурно-историческое значение античного скептицизма и деятельность Секста Эмпирика. / Вступит. статья к: Секст Эмпирик. Сочинения в 2-х т. – Т. I. – М.: «Мысль», 1976.
84. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Последние века. – М.: 1988.
85. Лосев А.Ф. Философия имени // Из ранних произведений. – М.: 1990.
86. Маковельский А.О. История логики. – М.: «Наука», 1967.
87. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Сочинения / К. Маркс и Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Т. 42. – М.: 1974.
88. Марксистско-ленинская диалектика. – В 8 кн. – Кн. III. – М: МГУ, 1985.
89. Материалисты Древней Греции. – М.: Гос. Изд-во полит. лит-ры, 1955.
90. Мейе, Антуан. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. /Пер. Д. Кудрявского. Ред. Р.Шор. Вступит.статья М. Сергиевского. – М., Л.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1938.
91. Микешина Л.А. Философия познания. Полемиические главы. – М.: «Прогресс-Традиция», 2002.
92. Микешина Л.А. Философия науки: современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учебное пособие. – М.: «Прогресс-Традиция»: МПСИ: Флинта, 2005.
93. Мир географии. – М.: «Мысль», 1984.
94. Навстречу XXII Всемирному Философскому конгрессу: Переосмысливая философию. М-лы научной конференции. – Казань: КГЭУ, 2008.
95. На пути к неклассической эпистемологии. – М.: ИФРАН, 2009.
96. Нарский И.С. Джон Локк и его теоретическая система. / Вступит. ст. к: Д. Локк. Сочинения в 3-х т. – Т. I. – М.: «Мысль», 1985.
97. Нарский И.С. Значение. Филос. энциклопедия. В 6-ти т. – Т.2. – М.: 1962.
98. Нарский И.С. К анализу строения основного вопроса философии. // Философские науки. – 1983. – № 6.
99. Наука. Философия. Общество. М-лы V Российского Философского Конгресса. Т. I. – Новосибирск: «Параллель», 2009.
100. Нарский И.С. Вступит. статья к раб. М. Хайдеггера «О сущности истины» // Философские науки. – 1989. – № 4.

101. Несмелов В.И. Наука о человеке. В 2-х т. Репринт 1905, 1906 г. – Казань: «Заря-Тан», 1994.
102. Новоселов М.М. Тождество. – М.: БСЭ, т. 26.
103. Ориген. О началах. – Самара: РА, 1993.
104. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства // Самосознание европейской культуры XX века. – М.: 1991.
105. Платон. Тимей. Сочинения. В 4-х т. – Т. III. – М.: «Мысль», 1994. / Пер. С.С. Аверинцева.
106. Полани, Майкл. Личностное знание. – М.: 1985.
107. Поппер, Карл Раймунд. Открытое общество и его враги. В 2-х т. – М.: 1992.
108. Пржиленский В.И. Идея реальности и эпистемологический конструктивизм // Вопросы философии. – 2010. – № 11.
109. Проблема соотношения бытия и небытия. Колл. моногр. – Казань: КГТУ, 2004.
110. Проблемы типологии языка. Ч.1. Сб. н. статей. – Казань: КГПУ, 2004.
111. Рационализм и культура на пороге 3-го тысячелетия. М-лы III Российск. Филос. конгресса. – Т.1. – Ростов-наДону: 2002.
112. Реале, Дж., Антисери, Д. Западная философия от истоков до наших дней. В 4-х т. – «Петрополис», СПб, 1994-1997.
113. Рикер, Поль. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – М.: «Медиум», 1995.
114. Секст Эмпирик. Сочинения, в 2-х т. – М.: «Мысль», 1976.
115. Ситуационные исследования. Вып.1. Ситуац. подход. По м-лам всерос. сем. – Казань: КГТУ-КАИ, 2005.
116. Славягинская М.Н. Учебник древнегреческого языка. В 2-х ч. – М.: «Филология», 1996.
117. Смирницкий А.И. Хрестоматия по истории английского языка с VII по XVII в. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз. – 1953.
118. Современные исследования социальных проблем № 4.1, 2010. – НИЦ Красноярск.
119. Социолингвистические проблемы функционирования государственных языков РТ. Сб. науч. ст. – Казань: «Татар. кн. изд-во», 2007.
120. Статкевич И. А. Проективная природа художественного восприятия. Дисс. на соиск. уч. ст. докт. филос. н. – Чебоксары, 2009.
121. Степанов Ю.С. Вводная статья к: Семиотика. Антология / Сост. Ю.С. Степанов. Изд-е 2-е, испр. и доп. – М.: «Академический Проект»; Екатеринбург: «Деловая книга», 2001.

122. Суровцев В.А. О логико-философских взглядах Готлоба Фреге. // Вступит. ст. к: Готлоб Фреге. Логико-философские труды. Логические исследования. Основоположения арифметики. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2008.
123. Тайсин А.С. География Республики Татарстан. – Казань: «Магариф», 1998.
124. Тайсин А.С. Озера Приказанского района, их современные природные и антропогенные изменения. – Казань: Изд-во ТГГПУ, 2006.
125. Тайсин А.С. Раифский лес в составе бореальных лесов Евразии. – Казань: Изд-во Казанск. гос. ун-та, 2008.
126. Тайсина Л.А. Придаточные предложения образа действия в современном английском языке. – Казань: Уч. зап. Казанск. гос. пед. ин-та, 1958. – Вып. 15.
127. Тайсина Э.А. Очерки новой гносеологии. Очерк I. Основная синтагма. – Казань: изд-во КГЭУ. – 2009.
128. Тайсина Э.А. Очерки новой гносеологии. Очерк II. Онтология экзистенциального материализма. – Казань: изд-во КГЭУ. – 2010.
129. Тайсина Э.А. Очерки новой гносеологии. Очерк III. Гносеология экзистенциального материализма. – Казань: изд-во КГЭУ. – 2011.
130. Тайсина Э.А. Очерки новой гносеологии. Очерк IV. Истина – *cor cordium* гносеологии. – Казань: изд-во КГЭУ. – 2012.
131. Тайсина Э.А. Философские вопросы семиотики. – Казань: изд-во КГУ, 1993; изд-во КГЭУ, 2003.
132. Текст. Произведение. Читатель. Вып. 2. – Казань: «МоиН-РТ», 2011.
133. Творчество как форма выражения мира человека. Сб. науч. трудов. – Ульяновск: 2005.
134. Теоретическое наследие Казанской научной, философской, богословской мысли в контексте мировоззренческого диалога. Сб. статей Всероссийской научной конференции. – Казань: КГАСУ, 2010.
135. Теория перевода. Межкультурная коммуникация. Сопоставительная лингвистика. М-лы I Междунар. науч. конф. МГУ-КГУ. – М.: 2003.
136. Теория познания. – Т. 2. /Авт. М.В. Попович/. – М.: 1991.
137. Тимирязев К.А. Основные черты истории развития биологии в XIX столетии. – Приложение к кн.: Поль Таннери. Исторический очерк развития естествознания в Европе (1300-1900). / Ред., автор предисл., пер. с франц. С.Ф. Васильев. – М. - Л.: Гос. техн.-теор. изд-во. – 1934.
138. Третья софистика: теоретический альманах “*Res Cogitans # 7*”. – М.: ИД «Книжное обозрение», 2010.

139. Уильям Оккам. Избранное. – М.: «РАН ИФ Едиториал УРСС», 2002.
140. Ученые записки КГУ. Т. 150. Серия «гуманитарные науки». Книга 4. – Казань: 2008.
141. Философия науки. – М.: «Трикта», 2004; М.: «Академический Проект», 2004.
142. Философия и будущее цивилизации. М-лы IV Российского философского конгресса. – В 5-ти т. – Т. I. – М.: «Совр. тетради», 2005.
143. Философия и методология науки. Т.1. – М.: 1994.
144. Философия, культура, образование в XXI в. Сб. статей и тезисов Всероссийской научно-практической конференции. – Казань: 2011.
145. Философия. Язык. Познание. Сб. юбилейных м-лов. – Казань, КГЭУ, 2011.
146. Философские альтернативы. Философский альманах № 7. – Иваново: 2005.
147. Фреге, Готлоб. Логико-философские труды. Логические исследования. Основоположения арифметики. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2008.
148. Фреге, Готлоб. Мысль: логическое исследование / Философия, логика, язык. М.: 1987.
149. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – М.: «Прогресс», 1977. / Вступит. статья Н.С. Автономовой – СПб.: «A-cad», 1994.
150. Хайдеггер, Мартин. Бытие и время. – М.: Изд-во Ad Marginem, 1997. – 452 с.
151. Хайдеггер, Мартин. К вопросу о назначении дела мышления /пер. А.Н. Портнова // Философия сознания в XX веке: проблемы и решения. – Иваново, 1994.
152. Хайдеггер, Мартин. Письмо о гуманизме. «Время и бытие». – М.: «Республика», 1993.
153. Хайдеггер, Мартин. Разговор на проселочной дороге. – М.: «Высшая школа», 1991.
154. Харвей, Дэвид. Научное объяснение в географии. Общая методология науки и методология географии. – М.: «Прогресс», 1974. / Сокр. перевод В.Я. Барласа, В.В. Голосова. Предисл. и ред. Е.П. Никитина. Послел. В.Б. Сочава.
155. Холл, Мэнли П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрайцевской символической философии. – Новосибирск: «Наука», 1992. / Перевод и предисловие В.В. Целищева.
156. Человек в мире культуры: исследования, прогнозы. М-лы Межд. науч. конгресса. – М.: ВИНТИ, 2007.
157. Шарп, Дарел. Незримый ворон: Конфликт и Трансформация в жизни Кафки. – Воронеж, 1994.

158. Штайнер, Рудольф. Истина и наука. Пролог к «Философии свободы», изд-во Московский центр вальдорфской педагогики. – М: 1992.
159. Эко, Умберто. Имя розы. – Воронеж, Москва: «Фолиант», 1989.
160. Эко, Умберто. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. ТО-ОТК «Петрополис». – 1998.
161. Энгельс, Ф. Анти-Дюринг. Маркс, К., Энгельс, Ф. Избр. Соч. в 9-ти т. Т. V. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1986. См. также: Сочинения, 2-е изд. Т. 20.
162. Этнонациональные ценности в условиях глобализации. М-лы Всероссийской науч.-практ. конференции. – Махачкала, 2008.
163. Юм, Давид. Трактат о человеческой природе, или попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам. /Пер. С.И. Церетели. Примечания И.С. Нарского. Вступит. статья А.Ф. Грязнова. // Давид Юм. Сочинения в 2-х т. – Т. I. – 2-е, дополненное и исправленное издание. – М.: «Мысль», 1996.
164. Юм, Давид. Сокращенное изложение «Трактата о человеческой природе». /Пер. В.С. Швырева. // Давид Юм. Сочинения в 2-х т. – Т. I. – 2-е, дополненное и исправленное издание. – М.: «Мысль», 1996.
165. Юм, Давид. Письмо джентльмена его другу в Эдинбурге. /Пер. В.В. Васильева. // Давид Юм. Сочинения в 2-х т. – Т. I. – 2-е, дополненное и исправленное издание. – М.: «Мысль», 1996.
166. Юм, Давид. Исследование о человеческом познании. /Пер. С.И. Церетели. // Давид Юм. Сочинения в 2-х т. – Т. 2. – 2-е, дополненное и исправленное издание. – М.: «Мысль», 1996.
167. ***
168. Anscombe, G.E.M. Memory, “Experience” and Causation//Contemporary British Philosophy / Ed. By H.O.Lewis. – Plymouth: 1976.
169. Bambrough, Renford, Fellow of St. John’s College, Cambridge, and Editor of Philosophy. The Shape of Ignorance. // Contemporary British Philosophy / Ed. By H.O. Lewis. – Plymouth: 1976.
170. Benjamin W. Franz Kafka: On the Tenth Anniversary of his Death/Juedische Rundschau, 1934 // Illuminations. Ed. by Hannah Arendt. – NY.
171. Bennett, Jonathan. Learning from six philosophers. V. 2. Locke, Berkeley, Hume. Clarendon Press. – Oxford. – 2001.
172. Benson, Ophelia, Stangroom, Jeremy. Why Truth Matters. – London – NY, Continuum, 2007.
173. Britannika, Merriam Webster.
174. Chamber’s 20th Century Dictionary. – Glasgo – Edinburgh. – 1965.

175. Derrida: a Classical Reader. / Ed. by David Wood. Blackwell Publishers Ltd. Oxford, UK. – 1996.
176. Eco, Umberto. A Theory of Semiotics. – Bloomington, London: 1976.
177. Gasché, Rodolphe. The Tain of the Mirror. – Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press. – 1986.
178. “Identity”. The Columbia Encyclopedia, Fifth Edition. – Columbia University Press, 1993.
179. Lyons J. Semantics. – Cambridge, 1977. – Vol. I, 2.
180. Psillos, Stathis. Philosophy of Science A – Z. – Edinburgh Univ. Press. 2007.
181. Rorty, Richard. Is Derrida a Transcendental Philosopher? // Derrida: a Critical Reader. / Ed. by David Wood. – Blackwell Publishers Ltd. Oxford, UK. – 1996.
182. Scruton, Roger. Modern Philosophy. – Mandarin Paperbacks, London, GB, 1996. (First published in 1994).
183. Tannen, Deborah. That’s not what I meant! How Conversational Style Makes or Breaks Relationships. – Ballantine books, N.Y. 1987.
184. Tao te t’ing. – Praha, 1971.
185. Vattimo, Janni. The End of Modernity. – Cambridge, UK. 1994.
186. Vesey, Godfrey. Locke and Wittgenstein on Language and Reality. // John Locke: Muirhead Library of Philosophy. Contemporary British Philosophy/(fourth series). / Ed. By H.O. Lewis. – UK, Plymouth. 1976.
187. Webster’s Seventh New Collegiate Dictionary. – Springfield, Mass., USA.
188. XXII World Congress of Philosophy. Rethinking Philosophy Today. – Abstracts. – Seoul Nat. Univ. Press, Korea, 2008.

XXII World Congress of Philosophy. Opening Ceremony. Wednesday, July 30, 2008. www.wcp2008.or.kr

http://www.congress2008.dialog21.ru/Doklady120310.htm

http://www.congress2008.dialog21.ru/Doklady20310.htm#eng

http://evafil.com/moodle/mod/resource/view.php?id=13 (PERU)
--

СОДЕРЖАНИЕ

ИНТРОДУКЦИЯ	5
Глава I. НАЛОЖЕНИЕ ПРИНЦИПОВ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ (СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ СРЕЗ)	19
Введение.....	19
§ 1. Основные принципы систематизации философского знания.....	21
§ 2. Основная гносеологическая синтагма (altera pars).....	46
§ 3. Основная гносеологическая синтагма (prima pars).....	74
§ 4. Постмодернистская картина бытия и познания.....	95
Заключение.....	122
Глава II. ОНТОЛОГИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО МАТЕРИАЛИЗМ	127
Введение.....	127
§ 1. Транскрипции экзистенциализма в разных сферах западноевропейской культуры Новейшего времени.....	132
§ 2. Экзистенциальные и эссенциальные модусы Бытия.....	155
§ 3. Материя и «объективное».....	191
§ 4. Дух и «субъективное».....	225
Заключение.....	253
Глава III. ГНОСЕОЛОГИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО МАТЕРИАЛИЗМА	260
Введение.....	260
§ 1. Пути познания неисповедимы?.....	268
§ 2. Отражение как вид универсального взаимодействия и принцип познания.....	302
§ 3. Язык – внепространственная местность со-бытия и со-знания.....	336
§ 4. Знак и значение.....	375
Заключение.....	403

Глава IV. ИСТИНА – COR CORDIUM ГНОСЕОЛОГИИ	407
Введение.....	407
§ 1. Проблема истины: общие соображения.....	412
§ 2. Постановка проблемы истины в классической гносеологии.....	438
§ 3. Истина и заблуждение.....	462
§ 4. Особенности философско-научного познания.....	493
§ 5. Основные подходы в философии науки.....	519
§ 6. Решение проблемы истины.....	553
Заключение.....	586
КОДА	590
Литература.....	596